This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06996102 1

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

1/9 830640

„МУРАВЕЙ“

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

С.-Петербургъ.
1875.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
830640
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1917

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Какъ люди съ неба звѣзды хватали. В. Руссака	1
Старый Пафнутій. М. Цебриковой	51
Отъ Халаата до Аму-Дарьи М. Богданова	148
Девять дней между Европой и Африкой. А. Бутлерова .	183
моря. А. Михайлова	218

Digitized by Google

Digitized by Google

Какъ люди съ неба звѣзды хватали.

Трудно вообразить себѣ, чего стоило людямъ, понявъ даже самыя обыденныя, самыя простыя явленія и законы природы, научиться употребленію самыхъ простыхъ вещей. Для познанія и пониманія явленій природы мы имѣемъ только наши пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, осязаніе, вкусъ и обоняніе. Къ сожалѣнію, чувства эти, пока не выучены опытомъ, подвержены грубымъ ошибкамъ. Каждый человѣкъ, родясь, видитъ предметы глазами; но о разстояніи ихъ другъ отъ друга и отъ самаго себя не имѣетъ никакого понятія, пока опытъ не научитъ его этому понятію. Вотъ отчего младенцы тянутся за луной и требуютъ, чтобы ее дали имъ въ руки. Но и взрослые люди не всѣ одинаково вѣрно судятъ о разстояніяхъ. Кто въ этомъ отношеніи опытнѣе, тотъ

Digitized by Google

судить вѣрнѣе. Разстояніе, которое опытный человѣкъ вѣрно опредѣляетъ въ 500 шаговъ, неопытнымъ покажется или гораздо больше, или гораздо меньше, смотря по мѣстности.

Въ отношеніи многаго достаточно человѣку личнаго опыта, чтобы провѣрить и исправить ошибки своихъ чувствъ. Но есть другія, болѣе сложныя явленія, гдѣ едва достаточно опыта, наблюденій и изслѣдованій многихъ поколѣній, чтобы разсѣять заблужденіе. Мы здѣсь разскажемъ, какихъ трудовъ стоило разогнать одно подобное заблужденіе.

Одно изъ самыхъ прекрасныхъ зрѣлищъ въ природѣ есть конечно звѣздное небо. Взглядывая ночью вверхъ, человѣкъ видитъ синій куполъ, покрывающій землю и усыпанный множествомъ блестящихъ звѣздъ, большею частью неподвижныхъ, всегда сверкающихъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, слѣдовательно, какъ бы пригвожденныхъ къ своду. Человѣкъ догадался воспользоваться звѣздами, чтобы по положенію ихъ опредѣлять свой путь въ пустыняхъ, и звѣзды стали служить ему путеводителями гораздо раньше того, какъ онъ въ первый разъ задалъ себѣ вопросъ, что такое въ сущности эти блестящія точки? Для того, чтобы по звѣздамъ умѣть находить себѣ путь, человѣку достаточно было личнаго опыта, простого ежедневнаго наблюденія.

Digitized by Google

Но кромѣ этихъ неподвижныхъ звѣздъ человѣкъ видитъ на небѣ другія свѣтила, постоянно находящіяся въ движеніи. Изъ нихъ солнце и луна рѣзко отличаются отъ прочихъ, какъ своей величиной, такъ и быстротою перемѣщенія. Другія по виду очень похожи на прочія звѣзды, но отличаются отъ нихъ подвижностью. Движенія солнца и луны имѣютъ слѣдствіемъ смѣну дня и ночи, и люди, наблюдая перемѣны свѣта, происходящія отъ этихъ движеній, стали опредѣлять по нимъ время.

Такимъ образомъ дикари и до сихъ поръ пользуются солнцемъ и луной для опредѣленія времени и звѣздами для опредѣленія направленія въ пути, не спрашивая себя, что такое эти свѣтила, почему и какъ они движутся, что такое голубой куполъ, на которомъ они держатся и какъ держатся они на немъ? Когда въ глубочайшей древности предки нынѣшнихъ и уже погибшихъ цивилизованныхъ народовъ начали *думать* и *разсуждать*, вопросы эти должны были тотчасъ придти имъ въ голову, потому что въ природѣ нѣтъ явленій болѣе поразительныхъ и важныхъ для человѣка, какъ движенія солнца и луны. Задавъ себѣ эти вопросы, они отвѣчали на нихъ тѣмъ, что, имъ казалось, они видѣли. Небо есть куполъ, охватывающій землю и возвышающійся на ней, куполъ, состоящій изъ чего

Digitized by Google

то *твердаго*, потому что достаточно крѣпокъ, чтобы на немъ могли держаться свѣтила. Вотъ почему древніе называли иногда небо *твердью*.

Но тутъ являлся вопросъ: если неподвижныя звѣзды, крѣпко прикрѣпленныя къ небу, могутъ держаться на немъ, то какъ же держатся подвижныя свѣтила? Если они движутся, значитъ они не прикрѣплены, а если прикрѣплены, то какъ же могутъ двигаться? Неизвѣстно, сколько тысячъ лѣтъ ломали люди головы надъ этимъ вопросомъ, который, вѣроятно, казался имъ неразрѣшимъ, какъ теперь и намъ кажутся неразрѣшимыми много другихъ вопросовъ въ этомъ родѣ.

Наконецъ, поломавъ головы, придумали такое объясненіе. Небо есть, конечно, твердый синій куполъ, это имъ казалось несомнѣннымъ, они это *видѣли*; неподвижныя звѣзды прикрѣплены къ нему. Но подъ нимъ есть другой куполъ, совершенно прозрачный какъ стекло, такъ что его не видно; но онъ тоже твердый, такъ что на немъ держится подвижная звѣзда; она къ нему плотно придѣлана и сама не двигается, а двигается весь куполъ вокругъ земли, а такъ какъ купола, по его прозрачности, не видно, то кажется, будто двигается сама звѣзда. Но подвижныхъ свѣтилъ древніе видѣли семь: солнце, луну и планеты: Меркурій, Венеру, Марсъ, Юпитеръ

Digitized by Google

и Сатурнъ. Стало быть, и куполовъ семь, одинъ въ другомъ, и всѣ они накрыты синимъ небеснымъ куполомъ; и каждый изъ нихъ вертится вокругъ земли, а вмѣстѣ съ нимъ вертится и прикрѣпленное къ нему свѣтило.

Выдумкѣ этой пришлось повѣрить, потому что она только и объясняла, почему солнце, луна и звѣзды двигаются, но съ неба на землю не падаютъ. Но однако, наблюдая далѣе движенія свѣтилъ, замѣтили, что дѣло не совсѣмъ ладно. Какъ ни плохо смотрѣли древніе на небо, однако замѣтили, что движеніе свѣтилъ вовсе не такъ просто, какъ ему слѣдовало бы быть, еслибы они просто вертѣлись на своихъ куполахъ съ востока на западъ вокругъ земли. Уже не говоря о планетахъ, которыя вовсе съ востока на западъ не вертятся, а описываютъ на небѣ пути, повидимому, совершенно неправильные, даже луна и солнце не движутся такъ правильно, какъ слѣдовало бы имъ вертѣться на своихъ куполахъ.

Замѣтивъ такимъ образомъ, что объясненіе хромаетъ, стали его поправлять. Что планеты движутся, этого нельзя было отрицать; это было ясно; нельзя было отрицать и того, что онѣ движутся неправильно; это было очень непріятно, потому что портило хорошее объясненіе, но противъ этого нечѣмъ было помочь. По счастью, въ объясненіи упо-

Digitized by Google

миналось о такой штукѣ, которую никто не видалъ и о которой, стало быть, можно было сказать что угодно. Это были эти стеклянные невидимые куполы или сферы, которые были придуманы для объясненія движенія звѣздъ. Съ однимъ куполомъ, двигающимся съ востока на западъ, дѣло не выходитъ, потому что планета не ходитъ съ востока на западъ, а колеситъ по небу. Зачѣмъ же дѣло стало? Можно сказать, что у каждой планеты два, три, четыре купола, одинъ въ другомъ, и всѣ они въ разныя стороны вертятся, такъ что она, не зная за которымъ поспѣвать, мечется по небу. Такъ на томъ и положили, что у каждой планеты должно быть четыре сферы, а у солнца и луны, которыя правильнѣе ходятъ, только по три. Значитъ, всѣхъ прозрачныхъ куполовъ выходило 26; потомъ разсчитали, что и этого мало и накинули еще десятокъ, а подъ конецъ разсчитали уже совсѣмъ вѣрно, что ихъ ровно семдесять девять, ни больше, ни меньше.

Высчитываніемъ числа сферъ люди пробавлялись еще около 2000 лѣтъ, такъ что 36 сферъ считалъ Аристотель за 300 слишкомъ лѣтъ до нашей эры, а 79 сферъ насчиталъ Фракасторъ уже черезъ 1500 лѣтъ послѣ Рождества Христова. Но въ это же время другимъ людямъ стали приходить въ голову другія предположенія.

Digitized by Google

Главная бѣда была въ томъ, какъ мы видѣли, что свѣтила не ходили правильно вокругъ земли. Въ виду такого замѣшательства одному умному человѣку пришло въ голову предположеніе, что, можетъ быть, они ходятъ вовсе не вокругъ земли, а вокругъ чего нибудь другого. Онъ предположилъ, что планеты вращаются въ своихъ сферахъ, но не вокругъ земли, а вокругъ какого нибудь центра внѣ земли, отчего намъ и кажется, будто онѣ вращаются неправильно, такъ какъ въ своемъ движеніи онѣ то приближаются къ намъ, то отдаляются.

Это предположеніе было естественное, но чрезвычайно смѣлое и новое. И небо, и всѣ свѣтила существовали, какъ тогда думали, для земли, свѣтила освѣщали ее, а небо поддерживало ихъ; земля была центромъ всего; все прочее было ея принадлежностью; и вдругъ предположить, что одна изъ принадлежностей, какая нибудь маленькая планета, выказываетъ какую то независимость, ходить не вокругъ земли, какъ подобаетъ, а вокругъ ни-вѣсть чего? Однако это лучше объясняло движенія планетъ, чѣмъ 79 сферъ, и теорія эта съ разными дополненіями была принята большинствомъ и утвердилась подъ именемъ системы Птоломея.

Другіе люди напали на мысль еще болѣе дерзкую. Если небо вокругъ насъ двигается, разсуждали они,

Digitized by Google

хотя движеніе его замѣчается только по перемѣщенію находящихся на немъ звѣздъ, то не двигается ли и земля наша, но въ обратную сторону, съ запада на востокъ? При этомъ предполагалось конечно, что земля есть плоскій кругъ, двигающійся какъ колесо на оси. Но всѣ очень хорошо *видѣли* и *чувствовали*, что земля не двигается, и это предположеніе показалось такъ нелѣпо, что даже тотъ, кто его придерживался, не рѣшался высказывать его, чтобы не прослыть чудакомъ или полоумнымъ.

Наконецъ, было и еще предположеніе, которое получило самый большій успѣхъ. Всѣ эти сферы или куполы, двигающіеся въ разныя стороны, казались дѣломъ слишкомъ сложнымъ, запутаннымъ и темнымъ. Если уже предполагать что нибудь сверхъ того, что видимъ глазами, то, вмѣсто какихъ то прозрачныхъ колпаковъ, не проще ли предположить, что у всякаго свѣтила есть своя *душа*, которая знаетъ, куда ей нужно ходить, и зачѣмъ. Все, что само движется, мы называемъ животнымъ, живымъ, думали эти люди; планеты сами движутся, стало быть они животныя, живыя существа, которыя знаютъ куда и зачѣмъ идти; это простое объясненіе очень понравилось публикѣ. Послѣ него все стало просто и ясно. Какія бы неправильности и странности ни замѣчались въ движеніяхъ свѣтилъ, чему

Digitized by Google

же тутъ удивляться? Видно, такъ имъ нужно.

Но почему же это такъ нужно имъ? Если они ходятъ и снуютъ тамъ въ небѣ, то гдѣ цѣль этихъ скитаній? Ради кого они хлопочутъ? Вѣдь тамъ въ небѣ, кромѣ ихъ самихъ, ничего нѣтъ; изъ-за кого же они бьются? Понятно, изъ-за насъ, людей, живущихъ на землѣ и для которыхъ все на свѣтѣ существуетъ—и небо, и свѣтила. Своими прогулками на небѣ свѣтила устраиваютъ нашу судьбу. Марсъ, напр., планета воинственная, и названъ онъ въ честь бога войны, и свѣтъ у него красный; если на землѣ нужно родиться великому воителю, Марсъ приходитъ въ нужное время и свѣтитъ на то мѣсто, гдѣ долженъ родиться будущій полководецъ. Если этотъ полководецъ, кромѣ того, долженъ сдѣлаться царемъ, то къ Марсу приближается Юпитеръ, названный въ честь царя боговъ, и они вмѣстѣ рѣшаютъ судьбу новорожденнаго. Разъ выѣхавъ на эту дорогу, все идетъ какъ по маслу, догадокъ тьма, но на все готово объясненіе; наблюденіе служитъ не знанію, а ворожбѣ, и познаніе неба, не успѣвъ сдѣлаться астрономіей, сдѣлалось астрологіей.

Такимъ образомъ, когда люди, не довольствуясь прямымъ наблюденіемъ явленій природы, начинаютъ фантазировать, начинаютъ придумывать для объясненія этихъ явленій догадки, ни на чемъ не основан-

Digitized by Google

ныя, то фантазіямъ и догадкамъ этимъ уже не бываетъ конца, и нѣтъ такой нелѣпости, до которой эти фантазіи не могли бы довести. Но если, съ одной стороны, человѣческій умъ склоненъ самъ себя вводить въ заблужденія собственными фантазіями, то съ другой стороны, это неугомонное стремленіе его доискиваться объясненій составляетъ необходимое условіе всѣхъ его успѣховъ. Чувства показываютъ ему въ природѣ два явленія, которыя онъ никакъ не можетъ согласить, какъ напр., неподвижную *твердь* неба и двигающіяся на ней свѣтила. Онъ не можетъ помириться на томъ, что небо и звѣзды отъ него далеки, что понять законы движенія звѣздъ ему нельзя, что это не про него писано и ему недоступно; нѣтъ, онъ упорно наблюдаетъ небо и придумываетъ разныя нелѣпыя объясненія за новозможностью найти настоящее. Еслибы умъ человѣческій былъ способенъ отступить передъ непонятнымъ явленіемъ, отказаться отъ пониманія его, онъ не придумалъ бы, правда, нелѣпыхъ объясненій, но за-то не нашелъ бы и настоящаго.

Въ этомъ случаѣ настоящее объясненіе было очень трудно найти. Какъ мы видѣли, уже давно нѣкоторые люди догадывались, что, можетъ быть, свѣтила обращаются не вокругъ земли, а вокругъ

Digitized by Google

чего-нибудь другаго. Чего же? Если не вокругъ земли, то вокругъ солнца. Солнце настолько больше и блестящѣе всѣхъ свѣтилъ, что естественно предположить, что оно между ними первенствуетъ, что оно составляетъ ихъ *центръ*. Затѣмъ другіе, идя далѣе, предположили, что если солнце есть центръ движенія свѣтилъ, то само оно должно быть неподвижно, и если намъ кажется, что оно двигается, то это оттого, что двигаемся мы, двигается наша земля, подобно другимъ планетамъ; намъ же кажется противное, какъ человѣку, ѣдущему въ лодкѣ, кажется, что ѣдутъ берега.

Объясненіе это не было принято, а скорѣе повѣрили, что у свѣтилъ есть душа, что они живыя и ходятъ куда хотятъ. И это неудивительно. Утверждать, что земля вертится, а солнце остается въ неподвижности значило отрицать то, что всѣ видѣли и чувствовали. Тѣ, кто говорилъ это, говорилъ этимъ самымъ, что наши чувства грубѣйшимъ образомъ обманываютъ насъ въ этомъ отношеніи, что, напр., зрѣніе наше, когда мы наблюдаемъ свѣтила, показываетъ намъ совсѣмъ противное тому, что есть на самомъ дѣлѣ. Но мы только зрѣніемъ и можемъ судить и вообще что-нибудь знать о свѣтилахъ; если оно насъ такъ грубо обманываетъ, то остается только спасовать и сказать, что это не про насъ

Digitized by Google

писано и что мы ничего никогда не можемъ узнать о томъ, что дѣлается на небѣ.

Это возраженіе естественно должно было представляться и отбивать охоту отъ объясненія, которое приводило только къ тяжелому сознанію, что никакое объясненіе тутъ невозможно. Но этотъ выводъ былъ неправиленъ. Наблюденіе и опытъ именно для того и должны служить людямъ, чтобы повѣрять свои чувства и исправлять ихъ ошибки. Ѣдущему въ лодкѣ кажется, что онъ не двигается, а берега плывутъ, но по опыту онъ знаетъ противное. Точно также если разъ люди догадались, что чувства ихъ обманываютъ въ отношеніи движенія свѣтилъ, что движется не солнце, а самая земля, то рядъ наблюденій за этимъ движеніемъ и за аналогичнымъ, подобнымъ земному движенію, движеніемъ планетъ могъ разъяснить и объяснить дѣло.

Но тутъ людямъ стало не до того. Изъ Азіи нахлынули на Европу, гдѣ люди занимались этими вопросами, орды варваровъ, они не оставили камня на камнѣ, перерѣзали большую половину цивилизованныхъ людей, остальныхъ обратили въ нищету и рабство, поселились на развалинахъ городовъ ихъ и занялись междоусобными войнами и грабежами. Около тысячи лѣтъ жили они такимъ образомъ, пока и сами начали нѣсколько цивилизоваться, думать,

Digitized by Google

задавать себѣ вопросы и искать имъ объясненій. Изъ старыхъ книгъ, писанныхъ древними цивилизованными людьми и большею частью уничтоженныхъ дикарями, кое-что уцѣлѣло. Ихъ стали доставать и читать. Въ этихъ книгахъ говорилось о такихъ вещахъ, о которыхъ потомкамъ дикарей и не снилось; поэтому они почувствовали чрезвычайное уваженіе къ этимъ книгамъ и стали считать священной истиной все, что тамъ было написано. Встрѣтивъ тамъ систему Птоломея о движеніи свѣтилъ, они и ее приняли какъ несомнѣнную истину. Другимъ больше понравилась исторія о томъ, что у звѣздъ есть души, такъ какъ это больше соотвѣтствовало суевѣрному настроенію этихъ людей, еще полудикихъ.

Птоломеевой системѣ вѣрили нѣсколько сотъ лѣтъ, и уже насчитали 79 сферъ, на которыхъ движутся планеты, когда одинъ человѣкъ обратилъ вниманіе и на противное этой системѣ древнее предположеніе о движеніи земли. Этотъ человѣкъ былъ полякъ Николай Коперникъ. Онъ родился въ Польшѣ, въ городѣ Торнѣ, въ 1472 году, и мальчикомъ получилъ хорошее воспитаніе и образованіе у своего дяди, епископа Вармійскаго, такъ-что еще 16-лѣтнимъ юношей дѣлалъ хорошіе переводы греческихъ писателей на латинскій языкъ. Семнадцати лѣтъ онъ отправился въ Краковъ, въ университетъ,

Digitized by Google

учиться медицинѣ, которую и изучилъ, такъ что впослѣдствіи люди знатные, какъ напр., магистръ тевтонскихъ рыцарей, принцъ Альбертъ Бранденбургскій, призывали его къ себѣ за медицинской помощью. Но тутъ же онъ чрезвычайно заинтересовался лекціями астрономіи, и съ этихъ поръ наука эта сдѣлалась его главной страстью. Наконецъ, онъ увлекся также и живописью, учился рисованію и написалъ нѣсколько очень хорошихъ портретовъ.

Въ то время всѣ интересовавшіеся науками стремились побывать въ Италіи, гдѣ въ древности былъ центръ цивилизаціи, гдѣ больше всего сохранилось остатковъ ея и гдѣ раньше всѣхъ другихъ странъ люди начали выходить изъ варварства, грубости и невѣжества. Копернику было 23 года, когда онъ привелъ въ исполненіе это желаніе, и онъ провелъ въ Италіи 6 лѣтъ, посвященныхъ занятію медициной, а главное, астрономіей. Такимъ образомъ въ теченіе 12 лѣтъ онъ не переставалъ учиться, изучая все, что въ то время давала наука, и наконецъ, на 30-мъ году жизни, былъ докторомъ медицины, философіи и однимъ изъ ученѣйшихъ астрономовъ своего времени. Будь онъ бѣденъ и безъ покровителей, онъ, вѣроятно, сдѣлался бы профессоромъ; но въ то время профессорамъ было очень плохо; они едва могли добывать себѣ пропитаніе

Digitized by Google

своими лекціями и были вынуждены вести жизнь бродячую, переѣзжая изъ города въ городъ, какъ теперь ѣздятъ акробаты, пѣвцы и содержатели звѣринцевъ. Но у Коперника былъ дядя съ деньгами и притомъ епископъ. Ему стоило только поступить въ духовное званіе, чтобы получить отъ дяди каноникатъ, т. е. хорошее обезпеченное и даже богатое содержаніе безъ всякой службы, кромѣ того, чтобы въ нѣкоторые праздники участвовать въ разныхъ процессіяхъ и церемоніяхъ въ соборѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ и зажилъ покойно и въ обиліи, имѣя полный досугъ заниматься тѣмъ, что ему нравилось, а именно астрономіей.

Такимъ образомъ онъ прожилъ, благодушествуя, сорокъ лѣтъ и умеръ болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду, не испытавъ никакихъ треволненій. Разъ только, по смерти его дяди, тевтонскіе рыцари хотѣли завладѣть имуществами торнскаго духовенства, и Коперникъ обратился съ жалобой на нихъ къ польскому королю Сигизмунду I, который унялъ рыцарей; да еще другой разъ его послало духовенство депутатомъ на сеймъ, гдѣ онъ очень дѣльно разсуждалъ о томъ, какъ вредно для народа, что правительство выпускаетъ деньги слишкомъ низкой пробы.

Этотъ смирный и тихій человѣкъ, занимаясь астрономіей и читая древнихъ писателей, пришелъ

Digitized by Google

къ убѣжденію, что догадка нѣкоторыхъ древнихъ о движеніи земли справедлива. Слушая лучшихъ профессоровъ астрономіи своего времени, онъ никакъ не могъ помириться съ сложностью птоломеевой системы съ ея 79 сферами, онъ былъ убѣжденъ, что дѣло должно быть гораздо проще; и когда напалъ на мысль о движеніи земли и прочихъ планетъ вокругъ солнца, эта искомая простота поразила его, и онъ увѣрился, что такъ должно быть, что солнце есть живительный и озаряющій все центръ, фокусъ міра, и что наша земля не болѣе какъ одна изъ обращающихся вокругъ него планетъ. За этой мыслью неудержимо стремилось множество другихъ. Предѣлы міра вдругъ раздвинулись. Небо переставало быть куполомъ, покрывающимъ какъ крышка плоскую землю; если земля круглая планета, какъ Венера или Юпитеръ, то небо и подъ нами, и мы сами носимся въ томъ голубомъ пространствѣ, которое намъ кажется далекимъ и чуждымъ.

Остановившись на этой мысли, Коперникъ началъ обдумывать ее и повѣрять, и провелъ въ этомъ тридцать лѣтъ. Если свѣтила движутся не вокругъ земли, а вокругъ солнца, то движенія ихъ надобно разсматривать совсѣмъ иначе, чѣмъ разсматривали до сихъ поръ. Всѣ наблюденія надъ ихъ движеніями, сдѣланныя до сихъ поръ, надо разсмотрѣть и про-

Digitized by Google

вѣрить съ этой новой точки зрѣнія. И когда онъ началъ это дѣлать, то многое въ ихъ движеніяхъ, что было необъяснимо или объяснялось съ грѣхомъ пополамъ посредствомъ 79 сферъ, сдѣлалось понятно, просто, точно и вѣрно, какъ скоро принять въ соображеніе двойное движеніе планетъ, въ томъ числѣ и земли вокругъ солнца и вокругъ собственной оси.

Мы не будемъ говорить о томъ, какими подробностями Коперникъ доказывалъ свою систему, о тѣхъ побочныхъ открытіяхъ, къ которымъ она привела его и о тѣхъ опущеніяхъ и ошибкахъ, въ которыя, онъ по необходимости впалъ вслѣдствіе тогдашняго состоянія науки. Обратимъ вниманіе только на одно обстоятельство.

Коперникъ очень хорошо понималъ глупость возраженія, состоящаго въ томъ, что мы не замѣчаемъ, не видимъ и не чувствуемъ движенія земли. Еще задолго до Коперника, самъ Птоломей, по имени котораго называется система, которую Коперникъ разрушалъ, говорилъ, что есть люди, думающіе, будто земля кружится, и, прибавлялъ онъ, еслибы земля въ самомъ дѣлѣ кружилась, то мы не замѣчали бы этого, такъ какъ вмѣстѣ съ нею кружились бы и мы сами и все, что насъ окружаетъ. Но было другое возраженіе, которое Птоломей приводилъ и которое самому Копернику казалось очень сильнымъ. Если бы

Digitized by Google

земля вертѣлась, думали они, то сила этого движенія была бы такова, что не только люди, животныя и растенія летѣли бы вверхъ тормашками, но срывались бы съ основанія самыя огромныя зданія и цѣлыя горы. Это соображеніе, казавшееся столь яснымъ, было впослѣдствіи опровергнуто успѣхами науки механики, которая выработала ученіе о *центробѣжной силѣ* и ея законахъ и доказала, что центробѣжная сила, производимая обращеніемъ земли вокругъ своей оси, едва достаточна даже на экваторѣ, гдѣ она всего сильнѣе, чтобы произвести такъ называемое экваторіальное теченіе въ океанѣ, а на сушѣ—чтобы уменьшить на $^3/_{1000}$ вѣсъ тѣлъ.

Но Коперникъ этого закона не зналъ. Не зная настоящаго объясненія, онъ выдумалъ такое: „Движеніе земли, говорилъ онъ, есть движеніе естественное, происходящее отъ природы, стало быть, природа, которая его производитъ, приняла свои мѣры, чтобы оно не вредило живущему на землѣ, потому что она умна и предусмотрительна; нельзя поэтому сравнивать движеніе земли, которая сама вертится силою природы, съ движеніемъ колеса, которое мы вертимъ; причины этихъ движеній различны, слѣдовательно, и послѣдствія ихъ должны быть различны“.

Само собою разумѣется, объясненіе это было нелѣпо. Отъ чего бы ни происходило движеніе, но

Digitized by Google

если оно одинаково, то и послѣдствія его будутъ одинаковы. Еслибы по закону механики движеніе земли должно было сносить все съ ея поверхности, то и сносило бы, потому что естественный законъ не можетъ самъ себѣ противорѣчить. Стало быть, если движеніе земли не сноситъ съ нея предметовъ, то надо было искать естественнаго закона, объясняющаго это. Во время Коперника наука была не въ состояніи найти этотъ законъ, и Коперникъ за незнаніемъ его приписалъ природѣ умъ и предусмотрительность, думая этимъ помочь дѣлу; но вышло, что онъ впалъ точно въ такую же ошибку, въ какую впадали древніе астрономы, приписавшіе разумъ и волю звѣздамъ, чтобы объяснить ихъ движенія.

Тридцать лѣтъ работалъ Коперникъ надъ своей системой, сообщая ее только ближайшимъ друзьямъ; онъ не хотѣлъ открыто и публично выразить свои мысли, предвидя, что за нихъ ему придется подвергнуться непріятностямъ и насмѣшкамъ, но „слухомъ земля полнится“. Какъ ни скрывалъ онъ свои мысли, однако пошелъ слухъ объ ученомъ, который утверждаетъ, будто земля вертится. За насмѣшками дѣло не стало. Зубоскалы первые подняли эту мысль на смѣхъ. На театрахъ представляли піесы, гдѣ осмѣивались ученые, которыхъ умъ зашелъ за разумъ и

Digitized by Google

которые вообразили, что земля вертится; надъ ними продѣлывали разныя шалости, выдергивали изъ подъ нихъ стулья и т. п., увѣряя ихъ, что они падаютъ, оттого что земля вертится; публика хохотала, пока не наскучила этими фарсами и не освистала ихъ.

Но Коперникъ былъ равнодушенъ къ насмѣшкамъ и боялся совсѣмъ другого, а именно, преслѣдованія со стороны духовныхъ католическихъ властей, отъ которыхъ зависѣлъ, какъ лицо духовное, и которыя могли лишить его теплаго мѣстечка и, пожалуй, чего добраго, засадить въ тюрьму. Власти эти въ то время не любили шутить и особенно преслѣдовали всякую новую мысль, боясь, чтобы она не ослабила въ людяхъ вѣры въ папу и въ его представителей. Но были и между духовенствомъ люди очень ученые, просвѣщенные и преданные наукѣ. Къ числу такихъ людей принадлежали, между прочимъ, два высокіе сановника церкви, Николай Шомбергъ, кардиналъ, архіепископъ капуанскій и Гизіусъ, епископъ кульмскій. Они принадлежали къ числу друзей Коперника, который открылъ имъ тайну своихъ тридцатилѣтнихъ занятій. Его идея нашла въ нихъ горячихъ сторонниковъ, и они стали настойчиво уговаривать его напечатать свой трудъ. Онъ сначала отказывался, наконецъ, разсчитывая на ихъ покровительство, согласился и отдалъ свою рукопись Гизіусу для напечатанія

Digitized by Google

Однако, издавая свое сочиненіе, Коперникъ принялъ мѣры предосторожности. Въ предисловіи къ книгѣ онъ говоритъ, что онъ собственно не утверждаетъ, что земля дѣйствительно обращается вокругъ солнца, а только дѣлаетъ такое предположеніе (гипотезу) для своихъ сотоварищей астрономовъ, чтобы объяснить этимъ предположеніемъ нѣкоторыя астрономическія явленія. Кромѣ того онъ посвятилъ свою книгу самому папѣ Павлу III и въ посвященіи просилъ папу не слушать злыхъ языковъ, которые будутъ дурно говорить ему о книгѣ, такъ какъ книга эта вовсе не относится къ религіи, а только къ математикѣ, и судить о ней могутъ только математики.

Всѣ эти предосторожности были напрасны. Для самого Коперника напрасны потому, что когда книга была напечатана и ему прислали первый экземпляръ, онъ уже умиралъ и черезъ нѣсколько дней умеръ. Для книги они были тоже напрасны: книга была такая ученая, что читать ее могли весьма немногіе, и публика не обратила на нее никакого вниманія. Но не смотря на это и на предосторожности автора, папская цензура запретила книгу, а черезъ нѣсколько лѣтъ отъ имени папы вышелъ указъ, запрещавшій думать, что земля вертится и читать книги, въ которыхъ это говорится. Черезъ 200 лѣтъ другой ученый астрономъ изъ духовнаго званія соотечест-

Digitized by Google

венникъ Коперника, патеръ Босковичъ, печаталъ свои ученыя наблюденія надъ движеніями кометъ, оговаривался, подобно Копернику, что онъ не думаетъ утверждать, будто земля вертится, а только предполагаетъ это для удобства астрономическихъ вычисленій. Наконецъ уже въ нашемъ вѣкѣ, когда въ Варшавѣ въ 1829 г. ставили памятникъ Копернику, католическое духовенство отказалось присутствовать при этомъ торжествѣ, которымъ чествовалась память человѣка, оторвавшаго своимъ геніемъ земной шаръ съ мѣста, къ которому его пригвоздили суевѣріе и невѣжество, и пустившаго его въ подсолнечное пространство въ общее гармоническое движеніе вселенной.

Черезъ три года послѣ смерти Коперника въ Даніи родился въ 1546 году богатый и знатный дворянинъ, Тихо Браге. Хотя онъ и его сестра, Софія Браге, получили блестящее воспитаніе и основательное образованіе, но, по положенію своему въ высшемъ свѣтѣ, Тихо долженъ былъ бы сдѣлаться придворнымъ, военнымъ или дипломатомъ, но никакъ не ученымъ, что для такого аристократа казалось въ высшей степени неприличнымъ. Двадцати лѣтъ Тихо Браге былъ блестящій юноша, прошедшій въ въ Копенгагенѣ курсъ реторики, писавшій недурные латинскіе стихи и уже слушавшій въ лейпцигскомъ университетѣ курсъ астрономіи. Ему пора было за-

Digitized by Google

нять при дворѣ или на службѣ то высокое мѣсто, какое соотвѣтствовало его знатности, и онъ уже возвращался для этого въ Данію, какъ вдругъ на пути, въ городѣ Ростокѣ, съ нимъ случилось происшествіе. На одной пирушкѣ онъ поспорилъ съ какимъ-то господиномъ о математикѣ такъ горячо, что дѣло дошло до драки, въ которой Тихо отрубили носъ. Онъ сдѣлалъ себѣ серебряный носъ, говорятъ, очень натуральный (хотя въ этомъ простительно сомнѣваться); но съ серебрянымъ носомъ аристократу жить въ свѣтѣ было неловко, и онъ окончательно сдѣлался ученымъ, посвятивъ себя астрономіи.

Браге былъ конечно одинъ изъ даровитѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, но не обладалъ тѣмъ геніемъ, который способенъ открывать людямъ безконечныя поприща для изученія и наблюденія, создавать цѣлыя науки или одной какой нибудь новой идеей совершенно преобразовывать науки. Въ своей наукѣ Браге держался старыхъ идей, не принималъ ученія Коперника и даже питалъ непоколебимую вѣру въ астрологическія фантазіи, былъ убѣжденъ въ томъ, что разныя звѣзды вліяютъ на судьбу людей. Онъ доказывалъ это между прочимъ тѣмъ интереснымъ соображеніемъ, что еслибы звѣзды и планеты не вліяли на судьбу людей, то выходило бы, что онѣ совершенно ни на что не

Digitized by Google

нужны и негодны, „а между тѣмъ, говоритъ онъ, на свѣтѣ нѣтъ ничего безполезнаго“. Безполезное и негодное, тутъ подразумѣвается, для людей; негодно то, что негодно намъ. Понятное дѣло, что при такой твердой увѣренности, что вся вселенная существуетъ ради пользы и удовольствія людей, трудно было вообразить себѣ землю иначе, какъ центромъ всего существующаго, трудно было примириться съ системой Коперника, которая отводитъ землѣ скромное мѣсто въ числѣ другихъ планетъ.

Но если идеи Браге были ограниченны, за то у него были другія качества, которыми онъ сдѣлался чрезвычайно полезенъ для развитія астрономической науки. Первое качество была его страсть къ наукѣ, страсть, дѣлавшая его неутомимымъ труженикомъ и заставившая всю жизнь посвятить наукѣ; если онъ не создалъ въ ней новыхъ идей, не сдѣлалъ никакого великаго открытія, за то скопилъ огромный драгоцѣнный матеріалъ наблюденій и вычисленій, который сдѣлалъ возможными послѣдующія великія открытія. Во-вторыхъ, какъ человѣкъ знатный и богатый, Браге могъ предоставлять къ услугамъ науки такія средства, безъ которыхъ другой не могъ бы собрать такой богатый матеріалъ.

Датскій король Фридрихъ II, цѣня умъ и полезную дѣятельность Браге, подарилъ ему островъ

Digitized by Google

Уно близъ Копенгагена, гдѣ Браге выстроилъ огромный дворецъ Ураніенбургъ (небесный замокъ), бывшій и дворцомъ, и обсерваторіей, и обширной химической лабораторіей, и музеемъ. Здѣсь онъ содержалъ на свои и королевскія деньги постоянно нѣсколько десятковъ молодыхъ ученыхъ, которые помогали ему въ его работахъ. Такъ провелъ онъ 13 счастливѣйшихъ лѣтъ своей жизни. Въ 1588 на датскій престолъ вступилъ молодой Христіанъ IV, и судьба счастливой колоніи Ураніенбурга измѣнилась. У Браге нашлись враги, которые хотѣли разрушить его счастіе. Однако онъ 8 лѣтъ держался противъ нихъ, пока не былъ наконецъ побѣжденъ. Въ 1596 году король нарядилъ коммиссію изъ чиновниковъ, которая должна была рѣшить вопросъ, полезенъ ли Ураніенбургъ для науки и если нѣтъ, то прекратить выдачу изъ казны пособія на его содержаніе. Браге не сталъ дожидаться рѣшенія коммиссіи и покинулъ не только Ураніенбургъ, но и Данію. Тогдашній германскій императоръ Рудольфъ II, помѣшанный на алхиміи и астрологіи, узнавъ, что знаменитый Браге покинулъ отечество, пригласилъ его къ себѣ, въ Прагу, гдѣ въ распоряженіе славнаго ученаго и его учениковъ были предоставлены всѣ императорскіе дворцы и сады. Колонія могла бы снова приняться за свою прежнюю счастливую жизнь, но

Digitized by Google

скорая смерть Браге (въ 1600 году) уничтожила эти надежды.

Умирая, онъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Полагаю, что прожилъ жизнь небезполезно“. И дѣйствительно, умирая, онъ оставлялъ не только свое богатое собраніе таблицъ, вычисленій, инструментовъ и другихъ матеріаловъ, но оставлялъ и геніальнаго человѣка, который съумѣлъ извлечь изъ этого матеріала великія открытія и такимъ образомъ сдѣлать труды Браге драгоцѣнными для науки.

То былъ Іоганъ Кеплеръ, швабскій нѣмецъ. Онъ родился въ Вейлѣ въ герцогствѣ Виртембергскомъ въ 1571 году и былъ, слѣдовательно, на 25 лѣтъ моложе Тихо Браге. Въ дѣтствѣ онъ прислуживалъ въ кабакѣ, который содержала его мать; но мальчикъ былъ нерасторопенъ, такъ что его наконецъ рѣшили отдать въ духовное званіе и помѣстили въ семинарію маленькаго швабскаго города Маульброна. Родители его, какъ всѣ швабы, были лютеране, семинарія, куда его отдали, была тоже лютеранская, и изъ Кеплера готовили лютеранскаго пастора. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Маульбронѣ, Іоганъ Кеплеръ былъ переведенъ въ высшую семинарію въ другой швабскій городъ—Тюбингенъ, откуда ему уже слѣдовало выйти въ пасторы. Наукамъ, какія преподавались въ семинаріи, мальчикъ учился, должно быть,

Digitized by Google

хорошо, потому что еще въ очень юныхъ лѣтахъ сочинялъ латинскіе стихи на богословскія темы; но само богословіе понималъ туго, такъ что по окончаніи курса, уже 22 лѣтъ, не былъ удостоенъ пасторскаго званія и отправленъ учителемъ математики въ городъ Грацъ въ австрійской области Штиріи.

Въ этомъ городѣ теперь существуетъ одинъ изъ лучшихъ европейскихъ университетовъ, но тогда существовала только незатѣйливая школа. Учитель математики долженъ былъ не только преподавать кое какія свѣдѣнія изъ астрономіи, но и составлять календари для обихода публики. Хотя правитель Штиріи, австрійскій принцъ, былъ католикъ, но большинство населенія, особенно классъ образованный, перешли въ лютеранство. Эта публика была чрезвычайно озадачена, когда Кеплеръ, самъ лютеранинъ, издалъ календарь, въ которомъ считалъ время по новому стилю. Лютеране не хотѣли слышать про новый стиль оттого, что онъ былъ введенъ папою Григоріемъ XIII (отчего и называется григоріанскимъ), предпочитая не слушаться солнца, чѣмъ послушаться папы. Они очень разсердились на Кеплера за это нововведеніе, считая это отступничествомъ съ его стороны. Но на всѣ нападки онъ отвѣчалъ, что это вопросъ не религіозный, а научный

Digitized by Google

и что онъ никакъ не можетъ принести научную истину въ жертву религіознымъ мнѣніямъ.

Тогдашніе календари были далеко не то, что нынѣшніе. Теперь въ календаряхъ только обозначается, въ какое число прійдется такой то день, такой то праздникъ, когда будутъ солнечныя и лунныя затмѣнія, перемѣны луны и т. п.; кромѣ этого въ нихъ еще сообщаются разныя свѣдѣнія изъ простой житейской жизни; тогда-то тамъ ярмарка, въ такіе то часы отходятъ оттуда то поѣзда желѣзной дороги и т. п. Но тогда дѣло было гораздо хитрѣе. Календарь обязанъ былъ предсказывать не только новолунія и ярмарки, а также погоду, замѣчательныя историческія событія, урожаи и голода, моровыя язвы и войны. Это происходило отъ того, что астрономія въ то время была главнымъ образомъ астрологіей, что всѣ вѣрили во вліяніе звѣздъ на людскую жизнь и поэтому полагали, что астрономы должны быть астрологами, что, зная предстоящія движенія свѣтилъ, они должны знать и то, какія послѣдствія будутъ имѣть эти движенія для жизни людей.

Издавая свои календари, Кеплеръ наполнялъ ихъ подобными пророчествами; и не надо думать, что онъ шарлатанилъ; сила предразсудковъ такъ велика, что и великіе умы не могутъ сразу побѣдить ее.

Digitized by Google

Что Кеплеръ не шарлатанилъ, это видно изъ того, что гаданіями онъ занимался только въ календаряхъ. У него былъ ученый другъ профессоръ Мёстлинъ. Узнавъ, что у него родился ребенокъ, онъ погадалъ объ немъ на звѣздахъ и въ ученой перепискѣ писалъ Мёстлину, что ребенокъ едва ли выживетъ. Ребенокъ въ самомъ дѣлѣ умеръ, что конечно убѣдило Кеплера въ вѣрности его гаданія. Только множество ошибокъ, долгій опытъ и продолжительное изученіе освободили Кеплера отъ этого суевѣрія, но и то едва ли онъ совсѣмъ освободился отъ него.

Послѣ календарей Кеплеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ написалъ сочиненіе о „Тайнѣ міросданія“, большею частью наполненное странными фантазіями и неимѣющее никакого научнаго значенія; въ немъ замѣчатсльно только, что авторъ горячо вступается за новую еще въ то время и непризнанную систему Коперника. Кромѣ того, оно замѣчательно еще тѣмъ, что, начиная съ этого времени, Кеплеръ окончательно предался астрономіи, что привело его къ его великимъ открытіямъ. Но прежде чѣмъ онъ могъ вполнѣ посвятить себя ученымъ трудамъ, ему пришлось вытерпѣть разныя житейскія непріятности. Новый правитель Штиріи, австрійскій принцъ Фердинандъ, который впослѣдствіи, сдѣлавшись импе-

Digitized by Google

раторомъ, своимъ фанатизмомъ возбудилъ въ Германіи ужасную тридцатилѣтнюю войну, принялся преслѣдовать протестантовъ. Въ числѣ прочихъ и Кеплеръ былъ изгнанъ изъ австрійскихъ владѣній, причемъ лишился всего, что нажилъ и что взялъ за женой, такъ-какъ, по повелѣнію Фердинанда, изгнанники должны были въ короткій срокъ распродать свое имущество за безцѣнокъ. Кеплеръ очутился въ большой нуждѣ. По счастью, не только его, но всего человѣчества, какъ разъ въ это время въ Австрію пріѣхалъ, какъ мы говорили, Тихо-Браге. Узнавъ о бѣдственномъ положеніи Кеплера, Браге пригласилъ его къ себѣ въ Прагу, и Кеплеръ принадлежалъ къ кружку, окружавшему датскаго ученаго, въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Умирая, Браге оставилъ ему свои драгоцѣнные матеріалы, о которыхъ Кеплеръ еще при жизни его говорилъ: „Браге обладаетъ несмѣтными сокровищами и, какъ всѣ богачи, не умѣетъ пользоваться ими“.

Овладѣвъ этими сокровищами, Кеплеръ сталъ изучать ихъ, чтобы воспользоваться ими. Изученіе это продолжалось долго. Только черезъ 6 лѣтъ мы видимъ первые слѣды его. Онъ издалъ (1606 г.) диссертацію о появленіи на небѣ новой звѣзды, чрезвычайно яркой, которая, проблестѣвъ нѣкоторое время, исчезла. Астрологамъ такое явленіе да-

Digitized by Google

ло бы огромный матеріалъ для предсказаній; но Кеплеръ уже освободился отъ этихъ предразсудковъ и прямо говоритъ, что появленіе и исчезновеніе этой звѣзды предвѣщаетъ, по его мнѣнію, только преумноженіе на будущій годъ альманаховъ, толкователей, гадательныхъ книгъ и другихъ подобныхъ астрологическихъ издѣлій. „Что же меня касается, говоритъ онъ, то я не намѣренъ разсуждать по поводу этой звѣзды объ ожидающихъ насъ политическихъ событіяхъ, потому что еслибы я вздумалъ говорить о нихъ, то мнѣ могло бы прійтись плохо“. О причинѣ появленія и исчезновенія этой звѣзды онъ дѣлаетъ множество предположеній, но ни на одномъ не останавливается и кончаетъ сознаніемъ, что причина эта ему неизвѣстна; она осталась неизвѣстной и до сихъ поръ. Между прочимъ онъ дѣлаетъ предположеніе, что случай могъ создать эту звѣзду, сведя въ одно цѣлое атомы или частички, плававшіе искони въ пространствѣ, „но, говоритъ онъ, съ своимъ наивнымъ и добродушнымъ юморомъ, когда я думалъ это, жена принесла къ ужину салатъ; я спросилъ ее: какъ ты думаешь, душа моя, еслибы съ начала вѣковъ въ пространствѣ носились листья салата, капли масла и уксуса, крупинки соли и куски вареныхъ яицъ, могли ли бы они случайно соединиться такъ, чтобы изъ нихъ вышелъ такой

Digitized by Google

салатъ?—Ну, ужь навѣрно не такой вкусный, отвѣчала жена".

Черезъ девять лѣтъ неутомимаго труда надъ матеріалами, собранными Браге, Кеплеръ обнародовалъ свое великое открытіе въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Новая астрономія или Небесная физика, основанная на изученіи движенія Марса, выведенномъ изъ наблюденій Тихо-Браге.* Въ посвященіи императору Рудольфу Кеплеръ съ обычной ему живостью языка говоритъ: „Привожу вамъ, ваше величество, благороднаго плѣнника—трофей долгой и трудной войны. Не думаю, чтобы онъ (т. е. Марсъ) не захотѣлъ признать себя плѣнникомъ, ему это не впервые; страшный богъ войны уже разъ попался въ сѣти Вулкана. Но за-то до сихъ поръ онъ издѣвался надъ всѣми ухищреніями людей; тщетно астрономы готовились къ войнѣ, тщетно пускали въ ходъ всѣ свои средства и выводили въ походъ всѣ свои силы. Марсъ, смѣясь надъ ихъ усиліями, уничтожалъ ихъ машины и разрушалъ ихъ надежды; онъ спокойно утвердился въ непроницаемой тайнѣ своего царства и учеными маршами скрывался отъ розысковъ непріятеля. Благодаря дѣятельности и самоотверженію храбраго полководца Тихо Браге, который 20 лѣтъ каждую ночь безъ устали изучалъ всѣ движенія врага, раскрылъ его планы и тайны

Digitized by Google

его передвиженій, я могъ побѣдить этого непріятеля.“

Дѣло было въ томъ, что до сихъ поръ всѣ астрономы находились въ убѣжденіи, что всѣ планеты въ своемъ движеніи вокругъ солнца описываютъ правильный кругъ. Но наблюденія надъ Марсомъ и выведенныя изъ нихъ вычисленія сбивали съ толку даже самого Тихо-де-Браге; выходило, что или движеніе Марса совершается не по правильному кругу, или что въ наблюденіяхъ есть грубая ошибка. Именно то, что ошибка была бы слишкомъ груба, заставило Кеплера предположить, что вѣрнѣе первое предположеніе. Тогда-то онъ предположилъ, что движеніе планетъ совершается по эллипсу, и провѣривъ на основаніи этого предположенія наблюденія Браге, нашелъ, что онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ ему. Съ этой минуты онъ объявилъ Марса плѣнникомъ, и послѣдующія наблюденія надъ этой планетой доставили ему полное торжество. Онъ заранѣе, основываясь на своемъ предположеніи, указывалъ мѣста, которыя Марсъ долженъ будетъ проходить, и послушная планета всегда въ назначенный часъ была на назначенномъ мѣстѣ.

Мы не можемъ подробно разсказывать всѣхъ великихъ открытій Кеплера, потому что и разсказывать, и понимать разсказъ можно только при зна-

Digitized by Google

ніи математики. Скажемъ вообще, что онъ сидою своего генія и при помощи таблицъ Браге и собственныхъ наблюденій понялъ и объяснилъ людямъ весь строй солнечной системы. Коперникъ открылъ, что солнце есть центръ, вокругъ котораго совершается движеніе земли и планетъ; Кеплеръ открылъ, какъ это движеніе совершается; оставался еще одинъ великій вопросъ, почему оно такъ совершается.

Вопросъ этотъ приходилъ конечно въ голову и самому Кеплеру, но отвѣтить на него онъ не могъ. Доискиваясь отвѣта, онъ, какъ самъ говоритъ, „мучился умственно почти до сумасшествія“ и, хватаясь за разныя предположенія, иногда, самъ того не зная, близко подходилъ къ истинѣ. Движеніе всякаго тѣла, разсуждалъ онъ, предоставленнаго самому себѣ, непремѣнно должно идти по прямой линіи; почему же планеты уклоняются отъ нея и описываютъ эллипсы вокругъ солнца? Значитъ, есть какая-то сила, которая водитъ ихъ по этой линіи, и разъ Кеплеръ сказалъ, что вѣрно эта сила заключается въ солнцѣ. „Солнце, сказалъ онъ, должно быть, слѣдовательно, источникомъ силы, которая заставляетъ планеты ходить вокругъ него“. Но онъ не остановился на этомъ предположеніи и, хватаясь за разныя, высказывалъ рядомъ съ этимъ, что, мо-

Digitized by Google

жетъ быть, планеты одарены душой, которая водитъ ихъ по разумно-выбранному пути.

Между тѣмъ какъ онъ показывалъ людямъ порядокъ вселенной, на землѣ происходилъ страшный безпорядокъ. Ученый императоръ Рудольфъ былъ свергнутъ съ престола и скоро умеръ. Кеплеръ лишился средствъ къ существованію и долженъ былъ взять скромное мѣсто школьнаго учителя въ Линцѣ. Затѣмъ императоромъ сдѣлался Фердинандъ Штирійскій и поднялъ гоненіе на лютеранъ. Кеплеръ, не хотѣвшій измѣнить своей религіи, долженъ былъ снова выселяться изъ владѣній этого изувѣра. Послѣ разныхъ скитаній онъ нашелъ было покровительство Валленштейна, который надѣялся, что такой ученый астрономъ будетъ предсказывать ему по звѣздамъ все, что ему понадобится знать. Но Кеплеръ не могъ быть шарлатаномъ и потому не могъ угодить суевѣрному тирану, который, по выраженію Шиллера, требовалъ, чтобы и на небѣ все происходило по его желанію. Вмѣсто Кеплера онъ взялъ италіанскаго шарлатана Сени, который своими предсказаніями подстрекнулъ его пуститься въ нелѣпое приключеніе, кончившееся погибелью герцога *). Вскорѣ послѣ удаленія отъ Валленштейна

*) Валленштейнъ, какъ извѣстно, хотѣлъ измѣнить императору

Digitized by Google

Кеплеръ умеръ въ крайней бѣдности (1630 г.).

Современникомъ Кеплера былъ итальянецъ Галилей, родившійся въ Пизѣ 7 годами раньше Кеплера и пережившій его на 11 лѣтъ. Всѣ великіе астрономы, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, были люди замѣчательно талантливые и даровитые и въ другихъ отрасляхъ наукъ и искусствъ.. Но Галилей занимаетъ между ними въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Девятнадцати лѣтъ онъ уже отличался, какъ ученый латинистъ и эллинистъ, былъ замѣчательнымъ ученымъ и талантливымъ музыкантомъ, а въ живописи выказалъ такое дарованіе, что еслибы посвятилъ ей себя, то занялъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ между итальянскими художниками своего времени. Въ это время онъ поступилъ въ пизанскій университетъ, гдѣ три года слушалъ лекціи философіи и медицины. Возвратясь затѣмъ во Флоренцію, гдѣ жилъ его отецъ, онъ еще нѣсколько лѣтъ изучалъ математику и получилъ наконецъ въ Пизѣ кафедру математики. Всѣ эти занятія не мѣшали ему вести жизнь очень веселую, кутить и писать легкіе стихи очень неприличнаго содержанія. Но главное вниманіе его было

со всей арміей, на которую твердо разсчитывалъ, и, сдѣлаться богемскимъ королемъ. Но войска оставили его, а генералы зарѣзали.

Digitized by Google

обращено на два предмета: на изученіе законовъ нѣкоторыхъ физическихъ явленій, особенно законовъ паденія тѣлъ и качанія маятника, и на борьбу противъ схоластической рутины, господствовавшей въ тогдашней наукѣ. Въ университетахъ того времени богомъ и оракуломъ считался Аристотель; всѣ науки преподавались по Аристотелю, и чего нельзя было найти въ сочиненіяхъ древняго греческаго философа, то считалось недостойнымъ науки. Понятно, что какъ ни геніаленъ былъ Аристотель, но ограниченіе имъ науки 1800 лѣтъ спустя послѣ его смерти было нелѣпо и вредно. Война, которую Галилей началъ противъ авторитета Аристотеля, кончилась въ Пизѣ не въ его пользу. Противъ него возстали всѣ профессора, и онъ былъ очень радъ покинуть Пизу, когда венеціанское правительство предложило ему кафедру математики въ Падуѣ.

Здѣсь онъ имѣлъ громадный успѣхъ, пріобрѣлъ европейскую славу и вполнѣ заслужилъ это множествомъ открытій, одно другого важнѣе. Мы назовемъ только изобрѣтеніе термометра и подзорной трубки. чтобы показать, какъ важны были его открытія. Подзорная трубка дала ему въ свою очередь возможность сдѣлать новыя чрезвычайно важныя открытія на небѣ. Въ молодости, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, онъ не признавалъ системы Копер-

Digitized by Google

ника; но мало по малу онъ принялъ ее, вошелъ въ переписку съ Кеплеромъ и въ бытность свою въ Падуѣ былъ уже горячимъ сторонникомъ Коперника. Наблюдая небо съ помощью подзорной трубки, онъ первое время чуть не всякій день дѣлалъ открытія, которыя сообщалъ своимъ слушателямъ съ кафедры и публиковалъ въ журналѣ, издаваемомъ нарочно съ этою цѣлью подъ заглавіемъ: „Небесный Вѣстникъ“. Въ числѣ первыхъ открытій были возвышенія и впадины на поверхности луны, что разрушило прежнее убѣжденіе, будто луна круглый шаръ; затѣмъ онъ открылъ множество звѣздъ, которыхъ прежде не знали, такъ какъ простому глазу онѣ не доступны; млечный путь, считавшійся блестящимъ облакомъ, разложился передъ его глазами на группы звѣздъ. Наконецъ, что всего важнѣе, онъ открылъ, что планета Юпитеръ, подобно землѣ, имѣетъ свои луны — спутниковъ; онъ думалъ, что такихъ же спутниковъ имѣетъ и Сатурнъ, принявъ кольца этой планеты за отдѣльныя тѣла по несовершенству своихъ инструментовъ.

Каждое изъ этихъ открытій принималось съ восторгомъ его слушателями и такими людьми, какъ Кеплеръ, но съ величайшимъ негодованіемъ рутинными учеными, недопускавшими вообще никакихъ открытій и слѣпо вѣрившихъ, что истинно только

Digitized by Google

то, что сказано у Аристотеля. Мы приведемъ нѣкоторыя возраженія этихъ людей Галилею, чтобы показать, какими доводами защищались приверженцы стараго ученія. Они говорили, что такъ какъ новыя звѣзды видны только въ телескопъ, то очевидно, что ихъ нѣтъ и что телескопъ показываетъ небывальщину, самъ создаетъ эти свѣтлыя пятна и не только не помогаетъ видѣть небо, а напротивъ, вводитъ насъ въ заблужденіе обманчивыми образами. Одинъ болонскій профессоръ клялся, что видѣлъ въ телескопъ три солнца разомъ, причемъ, разумѣется, лгалъ. Другіе говорили, что ничто въ мірѣ безполезно не создано; что поэтому у планетъ не можетъ быть лунъ, какъ у земли, потому что на землѣ луна нужна людямъ, на другихъ же планетахъ людей нѣтъ, зачѣмъ же быть лунѣ? Возражали еще, что еслибы дѣйствительно существовали другія звѣзды кромѣ тѣхъ, которыя мы знаемъ, то Птоломей зналъ бы это, а такъ какъ онъ незналъ, значитъ ихъ нѣтъ. Наконецъ приводили въ доказательство, что металловъ семь (тогда знали только семь), что подсвѣчникъ въ храмѣ Соломоновомъ имѣлъ семь развѣтвленій и что человѣческая голова имѣетъ семь отверстій; стало быть, и планетъ можетъ быть только семь.

Во время вакацій въ университетѣ Галилей

Digitized by Google

по просьбѣ герцога флорентинскаго, Козьмы Медичи, ѣздилъ во Флоренцію давать уроки его сыну. Герцогъ давно уговаривалъ его поселиться совсѣмъ во Флоренціи при его дворѣ, желая имѣть при себѣ столь знаменитаго человѣка. Галилей любилъ свѣтъ и удовольствія и не устоялъ противъ искушенія. Онъ покинулъ Падую, гдѣ провелъ счастливѣйшіе годы своей жизни и переѣхалъ къ герцогу на очень выгодныя условія. Но было одно обстоятельство, которое безпокоило осторожнаго ученаго. Въ Падуѣ, подъ властью сильнаго венеціанскаго правительства, онъ былъ безопасенъ отъ папскаго духовенства, во Флоренціи же маленькій герцогъ не могъ помѣшать папѣ преслѣдовать человѣка, оскорбившаго церковь. Зная это, онъ хотѣлъ предупредить грозу поѣздками въ Римъ и заискиваніями. Первый разъ онъ ѣздилъ въ Римъ вскорѣ по переселеніи во Флоренцію и былъ очень милостиво принятъ папою Павломъ V, завелъ знакомства съ римской знатью и кардиналами и думалъ, что обезпечилъ себя. Однако мнѣніе, которое онъ открыто проповѣдывалъ о движеніи земли, возбуждало негодованіе духовенства, и папа возобновилъ запрещеніе, изданное противъ Коперника, думать, что солнце, а не земля составляетъ центръ вселенной. Тогда черезъ нѣсколько времени Галилей, обезпокоенный нападками проповѣдниковъ, опять

Digitized by Google

поѣхалъ въ Римъ, гдѣ засталъ уже новаго папу, Григорія XV, человѣка стараго, необразованнаго, который хотѣлъ представлять изъ себя святого монаха и хвастался своимъ невѣжествомъ; по словамъ флорентинскаго посланника Гвичардини, придворные, чтобы понравиться папѣ, прикидывались круглыми невѣждами. Когда Галилей пріѣхалъ въ Римъ, ему пришлось выслушивать такія возраженія: Животныя могутъ двигаться, потому что у нихъ есть ноги и суставы; у земли этого нѣтъ; какъ же она движется? У планетъ есть у всякой по духу, который ее водитъ; а у земли есть ли духъ? Гдѣ онъ? Снаружи его нѣтъ—мы его не видимъ; внутри?—тамъ черти живутъ. Стало быть, какъ же она движется? При всей осторожности Галилея ему могло бы прійтись плохо съ такими людьми, такъ что посланникъ герцога посовѣтовалъ ему убираться по добру, по здорову, что онъ и сдѣлалъ.

На его счастіе Григорій XV вскорѣ умеръ, и въ папы былъ избранъ знакомый ему кардиналъ Барберини, человѣкъ не старый, очень ограниченный, но съ претензіей на ученость. Галилей поспѣшилъ опять въ Римъ поздравить его и заискать у него. Папа Урбанъ VIII принялъ его ласково, бесѣдовалъ съ нимъ объ астрономическихъ теоріяхъ и даже былъ такъ добръ, что взялъ на себя трудъ

Digitized by Google

доказать ему нелѣпость теоріи обращенія земли. Между прочимъ, доказывалъ онъ, въ писаніи сказано, что небо вверху, а земля внизу; еслибы она вертѣлась, то не была бы внизу. Галилей выслушивалъ все это очень почтительно и вернулся во Флоренцію въ увѣренности, что больше бояться нечего.

Въ этой увѣренности онъ сталъ смѣлѣе и издалъ книгу для распространенія теоріи Коперника. Эта книга написана въ формѣ разговора, въ которомъ ученые Сагредо и Сальвіати доказываютъ обращеніе земли тупому схоласту Симплицію. Въ числѣ глупыхъ возраженій Симплицію понались и были побиты и тѣ, которыя самъ папа дѣлалъ Галилею. Книга привела въ ярость все духовенство и всѣхъ враговъ Галилея изъ университетскихъ аристотеліанцевъ. Самъ папа разсердился, и Галилей на этотъ разъ уже не самъ поѣхалъ въ Римъ, а былъ потребованъ туда для суда.

Суровой зимой семидесятилѣтній старикъ долженъ былъ отправиться въ Римъ, гдѣ процессъ его тянулся около полугода. Наконецъ ему объявили приговоръ: книгу его истребить, самого его посадить на неопредѣленное время въ тюрьму инквизиціи и вытребовать у него отреченія отъ нечестиваго ученія о движеніи земли. Старикъ долженъ былъ встать на колѣни и громко сказать. „Объявляю, что отре-

Digitized by Google

каюсь отъ ереси движенія земли, проклинаю и ненавижу это заблужденіе".

Говорятъ, что сказавъ это, онъ поднялся и воскликнулъ. А все таки движется!—Но сомнительно, чтобы этотъ разсказъ былъ справедливъ. Бѣдному старику было не до того. Надо думать, что на допросахъ его пытали, и во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что грозили пытать и показывали инструменты пытки, потому что это была необходимая формальность допросовъ. Папа поступилъ съ нимъ однако милостиво. Вмѣсто того, чтобы засадить его въ тюрьму, его сослали сначала въ Сіенну, а вскорѣ позволили поселиться въ деревнѣ близь Флоренціи съ тѣмъ однако, чтобы туда къ нему не собирались гости и слушатели. Тамъ прожилъ онъ еще семь лѣтъ, и не смотря на старость, не смотря на всѣ перенесенныя невзгоды прославилъ этотъ остатокъ своей жизни великими открытіями въ области физики и механики, именно законовъ тяжести.

Мы сказали, что Коперникъ открылъ движеніе земли, Кеплеръ показалъ, какъ это движеніе совершается, оставалось объяснить, почему оно совершается. Когда Симплиціо спрашивалъ, какъ можетъ земля двигаться, не имѣя ни ногъ, ни духа, Галилей понималъ, что вопросъ глупъ, но удовлетворительно отвѣчать на него не могъ, потому что единственный

Digitized by Google

отвѣтъ состоялъ въ томъ, чтобы объяснить движеніе, а этого онъ не могъ, какъ не могъ и Кеплеръ.

Лишь черезъ полвѣка послѣ Кеплера и Галилея англичанинъ Исаакъ Ньютонъ далъ отвѣтъ на это. Ньютонъ родился черезъ годъ по смерти Галилея, въ рождество 1642 года. Ребенокъ слабый и болѣзненный, онъ казался тупымъ и непонятливымъ и долгое время былъ однимъ изъ послѣднихъ въ классѣ. Только юношею уже онъ выказалъ замѣчательныя математическія способности и еще очень молодымъ человѣкомъ сдѣлалъ великое открытіе солнечнаго спектра, разложивъ призмой лучь бѣлаго (солнечнаго) свѣта на семь цвѣтныхъ лучей, чѣмъ произвелъ полный переворотъ въ ученіи о свѣтѣ (діоптрикѣ). Въ это же время онъ въ числѣ другихъ математическихъ наукъ сталъ заниматься астрономіей, и вопросъ, почему движеніе планетъ совершается такъ, какъ его показалъ Кеплеръ, вопросъ этотъ, представившійся, какъ мы видѣли, самому Кеплеру, какъ только онъ разгадалъ тайну движенія небесныхъ тѣлъ, поразилъ Ньютона. И не одного Ньютона. Разъ что движеніе было извѣстно, естественно было, что астрономамъ представлялся вопросъ почему оно совершается такъ, а не иначе. Въ одной Англіи трое замѣчательныхъ математиковъ, кромѣ Ньютона, Гукъ, Вренъ

Digitized by Google

и Галлей, ломали головы надъ этой задачей. Рѣшить ее удалось Ньютону.

Когда его впослѣдствіи спрашивали, какимъ образомъ онъ дошелъ, до своего чудеснаго открытія, онъ отвѣчалъ: „Я долго ни о чемъ больше не думалъ“. Дѣйствительно, о жизни его въ теченіи этихъ лѣтъ разсказываютъ много смѣшныхъ анекдотовъ о его необычайной разсѣянности и полномъ пренебреженіи ко всему. Его приходилось мыть, кормить, расталкивать, какъ соннаго, чтобы добиться отвѣта, до такой степени онъ былъ поглощенъ своей мыслью, и это продолжалось не менѣе 18 лѣтъ. Уже изъ этого можно видѣть, что знаменитый анекдотъ о томъ, что будто бы яблоко, упавшее въ саду, вдругъ навело его на мысль о законѣ тяготѣнія—нелѣпая выдумка. Мы видѣли, что еще Кеплеръ близко подходилъ къ открытію этого закона, когда говорилъ, что „солнце есть источникъ силы, вращающей планеты“. Еще ближе подходили къ истинѣ современники Ньютона, упомянутые нами астрономы, и когда онъ обнародовалъ свое открытіе, одинъ изъ нихъ, Гукъ, утверждалъ, что онъ укралъ его у него. Это было несправедливо, но несомнѣнно, что въ одно время съ нимъ открытіе его *почти* было готово и въ головѣ Гука. Предъидущіе открытія и труды Коперника, Кеплера, Галилея въ астрономіи и голландца

Digitized by Google

Гюйгенса, современника Ньютона, въ механикѣ, такъ подвинули науку, что открытіе закона тяготѣнія созрѣло и ожидало только геніальнаго человѣка, который выразилъ бы его.

Однако болѣе 20 лѣтъ прошло съ того времени, какъ Ньютонъ задалъ себѣ вопросъ: почему земля и прочія планеты движутся и движутся именно по эллипсу? до того времени, когда въ 1687 по настоянію Галлея и другихъ друзей онъ обнародовалъ открытіе закона тяготѣнія. Въ теченіе этого времени онъ успѣлъ пріобрѣсти громкую славу своими открытіями въ физикѣ и математикѣ, хотя Ньютонъ, походившій въ этомъ отношеніи на Коперника, очень не торопился обнародывать свои открытія. Однако онъ былъ далеко не равнодушенъ къ ученой славѣ; напротивъ того, въ этомъ отношеніи онъ былъ ужасно ревнивъ и провелъ много лѣтъ своей жизни въ ссорахъ съ разными учеными о первенствѣ въ открытіяхъ. Вообще странное дѣло: какъ астрономъ, физикъ и математикъ, Ньютонъ по геніальности равняется величайшимъ геніямъ, какъ Коперникъ и Кеплеръ. Но рядомъ съ этимъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, онъ былъ болѣе чѣмъ ограниченъ. Какъ будто математика и ея отрасли, механика и астрономія, поглотили всѣ силы его ума и не оставили ничего для другихъ сторонъ жизни.

Digitized by Google

Такъ напр. въ политикѣ онъ выказывалъ самый дикій религіозный фанатизмъ, а. гдѣ нельзя было явиться изувѣромъ, тамъ онъ оставался нулемъ. Англійскій король Іаковъ II, будучи католикомъ, пожелалъ помѣстить въ университетскій госпиталь одного больного стараго католика; и въ это же время одинъ бенедиктинскій монахъ просилъ позволенія держать въ университетѣ экзаменъ на степень магистра. Ньютонъ, какъ членъ университетскаго правленія, яростно возсталъ противъ того и другого, и королю не удалось побѣдить ихъ упорнаго фанатизма. Затѣмъ Ньютонъ былъ избранъ въ члены парламента, въ самую живую эпоху англійской исторіи, въ ту эпоху, когда революція низвергла Іакова II, и страна переживала рѣшительный кризисъ. Но Ньютонъ выказалъ въ парламентѣ такое совершенное ничтожество, что по истеченіи срока его больше не выбрали.

Свой религіозный фанатизмъ онъ выказывалъ даже въ наукѣ. Будучи предсѣдателемъ королевскаго физико-математическаго общества, онъ не хотѣлъ принять въ члены ученаго математика, доктора Вистона, за то, что тотъ выразилъ въ своихъ сочиненіяхъ мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ англиканской церкви. При этомъ онъ сказалъ, что выйдетъ изъ общества, если въ члены его будетъ допущенъ

Digitized by Google

еретикъ. Такія же странныя понятія онъ обнаруживалъ и въ другихъ дѣлахъ. Верховный судья, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ, спрашивалъ его мнѣнія, какъ поступить съ обвиняемымъ Меткальфомъ, который несомнѣнно занимается поддѣлкой монеты, но судъ не имѣетъ достаточныхъ уликъ противъ него. Ньютонъ отвѣчалъ совѣтомъ повѣсить обвиняемаго, потому что если его выпустить, то онъ опять пойдетъ поддѣлывать монету, „уличить же этихъ людей трудно“. Наконецъ даже въ наукѣ были стороны, въ которыхъ онъ выказывалъ странную ограниченность; такъ напр. онъ твердо вѣрилъ въ философскій камень, открывъ который можно было дѣлать металлы и излечивать всѣ болѣзни, и всю жизнь съ усердіемъ работалъ въ лабораторіи, надѣясь найти способъ дѣлать золото.

Лѣтъ черезъ 6 послѣ обнародованія своего великаго открытія Ньютонъ началъ обнаруживать признаки умопомѣшательства. Онъ сдѣлался нелюдимъ, подозрителенъ, мнителенъ. Знаменитый англійскій писатель Локкъ, благоговѣвшій передъ нимъ и преданный ему всею душою, получилъ въ одно прекрасное утро отъ него письмо такого рода: „Милостивый Государь, я полагаю, вы имѣли намѣреніе поссорить меня съ женщинами; это такъ поразило меня, что, когда мнѣ сказали, что вы

Digitized by Google

больны и вѣроятно умрете, я отвѣчалъ, что тѣмъ лучше. Прошу извинить меня за этотъ недостатокъ христіанской кротости; теперь я убѣжденъ, что вы были правы и прошу у васъ извиненія; прошу извиненія, что сказалъ о вашей книгѣ, что она подрываетъ нравственность и за то, что думалъ или говорилъ, что вы хотите продать мнѣ должность или поставить меня въ затруднительное положеніе".

Получивъ это письмо, Локкъ чрезвычайно изумился и попросилъ объясненія. Ньютонъ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ съ прошлой зимы; что передъ тѣмъ какъ писать свое письмо, пятнадцать дней страдалъ безсонницей и рѣшительно ничего не помнитъ, что написалъ. Хотя онъ не дошелъ до того, чтобы его пришлось посадить въ сумасшедшій домъ и даже въ самомъ разгарѣ своей болѣзни поступилъ на службу чиновникомъ на монетный дворъ, однако съ этихъ поръ научная дѣятельность его кончилась. Онъ издалъ только нѣсколько своихъ старыхъ работъ, сдѣланныхъ въ молодости. Впрочемъ онъ писалъ еще очень много, но предметомъ его слѣдующихъ сочиненій былъ Апокалипсисъ. Онъ чрезвычайно обстоятельно доказывалъ, что одиннадцатый рогъ четвертаго звѣря, о которомъ говорится въ пророчествахъ Даніила, есть ничто иное, какъ римскій папа. Характеръ его, вообще не отличав-

Digitized by Google

шійся любезностью, сдѣлался нестерпимъ. Люди, наиболѣе уважавшіе его, не могли знаться съ нимъ. Самолюбіе его приняло неслыханные размѣры; онъ во всѣхъ подозрѣвалъ намѣреніе отнять у него славу и провлачилъ жизнь такимъ образомъ безполезную до старости.

Итакъ, для науки онъ умеръ вслѣдъ за обнародованіемъ своего открытія, которое по величію имѣетъ себѣ подобными только открытія Коперника и Кеплера. Эти три человѣка раскрыли тайну вселенной. Благодаря имъ, мы знаемъ теперь строй вселенной, движенія земли и планетъ и законы этого движенія. Благодаря этимъ тремъ геніямъ, люди не только поймали звѣзды съ неба, какъ выражался Кеплеръ, но, что еще важнѣе, узнали положеніе во вселенной своей земли.

В. Руссакъ.

1874 1-е Марта.

Digitized by Google

Старый Пафнутій.

I.

Проживъ полстолѣтія, вообще любятъ оглядываться назадъ на прожитое, припоминать все, что привелось видѣть и испытать въ жизни, людей, которыхъ знали на своемъ вѣку. Когда я перебираю свои воспоминанія, я съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаюсь на старомъ Пафнутьѣ, деньщикѣ моего зятя. Старый Пафнутій былъ такой славной, честной, оригинальной личностью, что она рѣзко выступаетъ изъ сѣрой массы, въ которую сливаются за давностью времени люди, которыхъ я знала.

Илья Петровичъ Павловъ, мужъ моей сестры, пріѣхалъ юнкеромъ въ N-скій полкъ и поступилъ подъ надзоръ ротнаго командира, родного брата

Digitized by Google

своего Ивана Петровича и деньщика его, Пафнутья. По смерти Ивана Петровича, Пафнутій перешелъ къ Ильѣ Петровичу и прожилъ у него двадцать лѣтъ.

Пафнутій былъ взятъ изъ родной деревни рекрутомъ на девятнадцатомъ году жизни. Онъ былъ смирный, робкій парень и въ деревнѣ его считали малымъ съ придурью. Онъ былъ хорошій работникъ въ деревнѣ, только иногда случалось съ нимъ, что онъ среди работы вдругъ остановится и задумается. Коситъ онъ бывало такъ усердно, что густая трава широкими подрѣзанными полосами ложится кругомъ него, да старикъ отецъ похваливаетъ лихаго работника, и вдругъ онъ остановится: коса упрется въ землю, а Пафнутій глазъ не сводитъ съ какого-нибудь жука, который копошится въ травѣ, или кузнечика, который, стрекоча, большими скачками улепетываетъ подальше отъ косы. Пашетъ Пафнутій и, сильной рукой направляя соху, выворачиваетъ здоровыя глыбы земли и вдругъ случайно взглянетъ на прозрачное облако, плывущее по синевѣ неба, или на темную, грозно надвигающуюся тучу, остановится, сошникъ врѣжется глубоко въ землю, и онъ слѣдитъ глазами далеко за облакомъ, пока оно не скроется изъ вида, или за тучей, пока она, развертываясь и нависая все ниже и ниже, не разразится ливнемъ,

Digitized by Google

или грозой. Въ эти минуты на лицѣ Пафнутья выражалось самое безграничное изумленіе и думалось ему, что и вся тварь живетъ, и какъ живетъ она, и откуда берутся облака, куда уходятъ онѣ, и какъ все это творится такъ чудно на землѣ, и въ водѣ, и въ небѣ. И ротъ его раскрывается, будто готовясь вымолвить вопросы эти, на которые никто не могъ отвѣтить ему, и глаза, широко раскрытые, останавливаются неподвижно, и всѣ черты лица принимаютъ то неподвижное, почти безсмысленное выраженіе, которое замѣчается у людей, глубоко поглощенныхъ какой-нибудь мыслью. Пафнутій стоитъ долго такъ, пока отецъ, или кто другой не окликнетъ его.

— Ишь дуракъ, чего ротъ разинулъ, аль опять нашло.

Пафнутій вздрогнетъ, вздохнетъ и снова примется косить или пахать.

„Находить“, какъ говорили крестьяне, на Пафнутья стало еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ ребенкомъ. Пошлютъ его бывало пасти скотъ, а маленькій Павка ляжетъ на спину на траву и глядитъ себѣ на голубое небо и думаетъ, какая славная синяя стеклянная крыша, и хорошо посмотрѣть, что тамъ за нею. Пошлютъ его съ лошадьми въ ночное, товарищи разложатъ костеръ и испекутъ въ золѣ

Digitized by Google

картошки, а Павка поднесетъ картошку ко рту, да вдругъ въ глаза ему кинется темь синяго неба, прорѣзанная миріадами серебрянныхъ звѣздочекъ, да блѣднымъ рогомъ луны, и вкусная картошка падаетъ изъ рукъ, а Павка долго, долго не сводитъ глазъ съ искрящагося серебромъ неба и думаетъ, всегда-ли эти звѣздочки горѣли и отливали разными огнями, и отчего луна то круглая, то рогатый мѣсяцъ, и откуда мѣсяцъ родится, и какъ онъ умираетъ, и что дѣлается съ мертвымъ. И не могъ Павка придумать отвѣтовъ на эти вопросы, а товарищи между тѣмъ все убирали, да убирали картошки, такъ что когда Павка хватится бывало, ему и нѣтъ ни одной.

Когда пришла пора рекрутчины, отецъ порѣшилъ отдать Пафнутья. Коли находитъ на него, такъ Богъ съ нимъ; можетъ еще и хуже будетъ, сказалъ старикъ, и Пафнутью забрили лобъ. Пафнутья привели въ полкъ. Затосковалъ Пафнутій въ душной казармѣ по приволью деревенскому; а когда стали учить ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ и бить за каждый шагъ,—въ то время рекрутъ учили варварски,—ему стало такъ тошно, что онъ готовъ былъ руки на себя наложить. Тихій, смирный парень любилъ миръ да совѣтъ, а тутъ ругань унтеръ-офицеровъ, фельдфебеля, офицеровъ и полко-

Digitized by Google

ваго командира на ученьи; ученье кончено, и въ казармѣ нѣтъ покоя, все ругаются солдаты, особенно какъ напьются.

„И какъ это у нихъ все ругань на умѣ“, думалъ Пафнутій. „Развѣ нельзя кромѣ водки да ругани другаго держать на умѣ“.

Но чего другаго—бѣдный безграмотный рекрутъ не могъ бы сказать, онъ только смутно чуялъ, что у людей должно быть другое лучшее на умѣ.

И въ полку, особенно на ученьи, стало опять „находить“ на Пафнутья. Бывало распекаетъ ротный фельдфебеля за то, что рекруты дурно тянутъ ногу, а онъ задумается о томъ, на что это можетъ быть нужно, чтобы люди тянули такъ ногу, выступая по гусиному, что отъ этого онъ не выучится прямому солдатскому дѣлу бить непріятеля; а тутъ мысли его переходили, зачѣмъ нужно будетъ непріятелю придти воевать „матушку Расею“, зачѣмъ это людямъ нужно воевать, бить другихъ людей, жечь города и деревни, вмѣсто того, чтобы по добру, по здорову заниматься своимъ дѣломъ, никого не обижая. Эти зачѣмъ неотступно сверлили мозгъ бѣднаго Пафнутья, и онъ, вмѣсто того, чтобы тянуть носокъ, опускалъ его, или ступалъ не той ногой, не слышалъ окрика начальника, и начиналась гроза. Его обвиняли въ умышленной дерзости, въ упорствѣ,

Digitized by Google

въ неповиновеніи и послѣ страшной расправы относили несчастнаго въ больницу. Товарищи изъ деревенскихъ сказали унтеру, а тотъ доложилъ выше начальнику, что на Пафнутья „находитъ“.

Докторъ освидѣтельствовалъ и нашелъ его совершенно здоровымъ, да и Пафнутій на вопросы его отвѣчалъ: „всѣмъ здоровъ, а душа больна“, но докторъ нашелъ, что душевная болѣзнь—нѣжность для солдата, и сказалъ ему сердито, чтобъ онъ не прикидывался, а то плохо будетъ.

Наконецъ Пафнутью стало не втерпежь, и онъ, сначала было отказавшійся отъ предложенія Ивана Петровича поступить въ деньщики, потому что деньщикамъ приходилось выслуживать цѣлыя двадцать пять лѣтъ, т. е. лишнія пять лѣтъ противъ строевыхъ солдатъ, теперь пришелъ къ ротному слезно просить, чтобъ его взялъ къ себѣ.

Пообжился Пафнутій у барина, видитъ баринъ добрый, простой, и рѣшился онъ наконецъ спросить его о томъ, надъ чѣмъ онъ особенно задумывался, когда его учили ружейнымъ пріемамъ — зачѣмъ это люди воюютъ между собой, и что за польза отъ войны, не было бы ее, не нужно войска, не нужно войска—не зачѣмъ и отъ сохи сгонять людей и тѣмъ семьи зорить.

Иванъ Петровичъ былъ человѣкъ недальняго

Digitized by Google

ума и отличный служака. Его дѣло было держать роту въ исправности, и былъ бы полковой командиръ доволенъ, да былъ бы у него хорошій табакъ въ трубкѣ, да цѣлковыхъ три лишнихъ, чтобы поставить на карту, и онъ ни о чемъ больше не заботился въ жизни. Вопросъ, какой задалъ ему деньщикъ, никогда не тревожилъ его головы; миръ — хорошо стоять на хорошихъ квартирахъ, война—тоже

Ваканціи какъ разъ открыты,
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе — смотришь перебиты.

Вопросъ Пафнутья удивилъ его, а потомъ разсмѣшилъ.

— Ишь ты, восьмой мудрецъ, куда хватилъ подсмѣялся онъ, и съ тѣхъ поръ Пафнутій и прослылъ восьмымъ мудрецомъ.

Пафнутій посмотрѣлъ на барина, покраснѣлъ и съ этой минуты не разѣвалъ рта, чтобы сдѣлать ему какой-бы-то ни было вопросъ, кромѣ вопросовъ въ родѣ:

— Какой сюртукъ надѣнете, ваше благородіе? или: какую трубку прикажете набить. А думалъ бѣдняга, что за тѣ лишнія пять лѣтъ, что онъ прослужитъ, онъ у барина многое узнаетъ. Баринъ, де, ученый, сколько годовъ учился, и баринъ человѣкъ

Digitized by Google

добрый, не погнушается разсказать ему про все. А вышло, что баринъ разсказалъ товарищамъ про вопросъ „восьмаго мудреца“ и насмѣшилъ ихъ. Тѣ обрадовались, что среди однообразія стоянки нашлась потѣха, и начали нарочно вызывать Пафнутія на разговоръ. Раза два Пафнутій поддался было и повторилъ тѣ вопросы, которые онъ задавалъ себѣ, работая въ деревнѣ на полѣ, или неловко вытягивая ногу подъ палку капральнаго, но осмѣянный, какъ „восьмой мудрецъ“, онъ упорно замолчалъ, и только краска выступала на лицѣ его, когда его донимали насмѣшками въ родѣ: „А что, восьмой мудрецъ, откуда взялась война? или: воевали-ли люди до всемірнаго потопа, или начали послѣ потопа, восьмой мудрецъ, скажи!“ Пафнутій слышалъ новое слово всемірный потопъ, раскрывалъ глаза, на губахъ его шевелился вопросъ, но онъ закусывалъ губы и уходилъ набивать трубки, или ставить самоваръ.

Не смотря на свои обманутыя надежды узнать что-нибудь у барина, Пафнутій былъ образцовымъ деньщикомъ. Это была необыкновенно честная и прямая натура. Взялся за работу, справляй ее; говорилъ онъ, и справлялъ на славу. Ни у кого изъ офицеровъ не было вычищено такъ платье и не блестѣли сапоги, какъ у Ивана Петровича; ни у

Digitized by Google

кого не было такой чистоты и такого порядка въ квартирѣ, хотя хозяинъ относился къ этому съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Съ утра до вечера Пафнутій чистилъ, подметалъ, стряпалъ, за исключеніемъ тѣхъ минутъ, когда на него „находило“, и тогда щи выкипали на плиту, и битки пригорали какъ подошвы. Эти послѣдствія научили его нѣсколько владѣть своими мыслями, и онъ, покончивъ послѣ обѣда всѣ хозяйственныя заботы, садился на завалинку во дворѣ и задумывался, пуская клубы дыма изъ коротенькой трубки. Онъ курилъ медленно, артистически пуская кольца—хитрость, которой выучился у барина,—и въ облакахъ и развертывавшихся кольцахъ дыма, ему видѣлась деревня, поля, молодая жена съ мѣсячнымъ сынишкомъ, которыхъ онъ оставилъ, видѣлись ему и десятки земляковъ, и сотни и тысячи рекрутъ, встрѣченныхъ имъ въ присутствіи и оставившихъ тоже женъ и ребятишекъ въ деревнѣ, и все тяжелѣе, и тяжелѣе становилось у него на сердцѣ. Пафнутій, хоть его и дразнили восьмымъ мудрецомъ, не умѣлъ утѣшать себя въ своей бѣдѣ эгоистической житейской мудростью: не я первый, не я послѣдній. И задумывался Пафнутій, зачѣмъ это такъ устроено, что одинъ народъ знаетъ эту напасть, и для чего она? Вѣдь не споконъ же вѣку такъ велось, а коли не велось, такъ почему же и не перевестись.

Digitized by Google

— Эй, восьмой мудрецъ, ставь самоваръ, раздавалось изъ комнатъ, и онъ, встрепенувшись, бѣжалъ раздувать уголья.

II.

Илья Петровичъ пріѣхалъ юнкеромъ въ полкъ къ брату. Это былъ малый добрый, веселый; въ деревнѣ нѣжная маменька, боясь, чтобы головку сына не разломило ученье, давала ему полную волю гонять голубей. Но у мальчика былъ природный умъ и любознательность, и если онъ, какъ врагъ усидчиваго систематическаго ученья, еле еле могъ выдержать экзаменъ въ юнкера, за то, благодаря книгамъ, которыя получалъ отъ одного сосѣда, онъ зналъ болѣе, нежели знаютъ юноши, выдержавшіе экзаменъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Восьмой мудрецъ заинтересовалъ юношу своими вопросами, онъ отвѣчалъ ему на нихъ, и Пафнутью открылся новый міръ. Съ благоговѣніемъ слушалъ Пафнутій разсказы о томъ, почему выходитъ и заходитъ солнце, откуда берется снѣгъ и дождь, какія есть земли, гдѣ ночь нѣсколько мѣсяцевъ, гдѣ все оковано льдомъ, и другія, гдѣ солнце сжигаетъ все своими раскаленными лучами; какія растенія и какіе звѣри водятся въ этихъ земляхъ, и какіе

Digitized by Google

тамъ живутъ люди и какъ живутъ; и запасъ думъ росъ у Пафнутья, и менѣе тоскливо становилось его раздумье, когда онъ наполнялъ его чудесами, о которыхъ онъ слышалъ отъ молодого барина.

Товарищи юнкера попробовали было устроить себѣ потѣху и начали разсказывать ему о трехголовыхъ людяхъ и крылатыхъ змѣяхъ съ языками какъ желѣзныя сабли, но Пафнутій по тону угадывалъ, что надъ нимъ смѣялись, и тотчасъ уходилъ въ себя. Илья Петровичь не давалъ на потѣху Пафнутія, и Пафнутій привязался къ молодому барину всѣми силами души. Ему нужно было привязаться, а всѣ близкіе сердцу были далеко. Пафнутій ходилъ за юношей, какъ самая заботливая нянька и вмѣстѣ съ тѣмъ гувернеръ.

— Опять денежки на пустяки потратить изволили, замѣчалъ онъ, укоризненно качая головой, когда вынималъ изъ кармана панталонъ Ильи Петровича портмоне и пересчитывалъ деньги:—всего два пятиалтынныхъ да гривенникъ остались, а утромъ было пять рублей да мелочи на рубль семь гривенъ.

— Ну, нянька старая, разворчалась, со смѣхомъ и съ досадой отвѣчалъ юноша.—Экая важность, прокатился на тройкѣ и угостилъ пріятеля.

— Не важность коли одинъ разъ, а вѣдь почитай, что кажинный день, ворчалъ Пафнутій. Много-ли

Digitized by Google

денегъ осталось отъ двухъ сотъ рублей, что маменька ваша прислала, а жить нужно еще два мѣсяца. На что жить-то будете. Его благородіе, Иванъ Петровичъ, сказали, что не дадутъ больше, потатчикомъ быть не хотятъ, маменькѣ вашей отвѣтъ дадутъ.

— Ну, вотъ другой ворчунъ выискался вмѣстѣ съ почтеннымъ братцемъ, и хмурясь и смѣясь, отвѣчалъ Илья Петровичъ. Эка невидаль, онъ не дастъ: товарищи дадутъ.

— Дадутъ, дадутъ, ворчалъ Пафнутій, да отдавать-то надо. А отдадите что маменька пришлетъ, съ чѣмъ останетесь сами. А вы теперь, баринъ, экономію соблюдайте, вотъ денежки остальныя и дотянутъ; а грѣхъ случится не дотянутъ, то братецъ, видя вашу экономію, повѣритъ, что вы экономію соблюдать будете и изъ другой присылки, и дадутъ вамъ. А не дадутъ, не бѣда посидѣть маленько: часомъ съ квасомъ, а часомъ и такъ, больно жирно пожили.

Но если Пафнутій такъ усердно распекалъ своего молодого барина, за то онъ же и являлся постояннымъ защитникомъ его передъ старшимъ братомъ и ротнымъ командиромъ, усердно прикрывая разныя неисправности и шалости юноши, на которыя толкала его праздность полковой жизни и отсутствіе какаго бы то ни было умственнаго интереса въ жизни.

Digitized by Google

— Чѣмъ по трактирамъ шляться, книжкой бы занялись. И какъ это вамъ ничего умнѣе на умъ нейдетъ, вы образованіе получили.

— Книгъ нѣтъ въ этой трущобѣ, зѣвалъ юнкеръ.

— А деньги есть, книжки купите вмѣсто того, чтобы попусту сорить. И сами бы время съ пользой провели, и мнѣ разсказали.

— Хорошо, вотъ выпишу, какъ мать деньги пришлетъ, отвѣчалъ Илья Петровичъ, но забывалъ, и съ новой присылкой по прежнему сорилъ деньгами. Юноша началъ втягиваться въ праздную суету полковой жизни.

Походъ полка на Кавказъ нарушилъ однообразіе жизни гороевъ нашихъ. Оба брата отправились въ походъ и Пафнутій съ ними. Въ одномъ сраженіи Илья Петровичъ, увидя гранату, упавшую у ногъ Пафнутья, на котораго, при видѣ ужасовъ войны, начало „находить“ все болѣе и болѣе, поднялъ ее и выбросилъ за земляную насыпь, за которой ее розорвало, и тѣмъ спасъ жизнь себѣ и Пафнутью. Съ этой минуты Пафнутій пересталъ принадлежать себѣ, пересталъ жить своею жизнью, а весь ушелъ въ жизнь Ильи Петровича. Онъ иначе не говорилъ про него какъ: мы; про друзей его, знакомыхъ, про вещи какъ: наши друзья, наши знакомые, наши сюртуки и сапоги.

Digitized by Google

Илья Петровичъ отличился, получилъ два чина; послѣ отставки брата, принужденнаго изъ за ранъ оставить службу, онъ былъ сдѣланъ ротнымъ и не замедлилъ жениться на моей младшей сестрѣ. Жена Пафнутья была выписана изъ деревни, чтобы служить молодымъ, сынъ былъ оставленъ въ деревнѣ на попеченіи стараго дѣда и бабки.

Пафнутій былъ, разумѣется, радъ женѣ, но въ привязанности его она занимала едва-ли не второстепенное мѣсто послѣ молодого барина, и то правда они не видѣлись лѣтъ шесть, и оба успѣли поотвыкнуть другъ отъ друга.

Я пріѣхала повидаться съ сестрой не за долго до рожденія племянника, и увидѣла, что она живетъ совершенно помѣщицей, благодаря Пафнутью. Присылки матери прекратились съ ея смертью, жалованье же зятя было маленькое, онъ, какъ честный человѣкъ, не пользовался никакими доходами съ роты, и ему было бы очень трудно жить, если бы не Пафнутій. Пафнутій нанялъ и квартиру для молодыхъ, и выговорилъ огородъ и лужайку. Пафнутій вскопалъ и насадилъ съ женой огородъ и снабжалъ овощами нехитрое хозяйство молодыхъ. Пафнутій уговорилъ вымѣнить на одно, вышедшее изъ моды, шелковое платье корову. Пафнутій завелъ разнаго рода птицу и домашнюю скотину, Пафнутій

Digitized by Google

же ловилъ рыбу, собиралъ ягоды и грибы и заготовлялъ на зиму запасы всего: словомъ, безъ Пафнутья молодымъ супругамъ пришлось бы бѣдствовать.

III.

Пафнутій встрѣтилъ меня сначала не особенно дружелюбно. Онъ думалъ, что я, какъ старшая сестра хозяйки, пріѣхала распоряжаться и „мудрить“; но я могла только расхваливать и удивляться, и Пафнутій примирился со мной. Когда же онъ услыхалъ, какъ я совѣтывала сестрѣ, за которой водился грѣшокъ тратить лишнее на наряды, поберегать копѣйку для будущаго ребенка, то Пафнутій сдѣлался моимъ вѣрнѣйшимъ другомъ.

Когда родился мой племянникъ, Андрюша, и Пафнутій въ первый разъ взялъ его на руки, нужно было видѣть съ какой глубокой, почти материнской любовью онъ посмотрѣлъ на маленькое, красное, сморщенное существо, безпомощно пищавшее у него на рукахъ.

— Вишь, не великъ, ты, да много-ли въ тебѣ смыслу, а вѣдь болитъ крѣпко по тебѣ сердце, сказалъ Пафнутій и сталъ самой заботливой нянькой для ребенка.

Стоило ребенку закричать ночью, Пафнутій вскакивалъ и ждалъ у дверей спальни зятя, не потре-

Digitized by Google

буютъ ли чего разогрѣть, или изготовить. Онъ любилъ Андрюшу, если не больше, то ужъ никакъ не меньше собственнаго сына, который вскорѣ родился. За хлопотами съ дѣтьми Пафнутій сталъ все рѣже задумываться. Простодушно удивленное выраженіе лица его смѣнилось степеннымъ и озабоченнымъ. Съ ранняго утра до поздней ночи сновалъ онъ то въ домъ, то въ огородъ и находилъ время помочь женѣ въ стиркѣ и даже глаженьѣ, и вырѣзать и сладить изъ щепъ какую нибудь незатѣйливую игрушку для ребятишекъ. Прошло еще около пяти, шести лѣтъ. Я снова пріѣхала къ сестрѣ; у сестры было трое дѣтей и столько же у Пафнутья. Дѣти подростали, и какъ дѣти Пафнутья, такъ и дѣти сестры росли, какъ ростетъ капуста въ огородѣ, т. е. ихъ кормили и обмывали и этимъ питаніемъ ограничивалось воспитаніе ихъ. Сестра изъ института вышла замужъ и принесла въ замужество только мечтанія о томъ, что жизнь нѣчто въ родѣ вѣчнаго визита, или бала. Она была занята съ утра перекраиваньемъ нарядовъ да пріемами гостей, или кочеваньемъ по гостямъ. Зять былъ или на службѣ, или по неволѣ занятъ гостями. Дѣти могли, когда Пафнутій былъ занятъ работой, пропадать по цѣлымъ часамъ, рискуя свернуть себѣ шею и утонуть, играя на обрывѣ у рѣки, или заблудиться въ глухомъ со-

Digitized by Google

сѣднемъ лѣсу. Одинъ Пафнутій, бывало, хватится ихъ и отправится на поиски, одинъ Пафнутій и заботился о нравственности дѣтей.

— Не стыдно царапаться такъ, нешто вы кошки, унималъ онъ дѣтей: кажись человѣки, по человѣчески надо и вести себя.

— Что вы, Андрюшенька, нешто не стыдно бѣднаго человѣка обидѣли, да на него же маменькѣ собираетесь ябедничать, усовѣщевалъ онъ Андрюшу, который озлился на сосѣда мѣщанина за то, что тотъ не позволилъ ему раскидывать сѣно, только что сложенное отъ дождя въ стоги. Вѣдь онъ работаетъ, а вамъ потѣха.

И Андрюша, краснѣя, опускалъ голову и шепталъ: не буду.

— Ну тото, не буду, умникъ, коли не будешь.

Пафнутій встрѣтилъ меня съ восторгомъ, разсказывалъ какой разумникъ Андрюша. Словомъ ему все можно растолковать, пойметъ.

Но этотъ разумникъ Андрюша съ товарищами становился мученьемъ матери, особенно въ дождливые дни. Въ маленькомъ домикѣ шестеро ребятъ поднимали такой гвалтъ, что сестрѣ невозможно было вести гостинные разговоры съ полковыми дамами. Среди этого гвалта слышались слова въ родѣ: „поддай, удирай, лопни“, отъ которыхъ поморщилась

Digitized by Google

изящная молодая дама изъ Петербурга, мужъ которой изъ гвардіи былъ переведенъ въ полкъ, гдѣ служилъ зять. Сестра благоговѣла передъ ней, какъ передъ образчикомъ свѣтскаго comme il faut, отъ нея такъ и вѣяло воспоминаніями института. Изумленный взглядъ молодой дамы прожогъ сердце сестры.

— Это дѣти мои выучились отъ дѣтей нашего деньщика, мужъ такъ любитъ его, заговорила сконфуженно сестра. Но я этому положу конецъ. Началась буря. Въ потокѣ словъ слышались явственно только слова:

— Мужицкое отродье, не дамъ портить моихъ дѣтей!

— Помилуйте, чѣмъ же мои дѣти портятъ вашихъ, обиженно вступилась Палагея, жена Пафнутья. Дѣти какъ дѣти, не первый годъ живутъ вмѣстѣ, и ничего не было худого, а вдругъ портятъ!

Пафнутій смотрѣлъ на барыню, широко раскрывъ глаза.

— Чтобъ они не смѣли играть съ моими дѣтьми, слышишь! Если я увижу ихъ вмѣстѣ, берегись!

Какъ ножъ вострый вошли въ сердце Пафнутья слова: мужицкое отродье, портятъ моихъ дѣтей. Не онъ ли училъ старшаго сына оберегать барченка, не онъ-ли всегда какъ нянька ходилъ за дѣтьми барина, болѣлъ объ нихъ сердцемъ больше родной матери.

Digitized by Google

— Что глаза вылупилъ, сказала моя сестра, развѣ не слышишь?

— Слышу, особенымъ тономъ отвѣчалъ Пафнутій, опустивъ голову.

Съ этого дня началось гоненье на дѣтей Пафнутья. Дѣти были привыкши играть вмѣстѣ, они сроднились и не могли жить одни безъ другихъ. Какъ ни бранила и ни наказывала сестра моихъ племянниковъ, они, отбывъ наказаніе, искали дѣтей Пафнутья; какъ ни смотрѣлъ за своими Пафнутій и при случаѣ давалъ имъ и тычка, дѣти его такъ и рвались къ моимъ племянникамъ. Сестра то сердилась, то смотрѣла сквозь пальцы, пока до нея не дошли полковыя сплетни, что изящная дама, пріѣхавшая изъ Петербурга не хочетъ знакомить своихъ дѣтей съ ея дѣтьми. Сестра пришла въ отчаяніе, которое высказалось криками и требованіемъ, чтобъ дѣти Пафнутья не смѣли попадаться ей на глаза.

— Забей ихъ въ чуланъ, подвалъ, подполье, куда хочешь, но чтобы мои ихъ не видали и не слыхали, кричала сестра.

— Что вы, Бога побойтесь, отвѣчала Палагея. Стану я дѣтей своихъ въ подвалы забивать. Не дѣло говорите вы.

— Ты смѣешь грубить мнѣ. За все, что мы для тебя дѣлаемъ.

Digitized by Google

— Не изъ милости живу я, работаю за троихъ, отвѣчала Палагея. Не даромъ хлѣбъ ѣмъ.

— Вонъ, чтобъ духу твоего не было, ни твоего отродья.

Палагея ушла. Раздраженіе сестры поостыло, и она забыла эту сцену. Люди вообще съ удивительной легкостью забываютъ оскорбленія, которыя наносятъ другимъ. Но эти другіе не забываютъ такъ легко. Слово, сказанное въ минуту необузданнаго гнѣва, западаетъ глубоко.

Пафнутій, которому Палагея передала все, горько задумался. Палагея, которая была горячая женщина, не могла забыть, что ея дѣтей приказывали забить въ подполье. Прежняго усердія ея служить сестрѣ какъ не бывало. Она старательно исполняла получаемыя приказанія, но уже не рвалась какъ прежде угодить барынѣ, на которую она прежде готова была молиться, потому что замужество сестры съ Ильей Петровичемъ было поводомъ соединенія ея съ мужемъ. Сестра угадала затаенное горькое чувство на душѣ служанки и не могла простить ей, какъ та осмѣлилась не забыть обиду, которую она на другой же день выкупила подаркомъ полинялой розовой ленты. Пошли придирки. Палагея исполняла свое дѣло съ точностью и при каждой придиркѣ, молча, указывала на безукоризненно исполненную

Digitized by Google

работу, только въ глазахъ ея мелькала насмѣшливая искра, когда барыня, топнувъ ногой, уходила въ безсильной и напрасной злобѣ. Сестрѣ была бы несравненно сноснѣе служанка, которая отвѣчая ей зубъ за зубъ, дала бы поводъ разбраниться до сыта и нажаловаться мужу. Впрочемъ она обошлась и безъ повода.

Илья Петровичъ замѣтилъ ей какъ-то, что она напрасно придирается къ Палагеѣ, и долго копившаяся злоба прорвалась.

— Ты не можешь себѣ представить какая она лукавая, она нарочно при тебѣ все исправно исполняетъ, а безъ тебя ни на что не похоже. Грубитъ, нарочно на зло мнѣ дѣтей посылаетъ играть съ моими.

— Право, душа моя, оставь эти дрязги, нужно быть снисходительнѣе, а дѣти Пафнутья какъ дѣти, пусть играютъ съ нашими, привыкли, сами идутъ, отвѣчалъ Илья Петровичъ, любившій всего болѣе спокойствіе. Сестра не унималась, каждый день начинала ту же пѣсню и наконецъ потребовала, чтобъ Палагею съ дѣтьми прогнали прочь. Зять сначала не хотѣлъ слушать.

— Побойся Бога, Наденька, уговаривалъ онъ жену. Вѣдь это раззоритъ гнѣздо Пафнутья. Они такъ хорошо живутъ. Пафнутій такъ усердно ра-

Digitized by Google

ботаетъ, безъ него намъ бы пришлось просто въ другой разъ и въ проголодь насидѣться съ семьей. У меня языкъ не повернется выговорить ему, что мы гонимъ его жену съ дѣтьми. Нужно знать и совѣсть. Но сильнѣе совѣсти говорила въ зятѣ любовь къ спокойствію. Какъ онъ ни крѣпился, но пришлось ему сдаться на требованіе жены; и наконецъ въ сумерки, которые скрыли краску, выступившую на его лицѣ, онъ нетвердымъ голосомъ сказалъ Пафнутью, что такъ какъ барыня больная и слабая женщина, то она не можетъ выносить дѣтскаго шума, и потому нужно какъ-нибудь устроить дѣтей его, и пускай Палагея поищетъ другого мѣста съ дѣтьми.

— Знаю я, что она вдругъ стала неугодна барынѣ, сказалъ Пафнутій горько.

— Да нѣтъ, братъ, ею очень довольны, началъ было зять.

— Эхъ, ваше высокоблагородіе, чего ужъ тутъ говорить. Когда прикажете ей выбираться съ ребятишками?

— Да мы не сейчасъ же гонимъ, что ты. Пусть она поищетъ мѣста.

— Найдешь мѣсто съ ребятами, она въ деревню поѣдетъ. Позвольте пообождать, какъ рѣки пройдутъ, лодкой и поѣдетъ въ деревню, а то въ ростепель съ ребятишками, еще утонутъ.

Digitized by Google

IV.

Сестра успокоилась, узнавъ, что добилась своего, но не надолго. Съ той минуты какъ рѣшенъ былъ отъѣздъ Палагеи, веселья семьи какъ не бывало. Палагея съ утра до вечера не осушала глазъ при мысли о близкой разлукѣ со своимъ желаннымъ Пафнутьемъ. Пафнутій не говорилъ ни слова, онъ не любилъ ни жалобъ, ни слезъ; но сердце у него не лежало къ работѣ по прежнему. Онъ машинально исполнялъ свое дѣло и задумывался по прежнему. Племянники мои и племянница съ утра до вечера приставали къ матери съ просьбами оставить Палагею съ дѣтьми. Палагея входила въ комнату темнѣе ночи и глядѣла на барыню такъ, что та невольно опускала глаза, а на щекахъ выступали два красныхъ пятна. Сестра была не въ конецъ злая и безчувственная женщина и были минуты, что она готова была оставить Палагею съ дѣтьми, но это значило бы сознаться, что она была неправа, до этого ее не допустило бы чувство барства. Сестра была барыней до мозга костей. Передъ ровней она созналась бы въ винѣ и загладила бы ее; она не взяла бы ни за что на совѣсть свою тяжесть сознанія, что она разлучила мужа съ женой и отца съ дѣтьми, еслибы этотъ мужъ, жена и дѣти были бла-

Digitized by Google

городные, но Пафнутій и Палагея были слуги, она была барыней, жизнь слугъ была въ ея рукахъ, и не барынѣ было сознаваться въ винѣ передъ слугами.

Въ день отъѣзда Палагеи съ дѣтьми, сестра забрала своихъ дѣтей и съ утра уѣхала кататься. Я осталась дома одна и видѣла тяжелую сцену. Палагея рыдала и вопила какъ безумная. Она не въ состояніи была причитать, какъ всегда причитаютъ бабы наши въ минуту разлуки, на похоронахъ; для причитанья нужно извѣстное самообладаніе; Палагея была внѣ себя. Она могла только выкрикивать задыхающимся голосомъ: „Пафнутій, родимый, не забудь меня, охъ пропало мое счастье!“ да призывать на голову разлучницы такія страшныя проклятія, что какъ я ни была увѣрена, что никогда никакое злобное слово человѣка не можетъ накликать на другого бѣдствія, но мнѣ становилось страшно при мысли, что сестра моя могла вызвать такую страшную и, какъ мнѣ ни горько было сознаться, вполнѣ справедливую злобу.

Горечь разлуки была отравлена для Палагеи и Пафнутья еще тѣмъ, что сестра увезла дѣтей.

— Росли вмѣстѣ, проститься не дали, говорила горько Палагея:—а Машеньку-то я кормила. Хотьбы сказали, что ѣдутъ и не вернутся, такъ прежде попрощались бы. Словно мы не люди.

Digitized by Google

Палагея уѣхала съ дѣтьми. Пафнутій, провожавшій ее за нѣсколько верстъ, вернулся къ вечеру передъ возвращеніемъ барыни съ дѣтьми.

— Вотъ я бобылемъ сталъ, сказалъ онъ мнѣ самымъ равнодушнымъ тономъ, и только тотъ, кто хорошо зналъ его, могъ понять сколько горя таилось подъ этимъ равнодушіемъ.

Вернувшіеся дѣти подняли горькій плачь; всего болѣе плакала Маша по Палагеѣ. Сестра, чтобъ отвязаться отъ ихъ просьбъ вернуть назадъ Палагею съ дѣтьми, сказала, что Пафнутій самъ прогналъ ихъ и велѣла молчать. Дѣти побѣжали упрекать Пафнутья.

— Э-эхма, прогналъ, повторилъ Пафнутій горько. Неразумные вы, ребята. Ну, вотъ теперь видите руку, и онъ разставилъ передъ ними широко всѣ пять пальцевъ:—ну теперь отрублю я себѣ руку, а? Такъ-то я и прогналъ своихъ ребятишекъ съ женой.

Послѣ отъѣзда жены, Пафнутій сталъ еще сильнѣе задумываться. Горькой обидой запалъ ему на сердце этотъ отъѣздъ. Если бы даже жена померла, кажется, ему было бы не болѣе горько. То судьба, противъ нее ничего не подѣлаешь. А тутъ жили они дружно, хорошо и вдругъ все пошло прахомъ по чужой волѣ, по волѣ той женщины, которой они не знали какъ угодить, для которой съ утра ранняго

Digitized by Google

до ночи поздней гнули спину, своихъ дѣтей забывали, чтобы послужить ея дѣтямъ. И крѣпко задумывался Пафнутій зачѣмъ это на бѣломъ свѣтѣ такъ устроено, что жизнь и счастье его и всѣхъ, кого онъ ни зналъ, въ чужой волѣ, и хорошо коли воля эта добрая, а какъ злая, тогда ничего нѣтъ вѣрнаго въ жизни. Сегодня живу семьей, а завтра бобылемъ, сиротинкой, и не я одинъ, а много насъ такихъ. И страшно становилось Пафнутью отъ этихъ думъ, и когда онъ такъ задумывался, ему казалось, что онъ стоитъ не на твердой землѣ, но что земля подъ нимъ колеблется и еще шагъ одинъ, и онъ полетитъ въ пропасть, которая то раскрывается, то закрывается то тамъ, то тутъ около него.

Особенно тяжело ему было по праздникамъ. Зять съ сестрой и дѣтьми уѣзжали въ гости. Въ домѣ наступала мертвая тишина. Прежде это были днями отдыха для Пафнутья и Палагеи, и то не весь день, а вечера. Утромъ Пафнутій и Палагея обряжали своихъ ребятишекъ. Руки и лица ихъ отмывались до чиста, ихъ одѣвали въ красныя рубашонки, а послѣ обѣда Пафнутій, нафабривъ бакенбарды и усы и надѣвъ новый сюртукъ, и Палагея въ новомъ розовомъ ситцевомъ платьѣ, шли гулять по главной улицѣ городка, гдѣ стоялъ полкъ. Прохожіе оборачивались полюбоваться на красивую Палагею, ко-

Digitized by Google

тора́я въ туго́ накрахмаленномъ платьѣ и шелковой косынкѣ на головѣ, плыла павой по улицѣ, скромно опуская глаза, когда на нее заглядывались. Пафнутій шелъ хмуро, хотя ему и льстили въ душѣ похвалы Палагеѣ. но онъ держался взглядовъ русскаго мужика на женщину, что у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ, и что похвали бабу, заберетъ въ голову дурь, и если Палагея не забирала дурь въ голову въ продолженіи пяти лѣтъ своей городской жизни, то Пафнутій приписывалъ это единственно тому, что онъ училъ ее уму разуму.

— Иди, иди, не пяль глаза, мало что дураки зря болтаютъ, твердилъ онъ женѣ, улыбавшейся на восклицанія: „какая красавица!“ которыя раздавались часто ей вслѣдъ. Ишь нашли красавицу, помеломъ писана. Ты смотри у меня, уши развѣсишь, и работа на умъ не пойдетъ, а гулянка одна.

— Полно, Пафнутій, отвѣчала Палагея степенно, не первый годъ живемъ вмѣстѣ, свой разумъ есть, чай.

Эта размолвка придавала еще большее удовольствіе прогулкѣ. Пафнутій покупалъ орѣховъ и пряниковъ къ величайшей радости дѣтей, строго наказавъ имъ не ѣсть всего, а оставить гостинца Андрюшѣ, Машѣ и Ванѣ; впрочемъ, этотъ наказъ былъ излишнимъ, потому что ни дѣти Пафнутья, ни

Digitized by Google

племянники мои не могли съѣсть куска одни безъ другихъ.

Вечеромъ баринъ и барыня спрашивали, что жена его была вѣрно первой красавицей на гуляньѣ, на что Пафнутій отвѣчалъ, что это дѣло плевое, что съ лица не воду пить, была бы работницей хорошей, да дѣло свое сполняла какъ слѣдуетъ, да по закону была женой и матерью, какъ быть надо.

— У какой строгій, говорила барыня, смѣясь.

— Грѣхъ тебѣ на нее жаловаться, говорилъ баринъ, она примѣрная женщина.

— Я и не жалуюсь, отвѣчалъ Пафнутій, и сознавая какъ справедливы похвалы женѣ, хвалить ее не хотѣлъ, дескать избалуется баба.

Теперь Пафнутью жаль стало отчего онъ не былъ прежде ласковѣе съ женою. Тоскливо ему стало и на кухнѣ, гдѣ прежде Палагея живо сновала, ловко управляясь съ тяжелыми кастрюлями и горшками, тоскливо и въ огородѣ, гдѣ онъ теперь одинъ пололъ грядки, не слыша ея звонкой пѣсни, а всего тоскливѣе въ коморкѣ, гдѣ онъ теперь сидѣлъ одинъ одинешенекъ и не кому было сказать ему ласковаго слова, не кому было позаботиться о немъ, пожалѣть его, когда онъ устанетъ, или когда барыня взведетъ на него напраслину, или баринъ не въ духѣ скажетъ недоброе слово. Не слышно

Digitized by Google

стало въ коморкѣ дѣтскаго веселаго смѣха, и когда вечеромъ Пафнутій уходилъ въ нее, онъ тоскливо смотрѣлъ на пустое мѣсто, гдѣ стояли прежде козлы, сработанные имъ самимъ, на которыхъ спало трое румяныхъ бѣловолосыхъ и—не смотря на всѣ усилія матери отмыть ихъ—вѣчно чумазыхъ ребятишекъ.

V.

Все тоскливѣе и тоскливѣе становились думы Пафнутья, особенно по праздникамъ, и наконецъ онъ началъ выпивать рюмочку-другую лишнюю. Возвращаясь домой, Илья Петровичъ заставалъ своего деньщика подъ хмѣлькомъ. Сначала онъ не замѣчалъ ничего, и замѣтивъ въ первый разъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобъ его примѣрный Пафнутій могъ довести себя до такой неисправности. Зять мой тоже смотрѣлъ съ точки зрѣнія начальника и барина на Пафнутья. Пьянство Пафнутія было нарушеніемъ дисциплины передъ начальникомъ и неисправностью слуги въ домашнемъ обиходѣ. И ни зятю, ни сестрѣ ни пришла на умъ мысль, что это было прежде всего тяжелой виной Пафнутья противъ самого себя, что онъ убивалъ въ себѣ человѣка.

Я попробовала поговорить съ Пафнутьемъ.

— Эхъ, барышня, перебилъ онъ меня на пер-

Digitized by Google

выхъ словахъ. Чтожъ дѣлать, когда горько. Вотъ и барыня говоритъ, свинья, только бы нализаться ему. Ничего нѣтъ благороднаго въ этихъ людяхъ. А гдѣ намъ взять это благородство, нешто насъ учили.

Я могла только уговаривать Пафнутья не губить себя.

— А для чего мнѣ беречь себя, для какихъ радостей. Человѣку тошно жить безъ радостей; зашумитъ въ головѣ, ну и хорошо, и весело.

Я была тогда молода и думала, что можно такое горе, какъ Пафнутья, разогнать словами.

— Если тошно жить, Пафнутій, нужно тоску разгонять по-человѣчески. А то ты напьешься до безчувствія, надъ тобой смѣются всѣ, мальчишки штуки разныя выдѣлываютъ. А прежде тебя всѣ почитали.

Слабая краска выступила на щекахъ Пафнутья и изчезла; онъ посмотрѣлъ на меня, покачавъ головой, будто хотѣлъ сказать: эхъ ты, дитя неразумное.

— Перетерпи, Пафнутій, живи по-человѣчески, послѣ легче станетъ, проповѣдывала я.

— По-человѣчески, проговорилъ Пафнутій. Да нешто жизнь моя человѣческая. Перетерпи! Скажи другой, не вы, продолжалъ онъ черезъ минуту, я бы въ глаза засмѣялся. Знаю я, что ваша жизнь по

Digitized by Google

чужимъ домамъ не легка была, да вы можете и книжку почитать и обо всемъ подумать, ну и дума то объ горѣ или обидѣ и отойдетъ. А намъ что? Нешто насъ учили почеловѣчески. Вамъ книжка, намъ чарка.

Эти слова Пафнутья были для меня лучемъ свѣта. Я предложила ему учить его грамотѣ. Пафнутій согласился. Особеннаго удовольствія не видно было на его лицѣ, а только недоумѣвающая усмѣшка, говорившая: посмотримъ, будетъ ли толкъ.

Толку не вышло. Пафнутій оказался совершенно неспособнымъ къ ученью, и послѣ трехмѣсячныхъ ежедневныхъ уроковъ, доставлявшихъ обильную пищу насмѣшкамъ сестры, Пафнутій отказался.

— Кабы съ молоду, дѣло другое, а теперь куда намъ учиться, голова крѣпка, ничто нейдетъ въ нее. сказалъ онъ съ сокрушеніемъ. Быть мнѣ дуракомъ, не я первый, не я послѣдній, это намъ видно на роду написано.

Не на роду было тебѣ написано это, бѣдный Пафнутій. Въ тебѣ съ дѣтства шевелилась жажда знанія; не даромъ же ты задумывался такъ и надъ звѣзднымъ небомъ, и надъ плывущими облаками, когда ходилъ въ ночное, или пахалъ пашню свою; этими думами ты хотѣлъ проникнуть въ дивный, неизвѣстный міръ природы. Жизнь не утолила эту

Digitized by Google

жажду знанія, и она глохла, глохла и замерла. Давно уже Пафнутій пересталъ распрашивать Илью Петровича обо всемъ, что дѣлается въ божьемъ мірѣ, пересталъ болѣе потому, что Илья Петровичь, которому стыдно было сознаться, что онъ не въ состояніи отвѣтить на многіе вопросы, начиналъ зѣвать и говорилъ: „завтра, братъ, сегодня усталъ какъ собака“; но завтра повторялось тоже, и Пафнутій покончилъ съ распросами. Полковая жизнь въ маленькомъ городкѣ, безъ книгъ, безъ какого бы то ни было умственнаго интереса сдѣлала свое дѣло, и Илья Петровичъ самъ замѣтно поглупѣлъ. Онъ отвыкъ читать, интересоваться наукой и литературой; содержаніе роты въ исправности, да по вечерамъ преферансъ съ товарищами поглощали все его время. Вся энергія его и пылкость ушли на содержаніе роты въ исправности, и эта потребность исправности сдѣлала его безпощаднымъ въ отношеніи Пафнутья.

Убѣдившись, что Пафнутій началъ испивать, зять мой погрозилъ ему, что если онъ неисправится, то онъ будетъ высѣченъ при первой винѣ.

Пафнутій зналъ, что зять не любилъ даромъ грозить, и сталъ крѣпиться, не изъ страха розогъ, но изъ страха стыда. Онъ тринадцать слишкомъ лѣтъ служилъ безупречно, онъ гордился своей безупречной службой—и вдругъ такой стыдъ. Изъ

Digitized by Google

деревни пришло письмо, что дочка его утонула. Палагея была на работѣ въ полѣ, дѣти бѣгали безъ призора, дѣвочка играла на берегу пруда, упала и завязла въ тинѣ.

— Э-эхъ, махнулъ рукой Пафнутій, когда я прочла ему письмо, извѣщавшее о смерти дѣвочки, ушелъ въ свою коморку и не выходилъ оттуда цѣлый день.

Весь слѣдующій день онъ задумывался, а на третій напился пьянъ и опрокинулъ въ гостиной подносъ, какъ разъ въ то время, когда у зятя былъ въ гостяхъ полковой командиръ.

На другой день зять приказалъ отправить Пафнутья въ команду для наказанія. Я собрала дѣтей, которые, узнавъ о бѣдѣ, грозившей ихъ дорогому Пафнутью, подняли страшный плачь, и повела ихъ просить у отца прощенья Пафнутью. Илья Петровичъ сдался на наши просьбы.

— Слушай, Пафнутій, прощаю тебя для нихъ и ради твоей вѣрной службы. А чтобы ты впередъ не пьянствовалъ, я тебѣ не буду давать ни гроша. Ты сытъ у меня и одѣтъ; твои деньги я буду откладывать и копить. Слышишь.

Эта мѣра дѣйствительно помогла. Пафнутій пересталъ напиваться, не на что стало, онъ былъ рѣдкой честности и ни за что не занялъ бы гроша,

Digitized by Google

не зная какъ отдать; а попользоваться хоть ниткой хозяйства зятя было немыслимо. Рѣдко по праздникамъ угощали его земляки, когда онъ отправлялся въ гости, и тогда онъ осторожно возвращался домой и окачивалъ себѣ голову прежде, чѣмъ показаться на глаза зятю. Пагубная привычка, сдержанная страхомъ, не усиливалась, но она и не искоренялась, потому что ее исправляли однимъ страхомъ, потому что ей не ставили противовѣсомъ другаго спасительнаго вліянія.

Годы шли, Пафнутій былъ все тотъ же усердный работникъ, тотъ же безотвѣтный слуга, выносившій капризы и брюжжанье сестры, которая, по мѣрѣ того, какъ мужъ ея подвигался въ чинахъ, все болѣе и болѣе заботилась о томъ, чтобы поставить домъ на свѣтскую ногу. Ее приводилъ въ отчаяніе Пафнутій, который никакъ не могъ усвоить пріемы великосвѣтскаго лакея. У Пафнутья были свои любимые и нелюбимые гости: любимыми были люди, расположенные его барину, нелюбимыми—враги его. Для первыхъ Пафнутій готовъ былъ распинаться; готовилъ ихъ любимыя блюда, зналъ ихъ малѣйшія привычки; хмурое лицо его складывалось въ улыбку, поднимавшую его щетинистые усы. Для вторыхъ лицо его носило неподвижную хмурую маску; онъ угрюмо совалъ имъ подносы, отнимая прежде, неже-

Digitized by Google

ли они успѣли взять сколько хотѣли и упорно подавалъ чай безъ сахара тому, кто любилъ сладко, а совершенный сиропъ тому, кто не могъ терпѣть сладкаго. Сестра готова была плакать. Зятя очень забавляли эти выходки Пафнутья: онъ долженъ былъ принимать многихъ непріятныхъ ему гостей въ угоду сестрѣ. Сестра очень бы желала выжить Пафнутья, какъ выжила Палагею, но ежегодный дефицитъ въ ихъ домашнемъ бюджетѣ, появлявшійся съ отъѣзда Палагеи, которую пришлось замѣнить двумя наемными работницами, не позволялъ и думать о замѣнѣ его другимъ деньщикомъ. Пафнутьемъ держался весь домъ.

Пафнутій зналъ это, и это сознаніе собственнаго значенія утѣшало его. Баринъ совѣтовался съ нимъ въ дѣлахъ по хозяйству. Баринъ полагался на него, какъ на каменную гору. Онъ вѣрилъ каждому слову Пафнутья, и имѣлъ полное основаніе вѣрить. Пафнутій не солгалъ ему ни разу въ жизни, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходилось покрывать шалости моихъ племянниковъ. Пользуясь довѣріемъ барина, Пафнутій не разъ выручалъ своего брата изъ бѣды. У одного офицера пропали часы. Подозрѣніе пало на одного молодого рекрута, всѣ улики были противъ него, его ждала арестантская рота.

Digitized by Google

— Что хотите, Илья Петровичъ, не такой онъ человѣкъ, чтобы украсть. Даромъ погубите человѣка, сказалъ Пафнутій убѣжденнымъ голосомъ. Пособождите да получше разузнайте.

Илья Петровичъ отложилъ рѣшеніе и навелъ справки. Оказалось, что Пафнутій былъ правъ, рекрутъ былъ невиненъ, воръ былъ отысканъ. Позднѣе счастливый рекрутъ пришелъ земно поклониться Пафнутью и принесъ рублевикъ. Пафнутій съ гордостью принялъ поклонъ, отъ рублевика отказался.

— Деньги тебѣ самому нужны, паренекъ, а я правымъ словомъ не торгую. Много рублевиковъ пришлось отдавать назадъ Пафнутью. Съ этого случая въ полку пронесли слухъ, что Пафнутій правая рука барина, что баринъ слушается Пафнутья, и солдаты старались всячески заслужить милость Пафнутья, такъ что будь Пафнутій не такой честной доброй душой, онъ могъ бы играть ту роль, какую играютъ лакеи разныхъ вліятельныхъ лицъ—собирать подачки и нашептывать барину на того, или другого. Всѣ шли къ Пафнутью, чуть было какое дѣло до ротнаго. Пафнутій радъ былъ выручить своего брата въ бѣдѣ, но ни разу не вводилъ въ бѣду. Спроситъ-ли его баринъ про того, или другого солдата, Пафнутій говорилъ одно хорошее и ни словомъ не выдавалъ, что зналъ дурного, а говорилъ:

Digitized by Google

не знаю. Отъ рублевиковъ отказывался упорно, угощенье принималъ: „отъ хлѣба соли не надо отказываться," говорилъ онъ. Но когда случалось, что угостители просили его похлопотать у барина о чемъ нибудь несправедливомъ и по отказѣ его попрекали его угощеньемъ, онъ отвѣчалъ: „хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь". Вскорѣ, впрочемъ, угощенья прекратились. Солдаты убѣдились, что правый всегда правъ, а виноватый виноватъ у Пафнутья есть-ли, нѣтъ-ли угощенье и перестали угощать ради корыстныхъ цѣлей.

VI.

Главной радостью Пафнутья были дѣти его барина. Онъ нянчилъ ихъ какъ самая заботливая нянька. Первыя игрушки дѣтей были работы Пафнутья такъ же, какъ и дѣтская обувь. Пафнутій, когда дѣти стали подростать и ходить въ школу, отводилъ ихъ туда и приводилъ домой, строго наставляя ихъ. „Смотрите, учитесь хорошенько, не то дуроками выростите". Когда дѣти лѣнились, онъ качалъ головой и ворчалъ: „Эхъ, эхъ, разума то въ васъ нѣту, другой бы кровавыми слезами радъ выплакать, чтобъ его учили съ измалолѣтства, да не вернешь время ничѣмъ. Учитесь, послѣ плакаться

Digitized by Google

будете". Пафнутій умѣлъ наблюдать характеръ дѣтей и давалъ имъ вѣрную оцѣнку.

— Теперь Андрюшенька, не быть ему такимъ справедливымъ и душа человѣкомъ, какъ Илья Петровичъ. У него все на показъ, все для вида. А вотъ Машенька, такъ та простая душа, справедливая, и бѣды чужой видѣть не можетъ, послѣднее отдать рада; а Андрюшенька, хоть всѣ пропадайте, утѣшится,—дайте ему новую шелковую рубашку. Ванюша, тотъ добрый мальчикъ, да простоватъ больно и опять сидень такой, за того папенькѣ поклоняться придется, самъ ни до чего не дойдетъ, авсе тянуть за уши нужно будетъ. Послѣдниникій Вася, тотъ мала птичка, а видна по полету; тотъ уменъ будетъ—дотошливъ.

И это было совершенно справедливо. Андрюша былъ любимецъ сестры и портретъ ея и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Онъ былъ красавецъ мальчикъ, избалованный похвалами гостей; какъ бойкій, смѣтливый ребенокъ, онъ запоминалъ разныя фразы гостиной и умѣлъ повторять ихъ кстати, чѣмъ приводилъ въ изумленіе гостей и заслужилъ репутацію геніальнаго ребенка, хотя учить этого геніальнаго ребенка было мукой, не смотря на то, что иное онъ хваталъ на лету; но онъ былъ неспособенъ и къ тремъ минутамъ вниманія. Маша была славная дѣвочка, немно-

Digitized by Google

го плакса, а если Пафнутій преувеличивалъ немного говоря, что она рада отдать послѣднее, за то она всегда готова была подѣлиться съ каждымъ, кто просилъ ее. Вася былъ золотушный, страшно лѣнивый ребенокъ и неспособный преимущественно оттого, что сестра, вообразивъ почему-то, что онъ чахоточный, закармливала его на убой, и мальчикъ походилъ на комъ жира. Заставить его не только выучить что нибудь, но даже заинтересоваться тѣмъ, что я читала вслухъ, и что другія дѣти слушали съ восхищеніемъ, было почти невозможно. Его интересовали только сказки о кисельныхъ берегахъ, медовыхъ рѣкахъ и пряничныхъ домахъ; словомъ, онъ принадлежалъ къ тѣмъ дѣтямъ, для которыхъ родители обиваютъ пороги учителей и директоровъ училищъ и всякими униженіями и неправдами проталкиваютъ изъ класса въ классъ до желаннаго диплома, дающаго право на чинъ четырнадцатаго класса—первой ступени, съ которой они тѣми же средствами будутъ вытягивать на высшія, готовя изъ нихъ бездарныхъ и безполезныхъ членовъ общества.

Вася, младшій, которому было три года, когда я снова пріѣхала повидаться съ сестрой, былъ дѣйствительно замѣчательно острый ребенокъ. Онъ замѣчалъ все и распрашивалъ обо-всемъ. Онъ не пропускалъ ни одной травки, букашки, или камешка,

830640 Google

какъ не пропускалъ и бородавки на носу, или какого-нибудь пятнышка на платьѣ, не спросивъ, что это такое, часто къ величайшей досадѣ обладателей бородавки, или пятнышка; получивъ отвѣтъ, онъ не удовлетворялся имъ, но спрашивалъ отчего и какъ это дѣлается. Не даромъ звалъ его Пафнутій дотошливымъ. Вася былъ нервный и ужасно раздражительный мальчикъ, и черезъ минуту послѣ того, какъ онъ душилъ васъ поцѣлуями, онъ готовъ былъ кинуться царапать и кусать васъ съ тѣмъ, чтобы снова кинуться на шею и душить поцѣлуями, прося прощенья. Нужно было видѣть, съ какимъ спокойствіемъ и терпѣніемъ обращался Пафнутій съ ребенкомъ въ минуты его дикихъ вспышекъ. „Полно, полно“, говорилъ онъ, ухвативъ своими огромными руками рученки ребенка, но такъ нѣжно, какъ могла бы сдѣлать самая нѣжная мать, „послѣ самому стыдно будетъ. Ну, умникъ, перестань“. Онъ держалъ ребенка на рукахъ, тихо гладя по головѣ, пока тотъ не переставалъ биться и кричать. „Ну, перестался, теперь подумай, хорошо ли маленькому человѣчку царапаться и кусаться, какъ котенку“.

Съ Ваней у него была другая манера

— Ну, батюшка, полно ѣсть-то, отъѣлся какъ поросенокъ, а проку отъ тебя пока меньше чѣмъ отъ поросенка. Того хоть заколоть и съѣсть можно,

Digitized by Google

а ты только небо даромъ коптишь; смотри, Машенька старше тебя всего однимъ годкомъ, да и того не будетъ, а какъ учится-то.

Нафнутій самъ того не зная, повторялъ извѣстное изрѣченіе Брюйэра, что праздный человѣкъ безполезнѣе свиньи. Но онъ не ограничивался нравоученіями и, чтобъ чѣмъ-нибудь занять Ваню, научилъ его изъ настроганныхъ щепокъ ладить игрушки и плести корзиночки изъ тростника. Нафнутій былъ мастеръ на всѣ руки.

— Вотъ такъ, хоть что-нибудь сдѣлаешь. Васинькѣ игрушку, или тетѣ будетъ куда класть клубокъ. Пусть хоть что-нибудь варганитъ, обращался онъ ко мнѣ:—чѣмъ сидитъ да глазами хлопаетъ.

Ванѣ понравилось варганить, это не требовало ни усиленнаго движенія, ни работы мозга, и онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, „варганя“ что-нибудь и черезъ нѣсколько времени изловчился варганить вещицы очень недурныя, если принять во вниманіе и самоучку учителя, и недостатокъ инструментовъ. Я говорила брату и сестрѣ, что изъ Вани выйдетъ хорошій ремесленникъ и совѣтовала лучше обратить вниманіе на это, чѣмъ тащить по мытарствамъ ученья — это было бы мытарствомъ для мальчика, который въ девять лѣтъ едва читалъ двусложные слова. Но барская спѣсь обоихъ и офицерскій го-

Digitized by Google

норъ зятя не позволилъ ему и думать о подобной карьерѣ для сына. Пафнутій оказывался лучшимъ педагогомъ, нежели они.

— У насъ въ уѣздномъ городѣ, говорилъ онъ, жилъ одинъ графъ и сапожникъ былъ, раззорился и что-то надѣлалъ и послали его жить въ уѣздъ, ну ѣсть-пить надо — и завелъ сапожную — и жилъ хорошо. Оно конечно дѣло не барское, и за него бары на худой конецъ принимаются, да барствомъ сытъ не будешь, сытъ будешь, коли при барствѣ имѣніе есть, или служба.

Маша и Вася были его любимцами. Машу онъ часто распекалъ за ея слезливость. Огорчитъ ее какой бы то ни было пустякъ, или сразу не задастся ей что нибудь, она сейчасъ принималась за слезы,

— Машенька, глаза-то видно на мокромъ мѣстѣ, увѣщевалъ ее Пафнутій. Э-эхъ, коли ты, ничего не видѣвши, ревешь изъ-за всего, то право вся ты размякнешь въ слезахъ, коли придетъ такая бѣда, изъ-за которой плакать стоитъ. Такъ-таки и размякнешь какъ тряпка, тряпкой будешь, не человѣкомъ. Ну, больно обидно, а ты смѣйся, молодцомъ буду, дескать, осилю все.

Десятилѣтняя Маша могла уже понимать афоризмы Пафнутья и хотя при предвѣщаньи Пафнутья, что она будетъ не человѣкомъ, а тряпкой, слезы

Digitized by Google

приступали къ ея глазамъ, она сдерживала ихъ всѣми силами, чтобы показать Пафнутью, что она можетъ быть молодцомъ.

VII.

Какъ вся радость жизни Пафнутья была въ дѣтяхъ барина, такъ въ нихъ была и вся печаль его. Печалью его былъ Андрюша, котораго онъ съ такой теплой любовью принялъ на руки, какъ перваго ребенка своего барина. Андрюшу отдали въ корпусъ. Тамъ онъ изяществомъ своихъ манеръ понравился директору, и тотъ приглашалъ его къ себѣ по воскресеньямъ съ немногими кадетами, которыхъ за то же достоинство выбиралъ для компаніи своихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого приглашенія Андрюша съ тѣми же товарищами получилъ приглашеніе на дѣтскіе балы къ губернатору; на нихъ не хватало кавалеровъ. Андрюша, пріѣхавъ домой на праздники, приводилъ въ умиленіе мать и отца разсказами о чести, которой онъ удостоился. Сестра жадно распрашивала его о томъ, какъ меблированъ домъ, какъ живетъ губернаторъ. Андрюша заважничалъ отъ такого вниманія и началъ съ пренебреженіемъ относиться къ незатѣйливому образу жизни армейскаго маіора.

— Да, говорилъ покровительственнымъ тономъ,

Digitized by Google

телятина эта, жаренная Пафнутьемъ, не бешемель, хотя убиралъ за обѣ щеки эту телятину послѣ корпусной голодухи; и только наѣвшись до сыта, принялся переворачивать вилкой чуть-ли не пятый кусокъ, подложенный Пафнутьемъ.

— Ну, шамиль-ли, нѣтъ-ли, а пять кусковъ уплелъ, говорилъ обиженный Пафнутій. Полковаго командира поваръ ученый говоритъ, что я не хуже его жарю, у него выучился, и завсегда меня одного помогать зоветъ, когда у нихъ балы. Да и ты съ сыта-то теперь форсишь.

Илья Петровичъ, дѣти и я разсмѣялись. Андрюша вспыхнулъ и со злости закусилъ губы.

— Maman, обратился Андрюша къ матери нахальнымъ тономъ:—какъ это вы позволяете, чтобъ лакеи вмѣшивались въ разговоры. Ни въ одномъ порядочномъ домѣ они не смѣютъ рта разинуть. Ихъ дѣло служить.

Пафнутій поблѣднѣлъ, вздрогнулъ отъ неожиданности этихъ жесткихъ словъ, такъ что нѣсколько реберъ телятины слетѣли на полъ съ блюда, которое онъ держалъ, и остановилъ на Андрюшѣ взглядъ, полный недоумѣнія и горечи, и упрека.

— Ха, ха, расхохотался Андрюша. Хорошо, что мы одни; съ такимъ лакеемъ нельзя пригласить никого изъ поряд...

Digitized by Google

Онъ не договорилъ, потому что Илья Петровичъ, взбѣшенный наглостью сына, вскочилъ весь багровый, и, схвативъ его за ухо, вытащилъ изъ за стола.

— Вонъ, вонъ, проговорилъ онъ, задыхаясь. Ахъ ты, щенокъ эдакій, ахъ ты свинья! Смѣешь у отца въ домѣ такія штуки выкидывать.

Зять мой рѣдко выходилъ изъ себя, но когда что нибудь выводило его изъ обычнаго безпечнаго спокойствія, онъ бывалъ страшенъ.

Мы кинулись отнимать Андрюшу, и зять остановился, боясь забыться передъ женщинами.

— Въ другой разъ, Зина, не суйтесь, обратился онъ ко мнѣ. Сегодня я могъ сдержаться.... Я и самъ не радъ, а за себя не могу отвѣтить, сказалъ онъ, садясь на стулъ и тяжело дыша: —а этого дерзкаго мальчишку я такъ не оставлю, выпорю, больно выпорю, даю мое честное слово. Самъ ничего путнаго не сдѣлалъ, а ломается надъ честнымъ человѣкомъ, который его на рукахъ носилъ.

Просьбы наши простить Андрюшу, или замѣнить сѣченье другимъ наказаніемъ не помогли. Илья Петровичъ далъ свое честное слово, а онъ доводилъ свое храненіе честнаго слова до такой крайности, что если бы даже онъ въ порывѣ гнѣва далъ честное слово поджечь свой домъ, онъ былъ бы способенъ поджечь его.

Digitized by Google

— Проси прощенья у Пафнутъя, тогда я прощу тебя, отвѣчалъ онъ на просьбы сына.

— Ни за что, лучше засѣките меня, отвѣчалъ Андрюша съ гордостью, которую считалъ геройствомъ. Пусть я буду вашей жертвой, но не унижусь никогда. У губернатора сослали въ свинопасы стараго дворецкаго за то, что онъ смѣлъ сдѣлать какое то замѣчаніе сыну, а вы....

— Молчать! мнѣ никто не указъ. Пафнутій! розогъ.

Пафнутій отказался на отрѣзъ исполнить приказаніе барина.

— Рука моя не поднимется на ребенка, котораго я носилъ на рукахъ, говорилъ Пафнутій. За вину его передъ вами взыскать ваше дѣло, Илья Петровичъ. Только не невольте вы его просить у меня прощенья. Что толку, коли попроситъ, потому что розги струситъ, а не отъ сердца. Коли не понимаетъ, какъ обидѣлъ человѣка, который на рукахъ носилъ его, и Богъ съ нимъ, и Пафнутій рукой махнулъ.

Но горечь обиды залегла на сердцѣ Пафнутья, и не разъ задумывался онъ надъ тѣмъ, почему это въ мірѣ такъ ведется, что и дитя, котораго онъ пестовалъ, надъ которымъ ночей не спалъ, за котораго радъ былъ отдать жизнь, что это дитя учится гнушаться имъ.

Digitized by Google

— Доля наша ужъ такая, да за что это, чѣмъ мы хуже людей, думалъ Пафнутій, и отъ обиды Андрюши болѣло его сердце такъ же, какъ болѣло бы отъ обиды роднаго ребенка.

За то его утѣшили остальныя дѣти. Такъ какъ Андрюша былъ больно высѣченъ отцомъ, то они не сдѣлали ему ни одного упрека, но стали вдвое ласковѣе къ Пафнутью.

Маша расплакалась за обѣдомъ при глупой выходкѣ Андрюши столько же, если не болѣе, изъ жалости къ обиженному Пафнутью, сколько изъ жалости къ брату, которому грозили розги. Вася не съѣлъ ни крошки пирожнаго и принесъ все Пафнутью, повторяя: „ты мой милый, умникъ, а Андрюша дуракъ“, и погладилъ Пафнутья по головѣ и бакенбардамъ. Даже Ваня вышелъ изъ своей обычной апатіи и, отложивъ стружки, изъ которыхъ онъ что-то мастерилъ, вслѣдъ за Васей подошелъ къ Пафнутью и поцѣловалъ его, повторивъ: „ты милый, Андрюша дуракъ“.

Эти заявленія дѣтской привязанности глубоко тронули Пафнутья. Онъ обхватилъ дѣтей своими сильными рабочими руками и проговорилъ.

— Родные вы мои, душу за васъ положу.

И онъ говорилъ правду. Когда кто изъ дѣтей бывалъ боленъ, не было сидѣлки лучше Пафнутья.

Digitized by Google

Спокойно, безъ всякой суеты, такъ несносной для больнаго, ходилъ за нимъ Пафнутій, свято исполнялъ всѣ предписанія доктора. Его спокойствіе можно было принять за равнодушіе, тѣмъ болѣе, что его грубый обликъ, весь обросшій волосами, плохо отражалъ его мысли и чувства. Только косматыя брови гуще нависали, да щетинистые усы шевелились отъ внутренней дрожи, когда докторъ, пощупавъ пульсъ, качалъ съ видомъ сомнѣнія головой.

— Смотрите, все равно, что ребенокъ умретъ, какъ истуканъ стоитъ, говорила сестра, которая въ въ такихъ случаяхъ металась по комнатѣ и стонала и ахала на весь домъ.

А истуканъ исполнялъ за нее ея дѣло; держалъ на своихъ колѣняхъ ребенка, корчившагося въ судорогахъ, пока корчи не утихали и ребенокъ не засыпалъ спокойно, улыбаясь во снѣ Пафнутью. Пафнутій дѣйствительно сидѣлъ „истуканомъ“, цѣлые часы не шелохнувшись, боясь перевести духъ, держа крошку, жизнь котораго висѣла на волоскѣ; и когда пріѣхавшій докторъ объявлялъ, что опасность миновала, въ глазахъ Пафнутья сверкала искра радости и косматыя брови его нависали еще плотнѣе, чтобъ скрыть слезы, а щетинистые усы шевелились еще болѣе отъ усилій скрыть эти счастливыя слезы.

Digitized by Google

Въ Пафнутьѣ въ высшей степени была развита стыдливость сердца. Онъ не любилъ показывать ни горе, ни радость и много времени нужно было на то, чтобы заслужить его довѣріе. Я лѣтъ двѣнадцать знала Пафнутья и заслужила отъ него одобреніе, какъ добрая и дѣльная барышня; и не смотря на это, никогда не слыхала отъ него ни слова о прежнемъ житьѣ его въ деревнѣ, о семьѣ. Получитъ, бывало, Пафнутій письмо изъ деревни, принесетъ мнѣ прочитать, и пока я читаю, стоитъ уткнувши глаза въ окно или въ стѣну. Когда я кончу, онъ высморкается, поблагодаритъ за услугу и своимъ ровнымъ голосомъ скажетъ: „вотъ они какъ живутъ тамъ“,—все равно хорошія ли были вѣсти, или дурныя.

VIII.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ уѣхала Палагея, пришло письмо съ очень печальной вѣстью. Изба старшаго брата Пафнутья, у котораго жила Палагея съ дѣтьми, погорѣла. Палагея съ дѣтьми ночью выскочили въ однѣхъ рубашкахъ. Сгорѣла и скотина, и сѣно, и хлѣбъ, запасенный на зиму. Пожаръ случился поздней осенью. Всей семьѣ приходилось идти по міру. „Помоги, кормилецъ, писала Палагея, супругъ благовѣрный, не оставь меня въ

Digitized by Google

бѣдѣ съ дѣтушками. Намъ нужно по меньшей мѣрѣ рублевъ двѣсти, чтобъ избу поставить да скотинку купить и хлѣбушка на зиму. Сыночка нашего, Ваничку, я послѣ такой бѣды, скрѣпя сердце, въ городъ послала извозничать, боюсь забалуется тамъ грѣшнымъ дѣломъ. А теперь живу я съ малыли дѣтками въ лѣтней клѣти у кума Савастьяна; покамѣстъ ничего, коли соломой накроешься, а какъ придутъ морозы, такъ всѣ помремъ. Не оставь, родимый."

На этотъ разъ Пафнутій остался стоять, уткнувшись лицемъ въ стѣну долго еще послѣ того, какъ я окончила чтеніе письма.

— Похлопочемъ, Пафнутій, Илья Петровичъ поможетъ, сказала я.

— Сколько вы думаете денегъ моихъ скоплено теперь? спросилъ Пафнутій. Я восемнадцать лѣтъ на службѣ состою, а баринъ откладывать началъ всего восемь лѣтъ, много-ли это будетъ?

Переговоривъ съ бариномъ, Пафнутій узналъ, что за восемь лѣтъ у него скопилось всего на все пятьдесятъ рублей; и то потому что Илья Петровичъ своихъ прибавлялъ. До двухъ сотъ не хватало 150 рублей. Пафнутій задумался. Гдѣ же бѣдному деньщику добыть такую сумму денегъ. А помочь семьѣ было некому. Братья его женились и жили своими домами и сами нуждались. Отецъ его

Digitized by Google

и мать были дряхлы, и работниками были только старшій сынъ его Иванъ да жена его. Младшія дѣти помогали насколько силенки хватало. Не пошли онъ денегъ, семьѣ приходилось или умирать съ голода, или идти по міру. А чѣмъ помочь ему. Одно что можно сдѣлать—просить у барина.

— Я Ильѣ Петровичу въ шестнадцать лѣтъ службы ему не на двѣ и не на три сотни наработалъ, говорилъ мнѣ Пафнутій. Оно конечно работать я долженъ, исправлять, что приказано; да я по совѣсти скажу, какъ передъ Богомъ истиннымъ, такъ и передъ вами, больше дѣлалъ. Рукомеслу выучился и шить, и сапоги тачать. Шинельки дѣтямъ шилъ и сапожки, видѣлъ какъ трудно было Ильѣ Петровичу поднимать семью, да еще какъ супруга-то наровитъ все фарсить да модничать. А вѣдь, барышня, никто не могъ заставить меня рукомесламъ учиться для барина, этого и по закону-то отъ меня не требуется. Припомнитъ ли все Илья Петровичъ и выручитъ ли меня изъ бѣды?

— Я попрошу его, сказала я.

— Заставьте Богу молиться за себя, сказалъ Пафнутій обычнымъ выраженіемъ народа, когда онъ высказываетъ просьбу.—Мнѣ не приходится высчитывать ему, барину, что я на него наработалъ и сколько выгоды ему принесъ, а коли вы скажете—

Digitized by Google

оно лучше; то выдетъ будто я похваляюсь, или торгую своимъ радѣньемъ. А опять по совѣсти скажу, я заслужилъ, чтобы баринъ помогъ мнѣ.

Илья Петровичъ при первомъ словѣ, которое я ему замолвила, согласился, что помочь Пафнутью его долгъ. Полтораста рублей большія деньги для бѣднаго армейскаго офицера, и Илья Петровичъ разсчитывалъ занять ихъ по частямъ у товарищей и знакомыхъ и уплатить понемногу изъ жалованья въ нѣсколько лѣтъ. „Только," прибавилъ онъ нѣсколько сконфуженнымъ тономъ, „не проговоритесь женѣ".

Но развѣ что нибудь можетъ оставаться тайной въ маленькомъ городкѣ. Знакомые, у которыхъ Илья Петровичъ занималъ, у кого двадцать пять рублей, у кого пятьдесятъ, передали другъ другу о займѣ. Стали допытываться на что вдругъ могла понадобиться Ильѣ Петровичу, не терпѣвшему брать въ долгъ и цѣлковаго, такая крупная сумма, и когда узнали для какой цѣли, то удивленью и толкамъ не было конца. Х.... скому обществу такая простая вещь, что баринъ помогаетъ въ бѣдѣ слугѣ, который на своихъ плечахъ выносилъ его въ трудное время, показалось чудовищной диковинкой, и мозги Х....скихъ жителей положительно отказывались переварить этотъ фактъ. Если бы маіоръ занималъ

Digitized by Google

еще для какого нибудь четверо юроднаго брата кумы своей матери хоть бы на то, чтобы уплатить за него безпутные долги, или дать средство для новаго мотовства—это еще было бы понятно. Но барину занимать для слуги, признавать, что онъ былъ ему обязанъ—это было невидано, неслыхано, немыслимо! Да этого и быть не могло! Тутъ что-нибудь да не такъ, рѣшили Х...скіе жители. И если Илья Петровичъ дѣйствительно занимаетъ для деньщика—то недаромъ. Вѣрно ему нужно почему нибудь зажать ротъ деньщику, такъ объясняли это „не даромъ“ недоброжелатели моего зятя. Сердобольныя старушки объясняли, что это не спроста, что вѣрно Пафнутій далъ что-нибудь такое выпить барину и приколдовалъ его. Припомнили, что на Пафнутья „находило;“ припомнили и ловкость, и мастерство Пафнутья ко всѣмъ „рукомесламъ“,—и во всемъ этомъ видѣли доказательство, что Пафнутій человѣкъ „не простой“ и обошелъ барина. Простое человѣчное пониманіе простого человѣчнаго поступка было недоступно жителямъ Х...скаго городка.

Какъ скоро какое-нибудь необычайное событіе взволнуетъ маленькій городокъ, начинается бѣготня дамъ другъ къ другу, распиваніе кофе и нескончаемые толки съ самыми глубокими соображеніями, въ родѣ описанныхъ выше. Барыни Х.... сходились

Digitized by Google

вмѣстѣ, ахали, судили, рядили, спорили и наконецъ порѣшили, что нужно предупредить мою сестру, которая должно быть ничего не знаетъ. Такъ какъ этотъ послѣдній пунктъ не былъ такъ же ясно доказанъ барынямъ, какъ то, что помогать въ бѣдѣ вѣрному слугѣ можно только „не спроста“, то онѣ порѣшили немедленно отправиться къ сестрѣ за разъясненіемъ. При этомъ многія изъ барынь выказали поразительное великодушіе, забывъ, что дали слово никогда не переступать порога сестры, которая кроваво оскорбила ихъ повтореніями о томъ, что женщина, получившая образованіе, женщина съ высшими стремленіями не можетъ жить и толстѣть, какъ другія, въ такомъ заплесневѣломъ углу, какъ Х..., но задыхается и прозябаетъ. Этими словами сестра выставляла свою худобу, очень безобразившую и старившую ее, какъ признакъ высшей натуры, а полноту Х...скихъ барынь, какъ признакъ низменности ихъ натуры, способной процвѣтать въ плесени.

Всѣ эти кровавыя оскорбленія были забыты. Барыни Х.... прониклись всепрощеніемъ и миролюбіемъ и всѣмъ кагаломъ, какъ говорилъ Пафнутій, сдѣлали нашествіе на гостиную сестры. Послѣ нескончаемыхъ намековъ и тонкихъ, и грубыхъ и нескончаемыхъ жалобныхъ ужимокъ, сестрѣ было передано извѣстіе о займѣ для Пафнутья. Сестру пе-

Digitized by Google

редернуло; но она скоро совладала съ собой и объявила, что если мужъ ея дѣйствительно занимаетъ деньги, то она знаетъ, что это предлогъ, и что мужъ ея хочетъ сдѣлать ей къ имянинамъ сюрпризъ, подарить эти деньги на поѣздку въ Петербургъ, чтобъ стряхнуть съ себя плесень провинціи и освѣжиться

Барыни сдѣлали видъ, что повѣрили объясненію сестры, но тѣмъ не менѣе, восхищаясь нѣжностью ея мужа и поздравляя ее какъ счастливѣйшую женщину, дали ей понять, что не вѣрятъ ни одному слову ея объясненія. Послѣ этого добыть эти полтораста рублей на поѣздку въ Петербургъ стало для сестры вопросомъ жизни и смерти, а для Ильи Петровича вопросомъ домашняго спокойствія.

Не стану передавать рядъ тяжелыхъ сценъ, послѣдовавшихъ за нашествіемъ кагала барынь. Илья Петровичъ отказалъ наотрѣзъ. Тогда сестра выдвинула на поле сраженія тяжелое орудіе. Она сказала, что серьезно больна и что ей необходимъ совѣтъ петербургскихъ докторовъ, потому что Х...скіе коновалы уморятъ ее, хотя полковой докторъ хорошо зналъ свое дѣло и у сестры не было никакой особенной болѣзни. Худоба ея и старо-кислое выраженіе лица давали поводъ считать ее больной, но худоба происходила отъ привычки въ молодости и

Digitized by Google

первые годы замужества пить уксусъ, чтобы сохранить интересную блѣдность и воздушную легкость стана, которыя были въ то время въ модѣ, и отъ пріобрѣтенной впослѣдствіи привычки затягиваться крѣпкимъ табакомъ и просиживать далеко за половину ночи за картами. Кислое выраженіе лица отъ вѣчнаго недовольства жизнью, отъ скуки, праздности, которую она напрасно старалась развлечь однообразіемъ визитовъ, т. е. сплетень и картъ, которыя были неистощимымъ поводомъ къ скверному расположенію духа. Гдѣ было взяться свѣжести при такихъ условіяхъ?

Послѣ перваго залпа тяжелымъ орудіемъ, братъ сдался и отдалъ сестрѣ полтораста рублей. Она съ торжествомъ показала ихъ всему „кагалу“ барынь, какъ подарокъ къ имянинамъ отъ нѣжнаго супруга. Тѣ поздравили ее, дѣлая видъ, что вѣрятъ только изъ вѣжливости, но что знаютъ отлично, какъ были добыты деньги—что онѣ и знали дѣйствительно черезъ своихъ горничныхъ, которымъ кухарка сестры передала всѣ супружескія сцены.

Сестра однако не поѣхала въ Петербургъ. Она разсчитала, что гораздо пріятнѣе для нея съѣздить въ губернскій городъ подъ предлогомъ совѣта съ докторомъ и накупить тамъ нарядовъ себѣ и занавѣсы и портьеры въ гостиную и свою спальню, ко-

Digitized by Google

торую звала будуаромъ, сверхъ того привезла Андрюшѣ часы. Пафнутій получилъ свои скопленные пятьдесятъ рублей, къ которымъ зять прибавилъ еще десять. Илья Петровичъ передалъ Пафнутью деньги, не смѣя взглянуть ему въ лицо. Зять мой зналъ, что болѣзнь сестры была комедіей, но онъ любилъ спокойствіе. Шестьдесятъ рублей не спасли семью Пафнутья отъ нищенства. Жена его отложила пятьдесятъ рублей на постройку кое-какой избенки съ сарайчикомъ, на десять купили коровенку и прокормили ее и сами кормились, собирая Христа ради сухія корки хлѣба, охабки сѣнца, а въ праздникъ и грошики. За этими корками и грошиками они ходили за сотни верстъ въ трескучіе морозы и въ осенніе ливни и бури, одѣтые въ поданные Христа ради лохмотья. Пафнутью они писали всего разъ, увѣдомляя о полученіи денегъ и употребленіи ихъ.

IX.

Прошло нѣсколько времени, я стала замѣчать въ Пафнутьѣ какую-то тревогу. Онѣ по старому задумывался, но послѣ думы не вздрагивалъ, какъ человѣкъ внезапно пробужденный, но поднималъ понуренную голову и медленно встряхивалъ ею, будто

Digitized by Google

отмахиваясь отъ назойливой, тяжелой мысли. Потомъ онъ въ одно воскресенье настойчиво отправился къ обѣднѣ, то было рѣдкостью, Пафнутій вообще не былъ богомоленъ. Въ церкви онъ поставилъ свѣчу передъ образомъ Спасителя и долго молился: „спаси, Господи, меня окаяннаго, чтобъ лукавый не попуталъ“. Но и послѣ этой молитвы онъ продолжалъ задумываться и встряхивать головой.

Въ одинъ день, проводивъ зятя съ сестрой и дѣтьми въ гости къ сосѣднему помѣщику на нѣсколько дней, я, обрадовавшись отдыху и отъ хлопотъ хозяйства, которое отчасти лежало на мнѣ, и отъ уроковъ, которые утомительны, когда занимаютъ ежедневно часовъ шесть, хоть бы ихъ и давали роднымъ племянникамъ, отправилась въ гости къ одной швеѣ за-городомъ. Когда я вернулась вечеромъ домой, кухарка сказала мнѣ, что Пафнутій, убравъ комнату барина, одѣлся въ тулупъ и ушелъ и съ тѣхъ поръ не возвращался.

— Съ горя видно опять погулять захотѣлъ, заключила кухарка. Легко-ли ему: жена съ дѣтками по міру побирается.

Настала ночь; Пафнутій не являлся; прошелъ второй день—его все не было. Я уже думала подать объявленіе, чтобъ его искали, какъ на вторую ночь онъ явился и постучался у моей двери.

Digitized by Google

— Впустите, сказалъ онъ, и въ тонѣ его голоса было что то такое, что заставило меня, не медля, накинувъ туфли и халатъ, отворить ему дверь. Пафнутій стоялъ передо мной блѣдный; какъ мертвецъ; брови и усы его были покрыты инеемъ; на складкахъ тулупа лежалъ снѣгъ толстыми слоями и, оттаивая, стекалъ крупными каплями.

— Не бойтесь, сказалъ онъ, видя, что я невольно вздрогнула, потому что взглядъ его былъ страшенъ. Спасите меня, Христа ради, продолжалъ онъ, вытаскивая изъ за пазухи свертокъ чего-то въ синей сахарной бумагѣ, плотно перевязанный бичевкой. Вотъ положите эти деньги опять въ столъ барина, я взялъ ихъ.... тутъ всѣ триста рублей... я ни копѣйки не потратилъ. Пафнутій положилъ деньги на кровать и повернулся идти.

— Прощайте, проговорилъ онъ глухо, не поминайте лихомъ.

Я кинулась къ двери, заперла ее на ключь и спрятала ключь въ карманъ.

— Я не пущу тебя, Пафнутій, садись, успокойся. Послѣ поговоримъ. Онъ шатался. Я поскорѣе подвинула кресло, онъ упалъ въ него и на минуту закрылъ глаза въ изнеможеніи. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ всталъ и пошелъ къ двери. Я загородила дорогу.

Digitized by Google

— Пустите, проговорилъ онъ. Тошно мнѣ, не жилецъ я съ вами.

— Полно, Пафнутій, съ кѣмъ не случалось грѣха не того, такъ другаго. Успокойся, останься. Я тебя не пущу. И я стала у двери. Мы стояли нѣсколько минутъ другъ противъ друга; Пафнутій былъ страшно блѣденъ. Онъ задыхался. Была минута, когда онъ готовъ былъ смести меня съ дороги, какъ соломенку, и бѣжать вонъ изъ дома, гдѣ не дали ему помощи въ его неисходномъ горѣ, и гдѣ онъ за то самъ въ черную минуту сталъ воромъ. Я не сводила съ него глазъ, крѣпче прижимаясь къ двери.

— Жалѣете что-ли вора? спросилъ Пафнутій, горько усмѣхнувшись.

— Да, жалѣю, что хорошій человѣкъ себя губить хочетъ, отвѣчала я.

И снова мы оба замолчали.

— Да вы и баринъ простите, а у барыни я воромъ пойду на всю жизнь, проговорилъ Пафнутій. Отъ однихъ попрековъ ея—веревку на шею.

И онъ былъ правъ. Сестра по своему несчастному характеру непремѣнно бы стала попрекать его въ минуты досады,—она тогда не знала удержу, и сама не разъ потомъ жалѣла о словахъ, которыя вырывались у ней въ эти минуты; но позднее раскаяніе не могло вернуть злобнаго слова назадъ.

Digitized by Google

— Сестра ничего не узнаетъ никогда, даю мое слово. И зять не узнаетъ ничего. Я сейчасъ положу деньги. Гдѣ ключь?

— Онъ съ деньгами, отвѣчалъ Пафнутій, который вздохнулъ долгимъ громкимъ вздохомъ.

— Дай мнѣ слово, Пафнутій, что ты надъ собой ничего не сдѣлаешь, сказала я, схвативъ его за руку. Это умретъ здѣсь между нами. Слезы брызнули у меня изъ глазъ.—Что скажутъ дѣти, когда вернутся и спросятъ Пафнутья.

Пафнутій вырвалъ руку свою изъ моихъ и отвернулся къ стѣнѣ. Послышалось глухое рыданье. Сильное рабочее тѣло его дрожало. Прошло еще нѣсколько секундъ.

— Пафнутій, сказала я, положивъ руку ему на плечо, не убивайся. На твоемъ мѣстѣ я, можетъ, тоже бы сдѣлала.

Пафнутій вздрогнулъ и, круто обернувшись, глянулъ мнѣ прямо въ глаза, стараясь прочесть въ нихъ правду-ли я говорю, или только нарочно утѣшаю его.

— Обида твоя велика, продолжала я, и самъ Илья Петровичъ понимаетъ это. Я знаю, онъ ни слова не скажетъ.

Пафнутій колебался. Онъ снова уткнулся лицемъ въ стѣну, и снова наступило тяжелое молчаніе. Вдругъ онъ поднялъ голову.

Digitized by Google

— Будь по вашему, останусь, сказалъ онъ, махнувъ рукой. Только чтобъ, окромя васъ и Ильи Петровича, ни душа живая не знала.

— Даю тебѣ честное слово, сказала я.

— Ступай теперь раздѣнься, обогрѣйся. Ты еле стоишь на ногахъ. А я скажу, что ты гулялъ и пьянъ пришелъ и не прогнѣвайся, распеку нарочно.

Пафнутій шатаясь подошелъ къ дверямъ и сказалъ: вчера весь день не ѣлъ ничего и всю ночь шелъ назадъ бѣгомъ.

Я отворила дверь и громко проговорила:

— Ступай, проспись, а то Илья Петровичъ пріѣдетъ, пьянымъ увидитъ. Стыдно, право.

Пафнутій ушелъ въ свою коморку, держась за стѣну. Волненіе, поддерживавшее его, прошло. Зубы его стучали; онъ спотыкался на каждомъ шагу и трясся какъ въ лихорадкѣ.

Я велѣла оттереть его, укрыть и напоить теплымъ, и онъ вскорѣ заснулъ тревожнымъ сномъ, въ продолженіи котораго безпрестанно метался, стоналъ и дико вскрикивалъ.

Пока Пафнутій спалъ, я раздумала, что зять можетъ проговориться сестрѣ, и что самое лучшее положить деньги въ его письменный столъ такъ, чтобы онъ не замѣтилъ, что ихъ трогали. Но это оказалось не такъ легко. Мнѣ очень рѣдко прихо-

Digitized by Google

дилось ходить въ столъ зятя, и я не знала, гдѣ у него что лежало, и хотя онъ аккуратностью не отличался, но все-таки не могъ бы не замѣтить, если бы такая крупная сумма оказалась переложенной изъ одного ящика въ другой.

Я дождалась вечера, когда Пафнутій проснулся, и отдала ему деньги и ключь отъ стола, который всегда былъ на его рукахъ.

— Положи самъ, я не съумѣла.

Пафнутій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, увидѣвъ, что я не думаю идти за нимъ слѣдомъ.

— Какъ же это, я одинъ пойду, и ключь у меня?..

— Разумѣется. Ключь всегда былъ на твоихъ рукахъ.

— Спасибо вамъ, сказалъ Пафнутій, и радость засвѣтилась въ его глазахъ. Онъ положилъ деньги на мѣсто и, вернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Скажите вы барину. Не могу.

Я замѣтила, что лучше вовсе не говорить.

— Нѣтъ, твердо отвѣчалъ Пафнутій, пусть онъ знаетъ. Я буду жить на чистоту.

Къ вечеру, когда пріѣхалъ зять и вся семья, Пафнутій лежалъ въ горячечномъ бреду. Зять узналъ о томъ, что Пафнутій пропадалъ и страшно разсердившись, грозилъ, что примѣрно накажетъ его по

Digitized by Google

выздоровленіи. Когда досада его прошла, я разсказала ему обо всемъ.

— Сестра сдѣлала его воромъ и ваша слабость, сказала я.

Зять задумался. Идеи дисциплины засѣли въ немъ крѣпко. То было время неумолимой дисциплины. Онъ сидѣлъ нѣсколько времени, опершись головой на руки:

— Чортъ возьми, не знаешь, что дѣлать, сестра, проговорилъ онъ:—эдакій случай.

— Дѣлайте какъ будто ничего не было. Малѣйшій упрекъ, малѣйшее недовѣріе погубитъ Пафнутья. Меня не было, когда онъ деньги клалъ обратно, и ключь у него остался; да и самъ же онъ принесъ, никто его не вернулъ.

— Такъ-то, такъ, да служба.

— А Евангеліе? У кого двѣ рубашки, отдай неимущему. Онъ не двѣсти, не триста рублей выгоды вамъ принесъ; семья его ходитъ по міру, а деньги, обѣщанныя ему, пошли на вздоръ. Если все взвѣсить, то съ нимъ поступили едва-ли не безсовѣстнѣе, нежели онъ съ вами. Ну какими глазами взглянете вы на него, если отдадите его подъ судъ.

Зять былъ честный и добрый человѣкъ, но у него было свое самолюбіе и ему не хотѣлось показать, что онъ слушается совѣта женщины, что не мѣшало ему

Digitized by Google

ни мало во всемъ подчиняться сестрѣ; онъ поломался немного и сказалъ:

— Да, я привыкъ къ нему, и все останется по прежнему, и я ему за деньги ни слова не скажу и ключь отдамъ. Да, виноватъ я противъ него. Но за самовольную отлучку, какъ хотите, выпорю. Дисциплина требуетъ, и вы тутъ, женщины, ничего не смыслите. Я слушать ничего не стану.

Я не стала уговаривать зятя, потому что онъ еще болѣе заупрямился бы, и разсчитывала, что онъ самъ забудетъ во время болѣзни Пафнутья.

Пафнутья къ вечеру перевезли въ безпамятствѣ въ больницу. Онъ пролежалъ съ мѣсяцъ. Докторъ сказалъ мнѣ, что болѣзнь его—слѣдствіе сильнаго нравственнаго потрясенія, и что исходъ сомнителенъ. Я пересказала это сестрѣ, прибавивъ: портьеры твои оплатятся, можетъ быть, жизнью Пафнутья.

Она отвернулась, не сказавъ ни слова.

Дѣти услыхали и стали приставать, чтобы она продала портьеры и отдала Пафнутью деньги.

— Онъ боленъ отъ того, что жена и дѣти его ходятъ по міру, говорили они, и безпрестанно просились навѣстить Пафнутья.

Вести дѣтей въ больницу, въ которой былъ убійственно заразительный воздухъ отъ нечистоты и безпорядка, было бы неблагоразуміемъ. Сестра

Digitized by Google

отказала, впрочемъ, по другому поводу, показавшемуся ей болѣе уважительнымъ: благороднымъ дѣтямъ неприлично идти въ солдатскую больницу. Дѣти, чтобы показать Пафнутью, что они не забыли его, стали посылать ему всѣ свои гостинцы.

X.

Я пошла навѣстить Пафнутья. Докторъ, встрѣтившій меня на лѣстницѣ, сказалъ, что Пафнутій теперь приходитъ по временамъ въ себя, и тогда видно, что у него есть на душѣ что-то тяжелое, что мучаетъ его.

— Еслибы можно было устранить то, что гнететъ его умъ, то есть еще слабая надежда на спасеніе его. Переговорите съ нимъ.

Я вошла въ больничную палату. Едва я ступила на порогъ, меня ошибъ тяжелый зловонный воздухъ. По стѣнамъ низкой и темной комнаты выступали пятна сырости, тѣсными рядами стояли кровати, отвратительно грязныя лохмотья покрывали ихъ. На кроватяхъ лежали больные; иные съ открытыми глазами, тупо уставленными въ одну точку, другіе спали тяжелымъ сномъ, еле прикрытые узкимъ лоскутомъ сукна, который назывался одѣяломъ. Двое или трое хрипѣли и задыхались отъ кашля. Мнѣ

Digitized by Google

указали кровать Пафнутья. Она отличалась отъ другихъ чистотой. Зять прислалъ свое бѣлье Пафнутью и просилъ доктора ходить за нимъ.

Пафнутій лежалъ уткнувшись лицомъ въ стѣну. Когда фельдшеръ, провожавшій меня и очень грубо ругавшій прочихъ больныхъ, дотронулся до него съ изысканной вѣжливостью и проговорилъ:

— Пафнутій Егорычъ, господа пришли къ вамъ; Пафнутій вздрогнулъ и медленно повернулъ голову.

Фельдшеръ приподнялъ его, оправилъ подушки— настоящія подушки, а не плоскія, какъ блинъ и жесткія, какъ дерево изголовья другихъ больныхъ. Пафнутій взглянулъ на меня, слабая краска появилась на его щекахъ и исчезла. Онъ хотѣлъ говорить и захлебнулся.

Пафнутій страшно измѣнился. Онъ и всегда не былъ толстъ,—съ трудовой жизни не обростешь жиромъ; теперь это былъ скелетъ. Широкія кости его осунулись изъ-подъ ворота рубашки; на немъ была рубашка зятя, который былъ извѣстенъ въ полку своей толщиной. Широкій воротъ опустился и открывалъ костлявую грудь. Пузырь со льдомъ лежалъ на бритой головѣ. Глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ.

— Спасибо, что вспомнили, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ.

Digitized by Google

— Всѣ кланяются тебѣ, всѣ здоровы, поспѣшила я сказать, предупреждая вопросъ. —Дѣти скучаютъ и просятся къ тебѣ.

Пафнутій съ испуганнымъ видомъ замахалъ головой.

— Ихъ и не пустили.

Пафнутій пошевелилъ губами и затрясся.

Я угадала снова.

— А баринъ.

— Онъ хотѣлъ придти, онъ былъ у тебя, когда ты былъ въ безпамятствѣ. Онъ боится только что ты такъ тревожишься и тебѣ хуже будетъ, если ты увидишь его.

— Что? Простилъ?... снова пошевелилъ губами Пафнутій.

— Да, да, будь покоенъ. Онъ бы самъ пришелъ сказать, да боится, что ты очень потревожишься.

— Что онъ говорилъ? Сердитъ? что я ук.....

— Простилъ, будь покоенъ, повторила я.

Пафнутій такъ недовѣрчиво смотрѣлъ на меня и столько мучительной тревоги было въ его глазахъ, что я сочла за лучшее пересказать ему отъ слова до слова весь мой разговоръ съ зятемъ. Ухватясь обѣими руками за одѣяло, онъ жадно вслушивался въ каждое слово. Когда я передала ему, какъ зять простилъ покражу, но не хотѣлъ простить само-

Digitized by Google

вольную отлучку на два дня, потому что о ней знали въ полку, Пафнутій совершенно успокоился, и медленно лицо его просіяло.

— Такъ, такъ, кивалъ онъ головой: теперь вижу... Правда...

— Онъ и то простилъ, какъ узналъ, что ты занемогъ, будь покоенъ.

— Такъ, такъ... все хорошо... теперь я спокоенъ... я... и Пафнутій разрыдался какъ ребенокъ, не уткнувшись на этотъ разъ въ стѣну. То было рыданіе сильнаго разбитаго и печалью и болѣзнью человѣка и вмѣстѣ дѣтскій и радостный плачь.

Когда онъ успокоился, я начала ему разсказывать о томъ, что дѣлалось дома, сказала, что безъ него все идетъ не такъ. Онъ сталъ распрашивать о подробностяхъ, онъ оживился, окрѣпъ, голосъ его зазвучалъ тверже, глаза сверкали огнемъ горячки, и впалыя щеки покрылись коричневымъ румянцемъ. Я не имѣла никакого понятія объ уходѣ за подобными больными, и видя въ этомъ хорошій признакъ, начала подробно разсказывать о безпорядкѣ, который царствовалъ въ кладовой и кухнѣ и о разныхъ мелкихъ недосмотрахъ. или усчитываньяхъ кухарки, что Пафнутій преслѣдовалъ какъ преступленія. Пафнутій вышелъ изъ себя, началъ съ пѣной у рта призывать всевозможныя бѣдствія на голову кухар-

Digitized by Google

ки. Тутъ только замѣтила я, что онъ бредитъ и позвала фельдшера. Вмѣстѣ съ нимъ пришелъ докторъ, который сказалъ, что начинается кризисъ, отъ котораго нужно ждать окончательнаго исхода болѣзни. Кризисъ прошелъ благополучно. На другой день Пафнутій былъ внѣ опасности. Когда онъ нѣсколько укрѣпился, зять пришелъ навѣстить его.

— Ну, братъ, Пафнутій, выздоравливай скорѣе. Мои ребятишки по тебѣ плачутъ. Да безъ тебя какъ безъ рукъ.

— Батюшка, Илья Петровичъ, ваше высокоблагородіе.... баринъ, отецъ родной, шепталъ Пафнутій, плача какъ ребенокъ.

Зять сдѣлалъ движеніе протянуть руку Пафнутью, но тутъ стоялъ фельдшеръ его полка, лежали солдаты на больничныхъ койкахъ и человѣчное движеніе было подавлено; дисциплина въѣлась въ плоть и кровь зятя. Онъ прокашлялся и началъ усердно сморкаться.

— Ну полно, полно, что ты за баба, сказалъ онъ нѣсколько хриплымъ голосомъ. Поправляйся скорѣе, да бери опять весь домъ на руки. Просто чортъ знаетъ, что такое безъ тебя. Прощай. На службу нужно, и зять поспѣшилъ уйти.

Пафнутій проводилъ его взглядомъ, въ которомъ было столько безконечной, беззавѣтной и такъ мало заслуженной преданности.

Digitized by Google

Посѣщеніе зятя поставило на ноги Пафнутья. Онъ вскорѣ выписался и явился домой, блѣдный, исхудалый, съ бритой головой. Я дипломатически устроила такъ, что сестра уѣхала къ сосѣднимъ помѣщикамъ въ день возвращенія Пафнутья домой. Я сказала ей, что у нихъ получены новые модные журналы и нужны мнѣ, чтобъ сшить Машѣ платье. Я боялась, что волненіе Пафнутья при возвращеніи домой покажется ей подозрительнымъ, и она непремѣнно доберется до правды.

Пафнутій вошелъ въ кабинетъ зятя. Тамъ никого не было кромѣ меня.

— Здравствуй, братъ, опять по старому заживемъ, сказалъ весело зять. На тебѣ всѣ ключи.

Въ связкѣ ключей былъ и ключъ отъ письменнаго стола. Пафнутій взялъ ихъ и повалился въ ноги. Зять поднялъ его.

— Полно, братъ, все кончено.

— Батюшка, Илья Петровичъ, вашъ я на жизнь и смерть.

— Къ чему о смерти поминать. Поживемъ, братъ, всю жизнь вмѣстѣ, не разстанемся. Ну, а теперь, ступай-ка отлежаться, еле на ногахъ стоишь.

Пафнутій, оправившись совершенно, разсказалъ мнѣ какъ было дѣло.

— Какъ сказалъ баринъ, что обѣщанныхъ де-

Digitized by Google

негъ дать не можетъ, потому что барынѣ лечиться нужно, тошно стало мнѣ; вижу нѣтъ спасенія моимъ, шестьдесятъ рублевъ въ такой бѣдѣ не велика помощь, а барыниной болѣзни.... Пафнутій замялся. Ну! махнулъ онъ рукой. Только какъ пріѣхала барыня изъ губернскаго, да навезла всякой дряни, меня какъ обухомъ по головѣ. Думаю: окна и двери здѣсь сукномъ одѣты для парада, а жена моя съ ребятишками въ лохмотьяхъ побираются. Андрюшенька часами щеголяетъ, еще и человѣкомъ не сталъ, а у моихъ и корки хлѣба нѣтъ. А я обнадежилъ и своихъ на деньги, и самъ радъ былъ, что ихъ выручу изъ бѣды—и вдругъ вышло, что ровно надъ тобой насмѣялись. Правда, воля барина была обѣщать, да я не токмо-что эти деньги, я больше заслужилъ ему. Горько стало мнѣ... и пошли мысли.... Убираю столъ барина, а словно кто шепчетъ мнѣ на ухо, подъ руку толкаетъ, бери, свои заработанныя, возьмешь на нужду кровную, а тутъ прахомъ пойдутъ въ рукахъ барыни. Жутко мнѣ и страшно, и въ самомъ дѣлѣ рука сама собой тянется къ деньгамъ. Опомнишься, захлопнешь ящикъ и поскорѣе вонъ. Хотѣлъ было повиниться барину, и ключь отдать ему, чтобъ не смущалъ. Да въ тотъ день на рынкѣ встрѣтилъ новаго рекрутика, по бородавкѣ призналъ, что сынъ сосѣда, мальцемъ оставилъ.

Digitized by Google

Спрашиваю: изъ Егорьевскаго, землякъ. Такъ и было. Разсказалъ онъ мнѣ, что видѣлъ въ морозъ жену на погостѣ съ ребятишками и котомки на плечахъ. И старикъ мой слѣпой, ослѣпъ на морозѣ, тутъ же съ чашкой сидитъ и грошики ему бросаютъ. Вотъ до чего дожилъ на старости, когда спокой нуженъ. У меня въ глазахъ помутилось. Прихожу домой, а баринъ въ гости ѣдетъ на нѣсколько дѣнъ. Онъ уѣхалъ, а я себя не помня, кинулся въ столъ, взялъ сколько денегъ лежало, надѣлъ тулупъ и шапку и побѣжалъ. Сначала я ничего не думалъ, только бѣжалъ по дорогѣ въ нашу губернію. Потомъ пришло на мысль, какъ быть съ деньгами и порѣшилъ отдать семьѣ, а тамъ либо въ прорубь, либо странникомъ ходить, какъ вышла бы линія. А сколько несъ денегъ не зналъ. Такъ прошелъ я сутки. Отдыхалъ по избамъ. Добрые люди пущали. Только къ концу сутокъ хватился я пересчитать деньги. Смотрю конвертъ съ казенной печатью. Тутъ я вспомнилъ, что баринъ получилъ казенныя деньги и долженъ ихъ сдать. Пересчиталъ, триста рублевъ. У него никогда столько не бывало для домашняго обихода. Ну, думаю, какъ барину деньги сдавать по начальству нужно будетъ, а ихъ нѣтъ, вѣдь его въ сѣрую куртку одѣнутъ — одѣнутъ изъ-за меня, а кабы не онъ, такъ лежалъ бы я теперь разорванный на куски

Digitized by Google

гранатой. Какъ я это вспомнилъ, такъ я вскочилъ и пустился бѣжать назадъ; откуда снова сила взялась. Не ѣлъ, не пилъ, все бѣжалъ. Сяду передохнуть, какъ ноги подогнутся, а тамъ опять бѣгу. Спасся отъ грѣха. Спасибо, что простили. Отецъ родной не баринъ, въ жизнь не разстанусь. Умру здѣсь.

XI.

Годы шли. Зять оставилъ полкъ и получилъ мѣсто коменданта въ большой крѣпости. Онъ сталъ однимъ изъ первыхъ лицъ города. Сестра блаженствовала и хлопотала изо всѣхъ силъ, чтобы поставить свой домъ на большую ногу. Семья ея увеличивалась годъ отъ году и ко времени переѣзда у ней было восемь человѣкъ дѣтей. При такой семьѣ, разумѣется, не совсѣмъ было удобно ставить домъ на большую ногу. Пришлось жертвовать или первыми необходимостями жизни, или „большой ногой“. Сестра предпочла жертвовать первыми. На вечерахъ у ней было, что называется, разливное море, и они окупались тѣмъ, что семья питалась вываренным мясомъ и кашей, когда не было гостей. У дѣтей были шелковыя платья и бархатные поддевки и кафтаны на дырявомъ бѣльѣ, которое

Digitized by Google

невозможно было уже штопать. Сестра часто связывала себѣ и дочерямъ лохматыя рубашки подъ мышкой, чтобы рубашка держалась на плечахъ. Зять старѣлся и болѣе чѣмъ когда либо дорожилъ спокойствіемъ. Сестра была полной царицей въ домѣ, хотя она употребляла свою власть во зло. Я пыталась нѣсколько разъ убѣдить ее, но напрасно, и наконецъ махнула рукой. Одинъ Пафнутій упорно возставалъ противъ ея безразсуднаго владычества.

— Чего ругаетесь, что дѣти какъ голодные кидаются на все въ гостяхъ и дома, когда гости, говорилъ онъ про четырехъ младшихъ дѣтей, которыя росли совершенно маленькими дикарями, потому что къ нимъ приставили изъ экономіи какую-то дешевую нѣмку, которая умѣла только съ утра до вечера распивать кофеи, не зная даже, гдѣ пропадаютъ дѣти.

— Держать на одной кашѣ, немудрено, что имъ сладкій кусокъ въ диковинку. А дѣти виноваты. Ну, полно, не ревите, ребята, пойдемъ въ садъ, дудочку сдѣлаю, и онъ уводилъ расплаканныхъ дѣтей отъ разсерженной матери.

— А вы впередъ не лѣзьте хватать съ руками, развѣ это гоже, усовѣщевалъ онъ дѣтей, ну то-то же, впередъ не будете—на словахъ, а увидите гостинцы и забудете.

Digitized by Google

— У Лизаньки ножки въ пузыряхъ, чулочки всѣ въ дырьяхъ и комкахъ отъ штопокъ, докладывалъ онъ сестрѣ:--у Сережи рубашки драныя, хуже чѣмъ у нищаго, немудрено, что грудку ознобилъ и кашляетъ.

— На нихъ не напасешься, сердито отвѣчала сестра. Зачѣмъ такъ рвутъ. Пусть рваное и носятъ.

— Не два вѣка носить, ворчалъ Пафнутій. Дѣти носятъ какъ обноковенно носятъ дѣти. Не сидѣть же имъ приклеенными на мѣстѣ—дитя извѣстно побѣгать любитъ. Да у другихъ родителевъ и бѣднѣе васъ всегда есть все про дѣтей, только у насъ нѣтъ. И по срамъ въ городѣ говорятъ, что комендантская барыня мужа и дѣтей рада съ голода уморить и нагишомъ пустить ходить, лишь бы расфуфыриться самой, да балы задавать.

— Молчать, дерзкій мужикъ! вскричала сестра.

— Ну чтожъ, я знаю, что я мужикомъ былъ, это не срамъ какой, а вотъ срамъ, какъ люди то это говорятъ.

— Вонъ, вонъ съ глазъ моихъ, дерзкій мужикъ, кричала снова сестра. Я скажу Ильѣ Петровичу, онъ тебя выгонитъ. И потокъ брани и угрозъ лился съ ея устъ. Пафнутій невозмутимо слушалъ и брань и угрозы, глядя на подпрыгивавшую отъ злобы сестру, и потомъ флегматически говорилъ уходя:

Digitized by Google

— И не выгонитъ. Знаетъ сама, что безъ меня обдерутъ ихъ какъ липку. Безъ меня баловъ бы не задавали такихъ.

Сестра, изливъ гнѣвъ, успокоивалась и не думала прогонять Пафнутья. Она знала ему цѣну. Безъ него пришлось бы навѣрно сшить нѣсколько нарядовъ менѣе.

Скрѣпя сердце, она отпустила Пафнутья въ деревню на свиданіе съ женой и дѣтьми. Побывка продолжалась полгода, въ которые, какъ она жаловалась, ее раззорили дѣти на сапоги и одежду. Пафнутій былъ и портнымъ и сапожникомъ младшихъ дѣтей.

Въ деревнѣ Пафнутій женилъ сына, схоронилъ мать и порадовался на двухъ младшихъ сына и дочь. Онъ вернулся съ гостинцами для всей семьи барина шитыми ручниками и лепешками. По возвращеніи своемъ онъ въ первый разъ началъ считать года службы и высчитывать сколько еще оставалось дослуживать до двадцати пяти лѣтъ. Оказывалось пять лѣтъ и десять мѣсяцевъ.

— Чтожъ ты, братъ, со мной вѣкъ доживать не хочешь больше? спрашивалъ Илья Петровичъ.

— Вы одинъ, батюшка, а тамъ много. отвѣчалъ Пафнутій, да и свой уголъ будетъ.

Прошло еще два года. Пафнутій не получалъ

Digitized by Google

ни строчки отъ своихъ. Онъ ни словомъ не выказывалъ своей тревоги и тѣмъ заставлялъ сестру мою нѣсколько разъ повторять: Ему все равно, хоть бы тамъ всѣ перемерли. Какія вы хотите чувства у этихъ людей?

Я предложила ему написать приходскому священнику, и мы получили печальный отвѣтъ. Въ послѣднюю холеру умерли жена и старшій сынъ Пафнутья. Отецъ его померъ вскорѣ послѣ его возвращенія къ барину. Братъ Пафнутья захватилъ послѣ отца избу и весь скотъ и не хотѣлъ ничего выдѣлить на долю внука Пафнутья, такъ что невѣстка его въ одномъ сарафанѣ ушла съ ребенкомъ жить въ свою семью. Дочь Пафнутья вышла замужъ недавно въ дальнюю деревню другаго уѣзда и о ней ничего не знали. Бралъ ее женихъ въ одномъ сарафанѣ за красоту, братъ Пафнутья не хотѣлъ справить ей даже шубы. Второй сынъ Пафнутья не вынесъ обидъ и побоевъ дяди и пропалъ безъ вѣсти. Я пробѣжала сперва письмо глазами, чтобы не вдругъ обрушить на Пафнутья извѣстіе о столькихъ несчастіяхъ.

— Читайте все, сказалъ онъ рѣзкимъ отрывистымъ тономъ человѣка, который скрѣпился, чтобы вынести мучительную боль.

Пафнутій отвернулся лицомъ къ стѣнѣ, когда я

Digitized by Google

читала ему скорбныя вѣсти повторяя: еще кто померъ.

— Раззорили гнѣздо, какъ нѣтъ отца, проговорилъ онъ и ушелъ въ свою каморку.

Я послала къ нему Машу и Васю, его любимцевъ. Илья Петровичъ пошелъ за ними. Пафнутій сидѣлъ на корточкахъ въ углу, опустивъ голову на руки. Ни одинъ мускулъ лица его не шевелился; на немъ застыло потерянное, почти безсмысленное выраженіе человѣка, пришибленнаго нежданнымъ горемъ.

— Пафнутій, сказали тихо дѣти, обнявъ его и заплакавъ надъ нимъ.

— Не видалъ я и не увижу ихъ, проговорилъ Пафнутій. Э-эхма! и двѣ крупныя слезы скатились по его щекамъ. Сирота я, какъ есть сирота!

Илья Петровичъ стоялъ, глядя на Пафнутья, въ глазахъ его дрожали слезы и ни одного слова не шло съ языка. Да и развѣ словомъ можно помочь такому горю? Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Пафнутій, не плачь, мы будемъ тебя любить, шептали дѣти.

— Слышишь, Пафнутій, сказалъ Илья Петровичъ, положивъ руку ему на плечо. Ты имъ... ты намъ родной, поправился онъ. Ты не сирота.

— Да, теперь я весь вашъ, сказалъ Пафнутій.

Digitized by Google

У васъ жилъ, у васъ и умру. Съ этой минуты Пафнутій ни словомъ не помянулъ родную сторонку, надежда вернуться туда была схоронена въ дорогихъ могилахъ. Въ первое же воскресенье онъ отслужилъ панихиду и пришелъ домой спокойнѣе. Этимъ послѣднимъ обрядомъ заканчивалось дорогое прошлое, у Пафнутья остались одни дѣти барина.

XII.

Маша выросла славной дѣвушкой. Пафнутій гордился ею и не иначе говорилъ какъ: моя барышня.

— Другія и краше ея, а все ей въ подметки не годятся, высказывалъ онъ мнѣ свое мнѣніе, когда выстоялъ весь вечеръ въ дверяхъ залы, слѣдя глазами за своей любимицей. Посмотрите, какъ ломаются, словно облизьяны, и рады другъ другу глаза выцарапать, или въ глаза-то разсыпаются, а за глаза съ грязью смѣшиваютъ. А она—чистая душа. И опять, посмотрите, другія гогочутъ, какъ шальныя, зубы скалятъ, какъ кобыла на овесъ, а она себя держитъ такъ сановито, засмѣется—извѣстно дѣло молодое—такъ это молодость смѣется въ ней, а не дурость; смѣется, словно колокольчикъ звенитъ. Говоритъ ли начнетъ она, въ рѣчахъ смыслъ есть, не то что другія словно мельницы трещатъ.

Digitized by Google

А характеромъ такъ ужъ на рѣдкость. Утѣшить, доброе слово сказать—ея дѣло. Душа барышня.

И улучивъ минутку, когда Маша подходила къ дверямъ, онъ тянулъ ее за платье и говорилъ: „не скачи такъ много, простудишься, опять больна будешь“.

— Ничего, отвѣчала Маша, смѣясь, и подруги ея удивлялись, какъ она могла позволить лакею такъ забываться передъ собой.

— Онъ меня на рукахъ носилъ, онъ няньчилъ меня, говорила Маша.

— Чтожъ такое, его дѣло служить, но это не должно давать ему права забываться.

— Ха, ха, ха, подхватывали другія. Marie выняньчилъ деньщикъ! c'est ravissant!—и съ хохотомъ повторяли это всѣмъ на балѣ.

Сестра, до которой это доходило, распекла Машу; сестра только что разсказала нескончаемыя исторіи о нянькахъ швейцаркахъ, которыхъ она выписывала для дѣтей.

— Да развѣ я сказала неправду, мама, возражала Маша. Вѣдь это было, и чтожъ дурнаго сказать?

— Вотъ наказалъ меня Господь дурой! воскликала сестра. Ты не понимаешь, что ты дѣлаешь и отца и меня посмѣшищемъ города.

— Чтожъ тутъ смѣшнаго, что мы были небогаты и не на что было нанимать нянекъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ! Она просто идіотка! всплескивала руками сестра. Или ты нарочно притворяешься. Неужели ты не понимаешь, что ты этимъ роняешь отца.

— Чѣмъ же, мама? Это доказываетъ только, что отецъ былъ честный человѣкъ и не обкрадывалъ солдатъ.

— Гдѣ ты набралась этихъ фантазій, скажи пожалуйста, да развѣ идетъ дѣвицѣ разсуждать объ этихъ вещахъ.

— Отчего же! я думаю, что дочери пріятно знать, что отца ея благословляли, а не проклинали, какъ другихъ.

— Еще не вздумай сказать это въ гостиной.

— Отчего же, мама?

— Скажутъ, что оригинальничаешь. Тебя осмѣютъ. И кто это могъ вбить ей въ голову этотъ вздоръ.

Сестра не подозрѣвала, что вбилъ въ голову дочери ея „этотъ вздоръ“ Пафнутій. Когда дѣти, бывало, увидѣвъ у дѣтей полковаго командира дорогія игрушки, приставали къ зятю купить имъ такія же и зять отказывалъ, а дѣти дулись на отца и говорили, что отецъ не любитъ ихъ, Пафнутій вступался за своего барина и увѣрялъ дѣтей, что отецъ любитъ ихъ, но купить ему не на что, по-

Digitized by Google

тому что онъ не то, что другіе, крохи солдатской не отниметъ, за то всѣ солдаты зовутъ его отецъ родной, а другихъ проклинаютъ; въ заключеніе Пафнутій спрашивалъ дѣтей, неужели бы они хотѣли, чтобы для ихъ игрушекъ голодали бѣдные солдатики съ женами и дѣтьми. И дѣти забывали красивыя и дорогія игрушки, которыя такъ соблазняли ихъ. Всего глубже запали слова Пафнутья въ сердце Маши. За то и была же она любимицей Пафнутья.

— Слушай, красавица моя, говорилъ Пафнутій, какъ ты замужъ выйдешь, возьми меня къ себѣ. Я еще гожусь работать, у тебя хочу вѣкъ свѣковать.

Пафнутій пересталъ уже думать о томъ, что свѣкуетъ вѣкъ у барина, и на это было много причинъ: придирки сестры, потомъ дерзкія насмѣшки Андрюши.

Андрюша, теперь уже офицеръ, стоялъ съ полкомъ въ томъ же городѣ, гдѣ отецъ его былъ комендантомъ. Андрюша сдержалъ свое обѣщаніе и изъ франтившаго кадета сдѣлался хлыщемъ офицеромъ; онъ надѣялся быть гвардейцемъ, но надежды его не исполнились по его собственной винѣ столько же, сколько по винѣ сестры. Она настояла, чтобы сына перевели въ корпусъ, гдѣ были дѣти богатыхъ родителей. Андрюша, чтобы тянутся за ними, долженъ; онъ послалъ съ однимъ знакомымъ пись-

Digitized by Google

мо къ родителямъ съ просьбой объ уплатѣ; знакомый былъ золъ на зятя за то, что тотъ открылъ его плутни по службѣ, онъ не передалъ письма по назначенію. Должники явились съ жалобой къ корпусному начальнику, и Андрюша былъ выпущенъ въ армію. Эта неудача заставила его еще болѣе при всякомъ случаѣ выказывать свою великосвѣтскость.

— Да обрѣйся же, приставалъ онъ къ Пафнутью, цѣлый лѣсъ на лицѣ. Просто срамъ, когда гости. И какъ ты служишь? Кому сунешь кое-какъ, кого угощаешь и упрашиваешь брать разъ по десяти. Твое дѣло обнести и подать, что велятъ.

У Пафнутья, какъ было уже сказано выше, были любимые и нелюбимые гости—люди расположенные къ барину и люди нерасположенные къ нему, и онъ показывалъ это, ни мало не стѣсняясь.

— Послушай, старый дуракъ, если ты еще разъ осмѣлишься вмѣшиваться въ мои разговоры съ товарищами, я тебя вздую, говорилъ Андрюша.

— Руки коротки, отвѣчалъ Пафнутій; а судачить и на смѣшки поднимать честныхъ людей за то, что не форсисты да не модны, не слѣдъ, и я завсегда буду вамъ говорить правду.

Андрюша положительно возненавидѣлъ Пафнутья за эту правду и не иначе звалъ его какъ: лохматое чучело.

Digitized by Google

— Лохматое чучело, подай чай въ мою комнату, кричалъ онъ Пафнутью, пригласивъ къ себѣ товарищей.

Пафнутій не двигался.

— Слышишь, что я говорю.

— Вы говорите лохматому чучелу, пусть онъ и подаетъ, отвѣчалъ Пафнутій, проходя мимо съ подносомъ.

— Отецъ непозволительно избаловалъ этого старика, говорилъ Андрюша товарищамъ.

— Но всему есть мѣра, отвѣчали тѣ, какъ ты это терпишь.

— Я проучу его, говорилъ Андрюша, крутя пушокъ на губѣ вмѣсто уса.

Но проучить онъ не рѣшался. Заносчивый мальчишка ощущалъ необычайную неловкость, когда Пафнутій поднималъ на него свой упорный взглядъ, которымъ говорилъ: смѣй меня тронуть. И поднятая рука Андрюши опускалась невольно. Онъ зналъ, что Пафнутій не снесетъ оскорбленія, и какъ всѣ мелкія душонки, племянникъ мой боялся не дурнаго дѣла, но скандала.

Горько было старому Пафнутью выносить эти обиды. Барину онъ не говорилъ ничего. Илья Петровичъ чѣмъ болѣе старѣлся, тѣмъ болѣе становился безхарактернымъ. Маша вступалась за Пафнутья, усовѣщевала брата, твердила о преданности Паф-

Digitized by Google

нутья; Андрюша назвалъ ее за то сентиментальной провинціалкой и объявилъ, что съ ней стыдно быть въ порядочномъ обществѣ за ея дикія идеи, на что Маша отвѣтила ему, что его порядочное общество вѣрно состоитъ изъ обезьянъ, а не изъ людей, если видѣть въ Андрюшѣ образчикъ этого общества. Андрюша шелъ насказывать матери на сестру и совѣтывать изъ сентиментальной провинціалки, которая готова броситься на шею Пафнутью при всѣхъ, сдѣлать дѣвицу хорошаго тона. Маша уходила въ мой уголокъ всплакнуть о томъ, что братъ ея такой пустой, безсердечный франтъ. Сестра приходила и доводила ее до горькихъ слезъ упреками за неприличную фамильярность съ деньщикомъ.

— Полно, Машенька говорилъ Пафнутій, гладя ее по головѣ. Не напасешься слезъ про всякую обиду. Да и ты, голубушка, напрасно вступаешься за меня. Я старикъ, не сгрызутъ меня, въ обиду самъ не дамся; а ты такая нѣжная, всякое слово тебѣ до сердца доходитъ.

Пафнутій напрасно храбрился, и до его сердца доходили эти обиды и залегали глубоко.

— Обидно, говорилъ онъ мнѣ, въ минуту откровенности:—что ты, вотъ, всю жизнь всѣмъ сердцемъ къ нимъ, а они надъ тобой издѣваются и ломаются, словно ты не человѣкъ, и дѣла имъ нѣтъ,

Digitized by Google

что сердце у тебя по нихъ болитъ, что ты берегъ ихъ, ночей не досыпалъ для нихъ, мозоли на рукахъ нажилъ. Всѣ косточки отъ работы ноютъ, а имъ все равно, словно ты на то и созданъ, чтобъ на нихъ работать, какъ лошадь ломовая. Мнѣ не корысть нужна, продолжалъ Пафнутій, я ни синь пороха, вотъ, отъ нихъ не покорыствовался, да такое радѣнье, какъ мое, деньгами и не купить. Мнѣ нужно, чтобъ я для нихъ былъ человѣкомъ не чужимъ. Вѣдь я душой по нихъ болѣлъ. Отчего же Маша одна понимаетъ, да Вася, ну тотъ малъ еще, что послѣ будетъ. И Андрюшенька тоже хорошъ былъ, какъ рабенкомъ былъ. Только Маша одна и выходитъ, а для другихъ я потѣха на старости лѣтъ, или обтирка для ногъ; право, больше уваженія не получаю.

XIII.

Пафнутій не выгораживалъ изъ жалобъ и своего барина, и онъ имѣлъ на то основаніе. Илья Петровичъ старѣлся, а старѣясь, люди, не привыкшіе съ молода къ умственнымъ занятіямъ, глупѣютъ. Занятія служебныя отнимали у него немного времени остальное нужно было убить. Газеты, которыя онъ прежде почитывалъ, стали надоѣдать ему. Въ нихъ

Digitized by Google

начали говорить о разныхъ вещахъ слишкомъ мудреныхъ для него: о преимуществахъ вольнонаемнаго труда передъ крѣпостнымъ, о вредѣ, который принесло Россіи крѣпостное право, о вліяніи, предстоявшаго освобожденія крестьянъ на всѣ отрасли жизни государства. Онъ дремалъ надъ газетой, пока она не выпадала изъ рукъ. Тогда онъ вздрагивалъ и говорилъ:

— Чортъ знаетъ, какъ нынче пишутъ мудрено, ничего не поймешь! и въ просонкахъ ограничился чтеніемъ однихъ приказовъ по военному вѣдомству, нетерпѣливо ожидая вечера, когда къ нему приходили двое сослуживцевъ для партіи въ табельку.

Пока не составлялась партія, нужно было убить время, и Илья Петровичъ и оба сослуживца убивали его разсказами о разныхъ анекдотахъ, болѣе или менѣе забавныхъ, изъ своей служебной жизни. Илья Петровичъ вздумалъ разсказать, какъ Пафнутій въ первую недѣлю женитьбы его изжарилъ гренки на свиномъ жирѣ, который сестра приготовила для помады, и который былъ уже смѣшанъ съ духами.

— Почемъ я знаю, отвѣчалъ Пафнутій, когда гренки, раздушенные резедой и жасминомъ, были отправлены назадъ на кухню.—Сказала: возьми сало изъ горшка. А что пахло хорошо, я думалъ молодая хозяйка для скуса положила,—и самъ съѣлъ усердно гренки.

Digitized by Google

Этотъ анекдотъ каждый вечеръ заставлялъ хохотать до слезъ, до колотья брата и товарищей его. Слѣдующіе два анекдота возбуждали не меньшее веселье. Пафнутій въ первый годъ пріѣзда Ильи Петровича въ полкъ ходилъ за нимъ, какъ нянька, когда тотъ заболѣлъ какимъ то серьезнымъ разстройствомъ и неумолимо не давалъ ему ѣсть вслѣдствіе строгаго запрещенія доктора. Наконецъ докторъ разрѣшилъ ему дать больному ѣсть только когда явится сильный аппетитъ. Пафнутій, не смотря на то, что больной чуть не со слезами умолялъ дать ему ѣсть, отвѣчалъ непреклонно, что никто не приходилъ отъ доктора.

— Хоть бы слабый пититъ пришелъ, я ужъ далъ бы, говорилъ онъ, чуть не плача:—легко ли видѣть какъ вы мучаетесь, да коли ни душа живая не приходила.

Третій анекдотъ возбуждалъ самые громкіе и продолжительные взрывы хохота. Пафнутій, поступивъ въ деньщики къ Ивану Петровичу, заправилъ себѣ кашу огаркомъ сальной свѣчи, вмѣсто масла, которое баринъ забылъ приказать купить. Пафнутій былъ уроженецъ одной изъ самыхъ голодныхъ губерній Россіи, гдѣ крестьяне зачастую питались мохомъ и корой, и жечь сало на свѣчи казалось ему неслыханной роскошью.

Digitized by Google

— У насъ бы все какъ есть съѣли, да облизались еще, отвѣчалъ онъ. Сало чистое, хорошее.

Пафнутій сначала добродушно вынесъ шутки и смѣхъ; но когда они стали повторяться ежедневно, онъ началъ обижаться.

— Что это я имъ на старости лѣтъ вмѣсто потѣшника дался. Скоморохомъ я не бывалъ и съ молоду, а теперь и подавно не приходится. Его простому уму непонятно было, какъ могутъ люди находить смѣшнымъ, что человѣкъ не понимаетъ слово „петитъ“, коли его никто не училъ, и не видавъ никогда помады, изжарилъ на ней гренки. Съ этимъ онъ еще бы помирился. Но когда люди находили смѣшнымъ то, что другіе, такіе же люди, съ голодухи готовы ѣсть хоть сало свѣчное, честное сердце Пафнутья возмущалось, и онъ говорилъ хохотавшему барину съ товарищами:

— Надъ чѣмъ смѣетесь? Надъ нуждой горькой смѣетесь! и косматыя брови его нависали, и усы и бакенбарды шевелились отъ волненія и щетинились. Это казалось до нельзя забавнымъ барину и товарищамъ его и смѣхъ удвоивался. Пафнутій уходилъ въ свою каморку и тамъ его преслѣдовалъ этотъ смѣхъ, раскатистый, самодовольный смѣхъ сытыхъ людей, ищущихъ потѣхи и не вѣдающихъ, что творятъ.

Digitized by Google

Разумѣется Андрюша подхватилъ анекдоты папаши и не давалъ прохода Пафнутью, котораго онъ терпѣть не могъ за то, что Пафнутій слѣдилъ за нимъ, какъ нянька, докладывалъ Ильѣ Петровичу, что Андрюшенька форсятъ больно и у жидовъ вещи закладываютъ, а папенькѣ говорятъ, что вещи въ городѣ, или лагерѣ были украдены, обмѣниваютъ хорошую лошадь на дурную изъ за денегъ на придачу, и когда дурная пала, у папеньки новую лошадь выпрашиваютъ, что Андрюшенька ведутъ большую игру.

Товарищи Андрюши подхватывали эти анекдоты, чтобы злить противнаго стараго аргуса. Деньщикъ Андрюши, который наживался исправно отъ его мотовства и терпѣть не могъ Пафнутья за то, что тотъ неумолимо выводилъ на свѣжую воду всѣ продѣлки его, въ свою очередь донималъ Пафнутья насмѣшками, увѣренный въ безнаказанности.

— Куда намъ, Пафнутій Егорычь, отвѣчалъ онъ на поученія Пафнутья. Мы до такой хитрости не дошли, чтобы на помадѣ гренки жарить, или сальныя свѣчи ѣсть. Поучите насъ, сдѣлайте ваше одолженіе.

Потерпѣлъ Пафнутій съ годокъ и началъ просить меня сосчитать сколько ему осталось времени служить.

Digitized by Google

— Уйду въ деревню на покой. Отъ сына старшаго внукъ остался, ростетъ, посмотрю; посмотрю и какъ дочь живетъ. Такъ еще два года говорите. Потомъ Пафнутій говорилъ: такъ еще года полтора, такъ еще годъ.

Илья Петровичъ услыхалъ и обидѣлся.

— Какъ же ты, братъ, хотѣлъ вѣкъ свѣковать у меня? Или тебѣ не хорошо? спрашивалъ онъ съ удивленіемъ.

Илья Петровичъ чѣмъ старѣе становился, тѣмъ болѣе отличался способностью не видѣть ничего у себя подъ носомъ.

Пафнутій упорно молчалъ на этотъ вопросъ и только повторялъ:

— Хочу умереть на родимой сторонкѣ.

— Ну, Богъ съ тобой, какъ знаешь, повторялъ съ досадой зять.

— Что? вышло какъ я говорила! восклицала торжествующая сестра. А вы вѣрили, что онъ съ вами ни за что не разстанется. Вотъ вамъ привязанность этихъ людей.

Пафнутій слышалъ и горько улыбался, качая головой.

— Привязанность! не я ли всю жизнь былъ передъ ними всѣмъ сердцемъ, какъ передъ Богомъ свѣча. А какъ отплатили? На старости лѣтъ замѣсто

Digitized by Google

скомороха сталъ. Да и опять, вы поймите это, не приходится мнѣ на побѣгушкахъ у мальчика быть, котораго по рукахъ носилъ, хошь онъ и баринъ; да и на старость свой уголъ нуженъ; да и хочу, чтобъ кости мои положили съ отцомъ и женой на нашемъ погостѣ.

XIV.

Наконецъ насталъ день, когда Пафнутью минуло ровно двадцать пять лѣтъ службы. Илья Петровичъ выправилъ ему всѣ нужныя бумаги. Оставалось назначить день отъѣзда.

— Это какъ ты хочешь, Пафнутій, сказалъ Илья Петровичъ. По мнѣ живи весь вѣкъ у меня.

Пафнутій долго не рѣшался назначить день. Тяжелое раздумье взяло бѣднаго старика. Къ кому онъ пріѣдетъ въ деревнѣ. Онъ всего разъ побывалъ въ ней въ двадцать пять лѣтъ службы. Къ кому идти? все чужіе. Внукъ еще парнишка безъ смысла и дѣда еле помнитъ. Братъ обидѣлъ невѣстку его и та съ сыномъ ушла жить къ своимъ. Дочь замужемъ въ чужой семьѣ. Не слѣдъ идти Пафнутью на чужіе хлѣба. А здѣсь Илья Петровичъ и Маша, а Васю хоть отвезли въ корпусъ, да все по праздникамъ видѣться будетъ.

Digitized by Google

— Эхъ кабы не обиды горькія на старости лѣтъ, не́ разстался бы я съ ними, думалъ Пафнутій.

Цѣлые полгода прожилъ старикъ, не рѣшаясь ѣхать, назначая разъ десять день своего отъѣзда, и откладывая его подъ разными предлогами. Наконецъ, ему самому тяжело стало это томительное состояніе и онъ порѣшилъ: ѣду въ Миколу зимняго, чтобъ къ рождеству быть на своей сторонкѣ.

Илья Петровичъ далъ Пафнутью на дорогу двѣсти рублей, скопленные имъ для вѣрнаго слуги. Деньги зашили въ мѣшочекъ вмѣстѣ съ бумагами Пафнутья. Настало прощанье.

— Дай Богъ вамъ нажить такого вѣрнаго слугу, сказалъ Пафнутій сестрѣ въ отвѣтъ на желаніе счастливаго пути.

Зять со мной и съ Машей поѣхали провожать его до первой станціи.

— Батюшка, Илья Петровичъ, рыдалъ старикъ, пишите, какъ вы жить будете безъ меня. Пишите все, дай Богъ вамъ счастья. Дай тебѣ Богъ счастья, родная, красавица, повторялъ старикъ Машѣ, не забывай старика; онъ душу за тебя положить радъ.

— Остался бы, Пафнутій, говорилъ растроганный Илья Петровичъ.

— Не приходится, отвѣчалъ Пафнутій.

На станціи Пафнутью сказали, что земляки, съ

Digitized by Google

которыми онъ хотѣлъ ѣхать, отправятся еще черезъ два часа. Маша упрашивала отца подождать, но Илья Петровичъ не любилъ печальныхъ сценъ и отказалъ подъ предлогомъ, что сестра будетъ безпокоиться.

Мы простились съ Пафнутьемъ, но не успѣла повозка наша отъѣхать десять шаговъ, какъ раздался такой отчаянный вопль: стой! что лошади сами собой остановились. Пафнутій въ догонку бѣжалъ за нами.

— Еще разъ дайте взглянуть на себя! сказалъ онъ и сѣлъ на облучокъ лицомъ къ зятю и Машѣ и вглядывался съ безграничной тоской и любовью въ ихъ лица. „Въ послѣдній разъ, въ послѣдній,“ шепталъ старикъ и крупныя слезы катились градомъ на щетинистые усы. Тутъ только я замѣтила, какъ Пафнутій измѣнился въ эти полгода, онъ смотрѣлъ дряхлымъ старикомъ.

— Останься, повторяли Илья Петровичъ и Маша.

— Нѣтъ, сложу кости на родномъ погостѣ, отвѣчалъ Пафнутій. Дѣло рѣшеное.

— Ну, такъ прощай, сказалъ отрывисто зять. Дальніе проводы—лишнія слезы, и того гляди поднимется мятель, еще не доберешься до станціи.

— Ну, прощайте, лихомъ не поминайте, сказалъ

Digitized by Google

Пафнутій, напрасно стараясь придать шутливый тонъ дрожащему голосу, коли добромъ нечѣмъ.

— Пафнутій, вскричала Маша, которая крѣпилась всѣми силами, и теперь, обвивъ руками его шею, разрыдалась. Я не забуду тебя, Пафнутій.

— Полно, полно, родная, унималъ ее Пафнутій, какъ бывало унималъ ее ребенкомъ, и поцаловавъ ее и погладивъ въ послѣдній разъ по головѣ, соскочилъ съ облучка и крикнулъ: пошелъ! такимъ голосомъ, что испуганныя лошади рванулись и подхватили кибитку.

Мы высунулись изъ кибитки. Пафнутій стоялъ неподвижно на томъ мѣстѣ, гдѣ соскочилъ, шапка его свалилась, сѣдая голова засыпалась снѣгомъ; онъ смотрѣлъ вслѣдъ нашей кибиткѣ долгимъ потерянным взглядомъ, какимъ смотритъ человѣкъ, когда рвется послѣдняя нить, привязывающая его къ жизни.

Не Пафнутій виноватъ, если эта нить была настолько слаба, что не могла удержать его въ семьѣ зятя. Это была единственная нить, привязывавшая его къ жизни, но она такъ больно обвилась вокругъ его существа, что старикъ порвалъ ее и шелъ на родину сложить усталыя въ работѣ на барина кости на могилѣ отцовъ. Изъ двадцати-пятилѣтней безъупречной, трудовой жизни старикъ вынесъ только это желаніе вѣчнаго покоя.

Digitized by Google

Фигура Пафнутья терялась вдали. Она отрѣзала чернымъ пятномъ на снѣжной дорогѣ. Мы издали увидѣли, какъ онъ махнулъ рукой намъ вслѣдъ и по этому движенію мы угадали его вѣчное восклицаніе, которымъ Пафнутій провожалъ всѣ тяжелыя минуты своей жизни: Эхма!

— Эхма! повторила Маша, хотя и не могла его слышать.

Съ этой минуты Пафнутій какъ въ воду канулъ. Онъ не писалъ намъ ни строчки, и зять, не смотря на всѣ справки, не могъ узнать ничего вѣрнаго. Черезъ земляковъ Пафнутья дошелъ слухъ, что онъ пришелъ на родину. Изъ близкихъ, дорогихъ не было никого въ живыхъ. Пафнутій затосковалъ и запилъ. Старая несчастная слабость, сдерживаемая изъ страха барина, взяла верхъ, когда не стало этого страха, и человѣчныя побужденія, которыя могли быть ей противовѣсомъ, были забыты. Онъ пропалъ безъ вѣсти изъ своей деревни. Полагали, что онъ замерзъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, сбившись съ дороги, хмѣльной. Такъ кончилась эта честная, трудовая жизнь, заслуживавшая лучшаго конца.

М. Цебрикова.

Digitized by Google

Отъ Халаата до Аму-Дарьи.

(Выдержка изъ дневника, веденнаго въ Хивинскомъ походѣ 1873 г.)

Нѣсколько дней, проведенныхъ на Халаата, оставили едва ли не самое скверное воспоминаніе въ нашемъ отрядѣ за все время хивинскаго похода.

Какъ ни были тяжелы переходы по сыпучимъ пескамъ Кызылъ-кумъ и Джаманъ-Кумъ *), какъ ни дурна была горько-соленая вода степныхъ *Кудуковъ* **), которой мы утоляли свою жажду въ теченіи почти двухъ-мѣсячнаго похода, все это было ничто въ сравненіи съ испытаннымъ нами на Халаата.

*) Кызылъ-Кумъ, по-киргизски значитъ *красный песокъ*; Джаманъ-кумъ—дурной песокъ.

**) Кудукъ, по-киргизски—колодезь, копань.

Digitized by Google

Представьте себѣ неглубокую котловину, расположенную среди необозримой песчаной равнины, почти лишенной растительности, а въ срединѣ этой котловины небольшой округленный холмъ, внутри каменистый, снаружи прикрытый толстымъ слоемъ песка. Съ одной стороны холма, у подножія крутаго склона, небольшая пещера въ сажень глубины, со дна которой выбѣгаетъ наружу ключь чистой прѣсной воды. Толстый, старый кустъ *гребенщика* да ива пріютились надъ входомъ въ пещеру и осѣнили ручей, влага котораго бережетъ ихъ убогую, одинокую жизнь отъ мертвящаго зноя пустыни. Водоросли покрыли камешки ручья и зелень этихъ немногихъ живыхъ растеній представляетъ глубокій контрастъ съ сѣрожелтымъ колоритомъ безжизненной, убогой страны.

Пробѣжавъ нѣсколько десятковъ сажень, ручей, не смотря на силу струи, изчезаетъ въ пескѣ. Какъ будто и его пугаетъ страшная степь и, ненадѣясь одолѣть ее, онъ снова прячетъ свою живительную влагу въ нѣдра земли.

На противоположномъ склонѣ холма незатѣйливые, но оригинальные, глиняные памятники прикрывали прахъ нѣсколькихъ правовѣрныхъ, застигнутыхъ въ расплохъ смертью на пути въ ужасной пустынѣ. Между этими памятниками была и могила

Digitized by Google

святаго, по имени котораго названо урочище Халаата. Казалось бы Халаата, обильная живой текучей прѣсной водой—сулила необходимый отдыхъ усталымъ путникамъ. На дѣлѣ вышло иначе, и не рады мы были даже прѣсной водѣ. Апрѣль былъ на исходѣ, жары съ каждымъ днемъ усиливались. Послѣ прохладной ночи, съ восходомъ солнца температура быстро возрастала, а къ полудню песчано-глинистая почва раскалялась до того, что босой ногой нечего было и думать ступить на нее. Даже привычные степные кони и тѣ отказывались ѣсть ячмень, и стояли, какъ сонные, истомленные удушливымъ, палящимъ жаромъ. Только верблюды, эти уродливые организмы пустыни, повидимому не чувствовали страшнаго жара; какъ тѣни бродили они по нѣсколько верстъ вокругъ лагеря, отыскивая убогія высушенныя зноемъ растенія степи, изъ которыхъ самыми лакомыми эти корабли пустыни находятъ *комочку* или *верблюжью траву*. Но не этотъ жаръ и необычайная сухость воздуха были причиной нашихъ мученій на Халаата. Часовъ въ 10 утра поднимался сильный вѣтеръ, который дулъ затѣмъ все остальное время дня и значительную часть ночи. Этотъ вѣтеръ, сухой и жгучій, самъ по себѣ невыносимый, поднималъ со степи цѣлыя тучи раскаленнаго песку, такія густыя, что среди дня, при

Digitized by Google

безоблачномъ небѣ, солнце казалось въ туманѣ и за три, за четыре версты ничего не было видно кругомъ. Раскаленный песокъ сѣкъ немилосердно лицо и руки, набивался въ глаза, въ уши, всюду куда можно и вызывалъ зудъ въ кожѣ и безъ того уже сильно воспаленной сухимъ горячимъ вѣтромъ.

Почти не было возможности выйдти изъ кибитки; да и тамъ сидѣть оказывалось не лучше.

Какъ бы плотно не укрыта была кошмами кибитка, песокъ проникалъ въ малѣйшія щелочки и садился слоемъ на все, что тамъ было. Песокъ былъ всюду: и въ водѣ, которую приходилось пить, и въ пищѣ, и на столахъ, и на насъ самихъ. Уши и глаза сильно страдали отъ него. Нельзя было открыть рта, чтобы потомъ песокъ не скрипѣлъ на зубахъ. Словомъ, жизнь въ этомъ песчаномъ ураганѣ была сущей каторгой для насъ. Мы не умѣли себѣ объяснить отчего эти песчаные ураганы не встрѣчались нигдѣ въ другихъ мѣстахъ пройденной нами степи и составляли несчастную особенность Халаата. Какъ ни тяжело было намъ физически терпѣть эту песчаную баню, не менѣе того насъ мучила нравственно полнѣйшая неизвѣстность будущаго пути. До Халаата дорога степями была извѣстна, частью по движеніямъ нашихъ обходныхъ отрядовъ въ прежніе годы, частью нашимъ проводникамъ киргизамъ

Digitized by Google

и посланнымъ отъ бухарскаго эмира; о пути отъ Халаата до Аму-Дарьи не зналъ ровно ничего достовѣрнаго ни одинъ человѣкъ. Сколько верстъ до этой желанной рѣки? Есть ли вода на пути?—вотъ вопросы, мучительно тревожившіе всѣхъ и каждаго въ отрядѣ въ эти тяжелые дни,—вопросы, на которые не было отвѣта. Одни говорили, что до Аму-Дарьи всего восемь, десять верстъ, по другимъ слухамъ было тутъ около ста верстъ, наконецъ третьи опредѣляли это разстояніе въ сто шестьдесятъ верстъ. Говорили, что на пути есть колодцы Адамъ-Кирылганъ; по другимъ слухамъ они будто занесены пескомъ и въ нихъ нѣтъ ни капли воды. Кому было вѣрить? Да и самое названіе колодцевъ (о которыхъ упоминаетъ Вамбери въ своемъ путешествіи) Адамъ-Кирылганъ, въ переводѣ *погибель человѣка*, не предвѣщало добраго.

Верблюды отряда были сильно изнурены продолжительнымъ и тяжелымъ путемъ, безкормицей и недостаткомъ пойла,—на каждомъ переходѣ падали они десятками и число ихъ уменьшалось съ каждымъ днемъ. Положеніе наше было такое, что будь переходъ до Аму-Дарьи въ сто шестдесятъ верстъ и безъ воды,—отряду не дойдти бы до рѣки. Или цѣликомъ легъ бы онъ весь отъ истощенія и жажды, или, еслибы дошелъ, то не безъ громадныхъ

Digitized by Google

потерь, обезсиленный, безъ провіанта и боевыхъ средствъ, съ рискомъ погибнуть уже на рѣкѣ отъ голода, такъ какъ до жилыхъ мѣстъ осталось по ней пройдти еще добрыхъ двѣ сотни верстъ. Такова была возможная перспектива будущаго. Къ счастію, немногіе ясно сознавали это ужасное положеніе и возможность близкаго мучительнаго разсчета съ жизнью. Да и они еще не унывали, утѣшая себя надеждой на близость рѣки и существованіе колодцевъ съ водой. Дѣятельность кипѣла въ отрядѣ. Вокругъ холма рыли ровъ и насыпали около него валъ, съ цѣлью придать Халаата видъ крѣпости и устроить тутъ складочный пунктъ для части провіанта, который цѣликомъ не было возможности поднять въ дальнѣйшій путь. Верблюды, освобожденные отъ этого провіанта, предназначались для того, чтобы забрать съ собой побольше воды на дорогу. Наконецъ крѣпость около холма Халаата, жалкая и смѣшная для европейца, но неприступная для азіата,—была кончена и освящена подъ громкимъ именемъ укрѣпленія св. Георгія. 28-го апрѣля утромъ отданъ былъ приказъ готовиться въ походъ, и въ 5 час. вечера того же дня выступилъ авангардъ отряда изъ нѣсколькихъ ротъ, трехъ или четырехъ сотенъ казаковъ при четырехъ орудіяхъ. Мы распростились съ товарищами, проводили ихъ

Digitized by Google

и сами пошли готовиться къ выступленію изъ Халаата на слѣдующій день. Мы съ такой радостью собирались покинуть навсегда это проклятое мѣсто, что насъ не смущала даже мысль о будущемъ возможномъ и ужасномъ.

Вѣтеръ какъ будто смиловался на прощанье и затихъ къ вечеру. Тяжелымъ раскаленнымъ шаромъ закатывалось солнце и обливало краснымъ зловѣщимъ свѣтомъ пустыню. Утомленные возней съ вещами и укладкой, мы напились чаю, поужинали, чѣмъ кто могъ, и перекидываясь то шутками, то предположеніями и соображеніями о томъ, что ждетъ насъ впереди—наконецъ заснули на своихъ незатѣйливыхъ песчаныхъ постеляхъ.

Рано утромъ, 29-го апрѣля, насъ разбудили извѣстіемъ, привезеннымъ казаками изъ авангарда. Извѣстіе это гласило, что авангардъ, пройдя верстъ шестнадцать, въ сумерки встрѣтился съ хивинцами. Дѣло произошло такъ. Колонновожатые, подполковники И. и Т. съ четырьмя казаками и пятью или шестью киргизами-вожаками, двигаясь по трое впереди отряда и не предвидя возможности встрѣчи съ непріятелемъ, незамѣтно отдѣлѣлись впередъ версты на полторы. Вдругъ въ сумерки, неожиданно изъ-за песчаныхъ бугровъ выскочила шайка хивинскихъ всадниковъ, человѣкъ въ полто-

Digitized by Google

раста и съ криками: „уръ, уръ“, *) въ одну минуту окружила ихъ со всѣхъ сторонъ. Наши не потерялись, быстро спѣшились по командѣ Н. А. И., и началась перестрѣлка. Хивинцы нѣсколько разъ бросались въ атаку, но, встрѣчаемые пулями казачьихъ винтовокъ и револьверовъ каждый разъ отступали назадъ, и начали въ свою очередь палить въ нашихъ изъ своихъ „мултуковъ“. **) Лошади вырвались изъ рукъ киргизовъ, испуганныя громомъ выстрѣловъ, и нѣкоторыя убѣжали въ степь. Возясь съ лошадьми, одинъ изъ киргизовъ, нашъ лучшій проводникъ, отдѣлился отъ кучки и тотчасъ же былъ зарубленъ хивинскими клычами ***), прежде чѣмъ успѣли его спасти. Какъ ни храбро держались наши, но положеніе семи, восьми человѣкъ среди массы нападающихъ съ каждой минутой становилось отчаяннѣе. Оба офицера, два казака и одинъ киргизъ были уже ранены хивинскими пулями; остальныхъ каждую минуту ожидала та же участь. Къ счастью въ двигавшемся отрядѣ замѣтили огоньки выстрѣловъ, и еще не понявъ въ чемъ дѣло, одинъ казачій хорунжій съ восемью ка-

*) По тюркски значитъ „бей, бей.“

**) Мултукъ по тюркски—ружье.

***) Клычъ—кривая азіатская сабля.

Digitized by Google

заками понесся впередъ полнымъ карьеромъ. Подскакавъ ближе и убѣдясь въ томъ, что это дѣйствительно нападеніе, казаки прихлестнули коней и съ крикомъ: ура! врѣзались въ толпу хивинскихъ всадниковъ; тѣ, озадаченные внезапностью нападенія казаковъ и не разсмотрѣвъ ихъ ничтожнаго числа, разступились въ стороны, чѣмъ дали казакамъ возможность соединиться съ осажденными. Началась усиленная перестрѣлка. Хивинцы сдѣлали еще попытку напасть, но были снова отбиты, и замѣтивъ, что уже отъ отряда бѣгутъ къ мѣсту боя стрѣлки, пустились на утекъ. За ранеными изъ Халаата немедленно была послана кибитка. Вѣсть о стычкѣ облетѣла стрѣлой весь лагерь. Казаковъ замучили распросами. Все ожило, зашевелилось. Да и какъ было не оживиться всѣмъ. Почти два мѣсяца шли по степи, не встрѣчая души человѣческой. О хивинскихъ полчищахъ не было ни слуху, ни духу. И вотъ, наконецъ являются они на сцену. Починъ полю есть, сказалъ бы охотникъ. Кампанія началась, слышался военный терминъ въ лагерѣ, и радость сіяла на всѣхъ лицахъ, отъ генерала до солдата. Не жажда крови, боя, смерти виднѣлась въ этой радости, нѣтъ, скорѣе жажда жизни, потому что, если хивинскія войска были такъ близко отъ насъ, то слѣдовательно или въ степи есть вода, или же близко сама

Digitized by Google

Аму-Дарья. Кто испыталъ хоть разъ жажду, тотъ поймет, что значили для насъ эти предположенія. Они сразу разрушили опасеніе ужасовъ нашей гибели въ безлюдной степи, подъ палящими лучами южнаго солнца. Часовъ въ 11 утра привезли раненыхъ: Н. А. И., двоихъ казаковъ и киргиза. Н. А. И. былъ раненъ легко въ ногу и руку. Одинъ казакъ тоже. Но другой казакъ и киргизъ получили очень опасныя раны, отъ которыхъ потомъ первый и умеръ. Нечего говорить какое участіе возбудили раненые и какъ сильно ихъ утомили докучливыми распросами о битвѣ. Такъ прошелъ весь день и выступленіе отряда по случаю всего этого было отложено до слѣдующаго дня. Тихая холодная ночь наступила на Халаата, наша послѣдняя ночь въ этомъ притонѣ вѣтра. Весь лагерь заснулъ богатырскимъ сномъ.

Въ 3 ч. утра, еще за-темно, 30 апрѣля заиграли подъемъ. Началась суетня и толкотня по лагерю; все вьючили, привязывали. Отвратительный ревъ нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ огласилъ окрестность. Словомъ, совершилась сцена подъема степнаго отряда изъ ночлега,—сцена знакомая и пріѣвшаяся намъ, но тѣмъ не менѣе крайне оригинальная и пожалуй красивая. Часу въ пятомъ вьючка кончилась, роты и казачьи сотни заняли свои мѣста,

Digitized by Google

верблюжій транспортъ вытянулся, данъ сигналъ къ походу и только-что разсвѣло—отрядъ тронулся въ путь.

Торная дорога въ нѣсколько параллельныхъ верблюжьихъ тропъ прихотливо изогнутой лентой пролегала по степи между песчаными барханами *), нагроможденными вѣтромъ въ видѣ невысокихъ валовъ, словно волны въ бурю на морѣ. Какъ гигантская змѣя двигался отрядъ по изгибамъ дороги. Блескъ штыковъ и орудій смѣнялся пестрыми вьюками верблюжьяго каравана, а за ними снова блестѣли штыки, бѣлѣлись рубашки солдатиковъ и пестрѣли вдали казачьи сотни. Красивую картину издали представлялъ отрядъ растянувшійся по тропѣ верстъ на пять. Между тѣмъ солнце уже поднялось и начало жечь немилосердо. Жаръ наступалъ быстро, песокъ накалялся. Въ воздухѣ стояла тишина мертвая; на небѣ ни облачка. Часовъ въ 9 достигли мы мѣста побоища. Двѣ убитыя хивинскія лошади валялись у дороги. Уши и хвосты ихъ были обрѣзаны хивинцами. Говорятъ, что эти вещественные знаки представляются правительству для того, чтобы получить вознагражденіе изъ казны ханской за убитую въ бою лошадь. Пройдя еще нѣсколько

*) Барханъ — песчаный холмъ.

Digitized by Google

верстъ, часовъ въ 10, было получено приказаніе остановиться на привалъ. Мы расположились у дороги, разсѣдлали лошадей и прилегли въ ожиданіи транспорта. Часа черезъ полтора подошли наши верблюды; наскоро разбили мы кое-какъ полотно палатки и наши повара принялись за стряпню. Запылали саксаульные *) костры, распуская черный густой дымъ по воздуху, закипѣли чайники и, черезъ четверть часа отпаривъ высохшія гортани чаемъ на вкусной халаатской водѣ, подкрѣпившись стряпней изъ разныхъ консервовъ, нельзя сказать, чтобы очень вкусныхъ,—мы растянулись на пескѣ и крѣпко вздремнули, несмотря на жгучіе лучи солнца. Часа въ три отрядъ двинулся въ дальнѣйшій путь. До вечера намъ предстояло пройдти еще болѣе двадцати верстъ до Адамъ-Кирылгана. По извѣстіямъ, полученнымъ еще вечера изъ авангарда, оказалось, что отъ Халаата до Адамъ-Кирылгана сорокъ три версты; авангардъ нашелъ на послѣднемъ неглубокіе колодцы съ водой и саперы принялись рыть новые. Чѣмъ дальше подвигались мы отъ Халаата, тѣмъ песчанѣе и песчанѣе становилась степь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и растительность становилась богаче. Всюду на песчаныхъ барханахъ вид-

*) Саксаульникъ.

Digitized by Google

нѣлись кусты *саксаула*, съ длинными, свѣжими темно-зелеными листьями, тонкими нитями, словно иглы нашихъ хвойныхъ деревъ, висѣвшими на корявыхъ вѣткахъ; въ перемежку съ *саксауломъ* росли закругленные кусты *кизилъ-агачъ* *), усѣянные мелкими красивыми розовыми и желтыми цвѣточками. Словно плакучія ивы виднѣлись мѣстами деревца *куянъ-сююка* **) съ узкими свѣтло-зелеными листочками и цѣлыми кистями красивыхъ мелкихъ лиловыхъ цвѣтовъ. *Ичкашеры* и другія степныя ящерицы безпрестанно сновали по песку, пестря его поверхность красивыми узорами слѣдовъ. Тамъ и сямъ подъ корнями кустовъ виднѣлись норы сусликовъ, хомяковъ, тушканчиковъ и другихъ грызуновъ, которыми такъ богаты степные пески. Жуки катали шарики верблюжьяго и лошадинаго навоза, клали въ нихъ свое яичко и зарывали въ песокъ, гдѣ броженіе навозной массы, развивая теплоту, вызывало въ яичкѣ жизнь и развитіе зародыша личинки жука.

Отрядъ, изнуренный длиннымъ переходомъ по

---

*) *Кизилъ-агачъ* — значитъ красное дерево; этимъ именемъ зовутъ киргизы одну группу степныхъ кустарниковъ, неимѣющихъ ничего общаго съ настоящимъ краснымъ деревомъ.

**) *Куянъ-сююкъ* — значитъ заячья пасть. Такъ зовутъ киргизы одно красивое деревцо, изъ семейства губоцвѣтныхъ, за его ломкость.

Digitized by Google

сыпучимъ пескамъ, растянулся на нѣсколько верстъ и медленно подвигался по степи. Стало уже сильно вечерѣть. Налѣво, вдали среди бархановъ показался невысокій гребень холмовъ, за которыми, какъ говорили, и есть колодцы Адамъ-Кирылганъ. А пески становились все сыпучѣе, песчаные холмы круче и выше. Растительность снова порѣдѣла. Быстро наступали короткія южныя сумерки, а мы все еще шли и шли. Наконецъ, въ совершенной темнотѣ добралась голова колонны до колодцевъ, гдѣ виднѣлись костры нашего авангарда. Нечего говорить, что у добрыхъ сотоварищей мы, усталые отъ труднаго перехода и изсушенные жаромъ, нашли готовымъ лучшее степное угощеніе — стаканъ чая на прѣсной и вкусной водѣ изъ колодцевъ Адамъ-Кирылганъ. Только на разсвѣтѣ пришелъ на мѣсто верблюжій транспортъ, мы разбили свои юрты и полегли изнуренные до-нельзя послѣ цѣлыхъ сутокъ бодрствованія и тяжелаго труда. Проснувшись уже подъ вечеръ 1-го мая, я пошелъ осматривать окрестности лагеря. Пройдя почти тысячу верстъ по степямъ отъ Казалы, я не видалъ однако же ни въ Кызылъ-кумахъ, ни въ Джаманъ-кумахъ ничего подобнаго той картинѣ, которая открывалась передъ моими глазами теперь. Съ вершины высокаго песчанаго бугра во всѣ стороны виднѣлась сплошная площадь

Digitized by Google

желтовато-бѣлаго сыпучаго песку, совершенно лишеннаго всякихъ слѣдовъ растительности, наворо-ченнаго высокими крутыми буграми въ перемежку съ глубокими котловинами. Высокія волны песчана-го моря, рядами уходили вдаль насколько хваталъ глазъ. Я взглянулъ въ бинокль и онъ мнѣ не по-могъ открыть берега этого мертваго, сухаго моря— Адамъ-Кирылганъ. Да, кличка по шерсти дана. Ни-какая жизнь невозможна здѣсь, думалъ я. Гибель всему живому, не одному человѣку, сулятъ эти го-лые сыпучіе пески, переносимые вѣтрами. А между тѣмъ и въ этой пустынѣ, на этомъ мертвомъ морѣ живаго подвижнаго песка,—потомъ нашлись призна-ки жизни. Узкія ленты слѣдовъ тянулись по барха-намъ—это бѣгали красивые черные жуки съ бѣлыми полосами на подкрыліяхъ. Припомнились мнѣ хала-тинскія песчаныя бури; здѣсь, на Адамъ-Кирыл-ганѣ, на поверхности подвижнаго песка, эти бури по истиннѣ должны быть ужасны. Разсказы афри-канскихъ путешественниковъ о караванахъ, засыпан-ныхъ пескомъ въ пустыняхъ Сахары, не казались мнѣ теперь, на Адамъ-Кирылганѣ, черезъ-чуръ пре-увеличенными. Къ счастью нашему погода стояла тихая и ясная.

Солнце, закатываясь, обливало степь золотисто-желтымъ цвѣтомъ, что обѣщало хорошую погоду.

Digitized by Google

Быстро прошли сумерки и ночь тихая, холодная смѣнила жаркій степной день. Мы разбрелись по кибиткамъ, поужинали и залегли спать. Переходъ отъ Халаата былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и для людей, и для вьючныхъ животныхъ. Верблюды по дорогѣ падали сотнями. По этому на завтра назначена была дневка на Адамъ-Кирылганѣ.

Вотъ почему меня сильно изумилъ бой барабановъ и звуки рожковъ, раздавшіеся въ лагерѣ передъ разсвѣтомъ. Странно, это не знакомый сигналъ подъема,—нѣтъ. Барабанъ билъ какъ то тревожно, рѣзко; а рожки наигрывали какой то веселый, задирающій мотивъ.

Да, это тревога, проговорилъ проснувшійся товарищъ по кибиткѣ.

И вслѣдъ за его словами дѣйствительно раздались почти что разомъ два выстрѣла. Одѣвшись кое какъ, мы выскочили изъ кибитки и побѣжали въ сторону выстрѣловъ. По окраинѣ лагеря шло тревожное движеніе. Стрѣлки и линейныя роты строились вокругъ въ каре. Въ цѣпи шла перестрѣлка. А дальше, въ полутьмѣ разсвѣта, шаговъ за тысячу отъ насъ, по барханамъ двигались взадъ и впередъ какія то неясныя фигуры, изрѣдка блестѣлъ тамъ огонекъ, а затѣмъ доносился къ намъ звукъ глухаго выстрѣла. Рѣзкій, гортанный крикъ повременамъ

Digitized by Google

проносился надъ барханами. Наши стрѣлки время отъ времени посылали туда пули изъ своихъ берданокъ. Ночь была страшно холодная, и зубы стучали у меня какъ въ лихорадкѣ. Все свѣтлѣе и свѣтлѣе становилось вокругъ. Фигуры, сновавшія вдали по барханамъ стали отчетливѣе обрисовываться на горизонтѣ. Вотъ удалый джигитъ *) на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ, въ высокой черной шапкѣ птицей носится съ бархана на барханъ. Онъ что то кричитъ своимъ, очевидно, это начальникъ, обозрѣвающій своихъ нерѣшительныхъ воиновъ и заклинающій ихъ именемъ пророка броситься на невѣрныхъ *кафировъ уруссовъ*. Перестрѣлка оживилась съ разсвѣтомъ, но разстояніе до хивинцевъ было не подъ силу даже бердановскому штуцеру. Холодъ прогналъ меня, и придя въ кибитку, съ цѣлью надѣть полушубокъ, я упалъ на постель и въ минуту уснулъ, какъ убитый. Перестрѣлка, какъ я узналъ послѣ, кончилась скоро, и Хивинцы, видя неудачу своего нападенія, скрылись. 2-е мая прошло безъ особыхъ приключеній. Мы отдыхали и собирались съ силами, чтобъ выступить завтра.... Куда? этого никто не зналъ. По поводу этого *куда* невольно находило раздумье. Надежда на близость Аму-Дарьи.

*) Наѣздникъ.

Digitized by Google

принесенная намъ на Халаата извѣстіемъ о первой стычкѣ съ Хивинцами послѣ труднаго перехода къ Адамъ-Кирылгану уступила мѣсто невеселому сомнѣнію. Надежда найдти воду на этихъ колодцахъ оправдалась. Но дальше по всѣмъ извѣстіямъ вплоть до Аму-Дарьи не было ни капли воды. Между тѣмъ наши перевозочныя силы уменьшались съ каждымъ часомъ. На переходѣ отъ Халаата до Адамъ-Кирылгана отрядъ потерялъ около тысячи четырехсотъ верблюдовъ, осталось ихъ на лицо не больше трехъ съ половиной тысячь, по большей части изнуренныхъ голодомъ и дорогой, съ обитыми, окровавленными спинами. А если до рѣки сто или больше верстъ? Тогда.... увидитъ ли кто нибудь изъ этихъ пяти тысячь человѣкъ желанную Аму-Дарью? здравый смыслъ отрицалъ возможность такого факта, и передъ нами вставала роковая диллема быть или не быть.

Въ два часа ночи 3-го мая проиграли сигналъ вьючиться. Бывало вьючка занимала часъ, много два; теперь же дѣло шло такъ медленно, что отрядъ тронулся едва, едва около семи часовъ. Солнце жгло уже сильно и можно было предвидѣть одинъ изъ тѣхъ тихихъ дней, когда жаръ и пыль становятся рѣшительно невыносимыми. Пройдя версты три, четыре мы выбрались изъ голыхъ Адамъ-Кирылганскихъ песковъ. Барханы, стали ниже и отложе;

Digitized by Google

снова появились кустарники *саксаула, гребенщика кизылъ—агагей и куянъ—сююна.* Песокъ, цементированный перегноемъ растительности, былъ плотнѣе и нога не вязла уже такъ глубоко. Дорога извивалась между барханами, врѣзываясь глубокимъ русломъ въ рыхлой песчаной поверхности степи. Я ѣхалъ впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ за колонновожатымъ, съ цѣлью повысмотрѣть степныхъ звѣрковъ и другихъ животныхъ, пока движеніе массы отряда не разогнало ихъ по норкамъ. Солнце жгло немилосердно. Безпрестанно приходилось прикладываться къ флягѣ съ водой, что висѣла на лукѣ сѣдла; при чемъ и въ голову какъ то не приходило: а ну какъ это послѣдняя капля, за которую скоро можетъ быть придется заплатить дорого, дорого, цѣною жизни. Былъ уже одинадцатый часъ утра—скоро слѣдовательно и привалъ. Отъ караванной дороги, по которой мы двигались, вправо отдѣлилась узкая, едва замѣтная верблюжья тропка. Одинъ изъ киргизовъ, поравнявшись со мной, остановился и, указывая рукой на тропу, забормоталъ по своему. „Алты-Кудукъ якынъ, биръ тамъ субаръ, конъ су.“ *) Убѣжденный, что нѣтъ воды нигдѣ кругомъ, я не

*) Шесть колодцевъ, близко, верстъ восемь, вода есть, много воды.

Digitized by Google

понѣрилъ силу степей и необратилъ вниманія на его заявленіе, что сдѣлали и другіе, къ которымъ онъ обратился съ тѣмъ же. Между тѣмъ извѣстіе было вполнѣ вѣрно, и эти колодцы, какъ увидимъ ниже, спасли намъ жизнь. Пройдя еще верстъ пять, мы услыхали приказаніе остановиться на привалъ. Я привязалъ лошадь и сѣлъ подъ кустъ въ ожиданіи своихъ товарищей. Вскорѣ подъѣхали они, сообща подыскали мы удобное мѣстечко для привала нашей компаніи, разсѣдлали лошадей и разсѣлись на пескѣ, поджидая верблюжій обозъ съ съѣстными запасами и дорогой влагой. Долгонько такъ пришлось намъ ждать. Не раньше какъ въ часъ показалась голова верблюжей колонны: въ третьемъ часу подошли наконецъ и наши верблюды, которые, надо замѣтить, были далеко не изъ послѣднихъ. Мы успѣли разбить палатку, вскипятить воду и напиться чаю, успѣли приготовить обѣдъ и поѣли, а верблюжій обозъ все еще тянулся мимо насъ по дорогѣ. Усталые верблюды еле двигались, безпрестанно ложились и орали благимъ матомъ, когда киргизы и солдатики истощали всѣ средства, чтобы поднять несчастныхъ животныхъ и заставить ихъ двигаться дальше. Только часовъ въ семь вечера прошли мимо насъ послѣдніе верблюды транспорта и аріергардныя роты, утомленныя до нельзя, расположились не въ далекѣ

Digitized by Google

на привалъ. Очевидно, дальнѣйшее движеніе въ этотъ день было уже невозможно. Между тѣмъ запасы воды, взятые съ Адамъ-Кирылгана, сильно уменьшились. Многіе *турсуки* *) повытекли, въ бочонкахъ вода порядочно поусохла; на питье израсходовано ея, какъ оказалось, больше, чѣмъ предполагали. Такъ, что наличнаго запаса хватило бы не болѣе какъ на сутки, вмѣсто разсчитаннаго на четверо сутокъ. Положеніе дѣлъ было критическое. Сухая бѣда наступала со всѣми ея ужасами. Тогда, наконецъ, обратили вниманіе на настойчивыя заявленія киргиза Туздубая (о которымъ я говорилъ выше), что недалеко должны быть колодцы *Алты-Кудукъ*. Съ джигитами и казаками отправленъ одинъ офицеръ отыскивать эти колодцы. Уѣхавъ въ сумерки, развѣдочная партія долго блуждала по степи, наконецъ уже поздно ночью колодцы были найдены, и около часа ночи съ вѣстью объ этомъ развѣдчики возвратились въ лагерь. Немедленно поданъ былъ сигналъ къ вьючкѣ и выступленію отряда на эти колодцы. Но, увы, вьючить многое было не на что, такая масса верблюдовъ погибла на переходѣ съ Адамъ-Кирылгана. Пришлось закопать въ песокъ даже

*) Мѣшки изъ телячьей, или бараньей шкурки, въ которыхъ на югѣ возятъ воду.

Digitized by Google

нѣкоторую часть боевыхъ снарядовъ. Большая часть офицеровъ начали жечь свои вещи, не имѣя возможности везти ихъ съ собой, оставляя лишь самое необходимое. Иные жгли даже платье, бѣлье, сапоги, оставаясь съ тѣмъ, что надѣто на себѣ. Запылали палатки, кровати, книги и другія вещи; зловѣщая иллюминація освѣтила выступающій отрядъ; пронзительный ревъ и стонъ верблюдовъ, крики погонщиковъ киргизовъ и солдатиковъ, въ которыхъ слышалась невольная злость и отчаяніе, дополняли грустную и тяжелую картину. До колодцевъ было всего восемь верстъ по песчаной, холмистой дорогѣ. Чтобы пройдти эти восемь верстъ отряду потребовалось девять или десять часовъ времени. Артилерійскія лошади едва тащили легкія полевыя орудія, колеса которыхъ глубоко вязли въ пескѣ. При подъемахъ на бугры приходилось безпрестанно прибѣгать къ помощи людей. Верблюды ложились и падали на каждомъ шагу, оглашая воздухъ ужаснымъ отчаяннымъ ревомъ, раздражавшимъ и безъ того возбужденные нервы. Наконецъ, перебравшись черезъ крутые бугры, спустились мы въ довольно глубокую слизистую котловину, гдѣ были колодцы. Вопреки названію *Алты-Кудукъ* (шестъ колодцевъ), ихъ было меньше, а вода нашлась только въ трехъ— и то дрянная, затхлая, и горьковато-соленая. Глу-

Digitized by Google

бина колодцевъ была отъ двѣнадцати до шестнадцати сажень. Мы рады были и тому, что есть хоть какая нибудь вода. Но къ вечеру не замедлило явиться и разочарованіе: оказалось, что воды мало, и не только нечего было думать запастись ею на дальнѣйшій путь, ея не хватало даже на удовлетвореніе жажды людей отряда. Лошадямъ и верблюдамъ окончательно нельзя было дать ни капли. У колодцевъ шла суматоха и давка. Бѣдные солдатики, изнывая отъ жажды, со всѣхъ сторонъ протягивали къ выкачивавшимъ воду свои манерки и фляги, прося Христа ради, хоть капельку воды, смочить сухую глотку. Одинъ киргизъ верблюдовожатый безъ чувствъ повалился на землю у колодца, обезсиливъ отъ жажды, и едва-едва удалось его отпоить и привести въ чувство. Дѣло принимало скверный и опасный оборотъ. Тогда рѣшили немедленно отправить всю кавалерію, всѣхъ офицерскихъ лошадей, часть артиллерійскихъ, всѣхъ верблюдовъ отряда подъ прикрытіемъ двухъ ротъ пѣхоты, обратно на Адамъ-Кирылганъ, съ цѣлью напоить тамъ животныхъ, дать имъ отдохнуть и собраться съ силами. А потомъ взявъ запасы воды съ Адамъ-Кирылгана, привезти ихъ снова на Алты-Кудукъ, и уже тогда отряду двинуться немедленно на Аму-Дарью. Благодаря этому разумному распоряженію, исполненному

Digitized by Google

утромъ 4-го мая, недостатокъ въ водѣ на Алти-Кудукѣ миновался и сухая бѣда на этотъ разъ была устранена. Мѣстность, гдѣ мы стояли теперь, представляла тотъ же однообразный видъ песчаныхъ бархановъ, тянувшихся рядами, какъ волны, въ необозримую даль. Рѣдкіе кустарники покрывали эти пески. День прошелъ также однообразно, какъ и предыдущія наши стоянки. За черту лагеря нельзя было выходить, и я бродилъ лишь по ближайшимъ барханамъ, гдѣ нашелъ много большихъ черно-бурыхъ фалангъ (*бію*, по-киргизски), нѣсколько рѣдкихъ ящерицъ, насѣкомыхъ—и только. Чтобъ разогнать скуку и тяжелое нервное состояніе, вызванное въ людяхъ всѣмъ испытаннымъ нами, вечеромъ велѣно было играть оркестру музыки 3-го стрѣлковаго баталіона. Странное впечатлѣніе производили на нервы аріи и пьесы изъ разныхъ оперъ. Какъ то тяжело, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадно, въ одно и тоже время, было слушать чудные музыкальные звуки, раздававшіеся среди мертвой песчаной степи, выжженной и безмолвной, облитой желтымъ свѣтомъ заходящаго солнца. У колодцевъ раздавалась другая музыка, отдохнувшіе солдатики, забывая всю тяжесть похода, всѣ лишенія его и прошлую усталость, забывъ, что и впереди завтра, послѣ завтра ждетъ тоже, а можетъ быть и хуже,—хоромъ пѣли наши

Digitized by Google

пѣсни. Такъ однообразно прошло и 5-е мая. 6-го утромъ послали нѣсколько офицеровъ съ казаками осмотрѣть дорогу впередъ на нѣсколько верстъ. Кромѣ того одинъ киргизъ вызвался съѣздить въ одиночку и осмотрѣть путь до самой рѣки. Развѣдочная партія наткнулась на небольшую конную шайку хивинцевъ. Казаки и офицеры бросились на нихъ, одного хивинца зарубили; но живьемъ захватить, *добыть языка*, какъ говорится, не удалось. 7-го мая изъ отряда, отправленнаго на Адамъ-Кирылганъ получено донесеніе, что шестаго утромъ, на зарѣ, хивинцы сдѣлали нападеніе на отрядъ, расположенный на колодцахъ, но были отражены нашей пѣхотой съ большой потерей; при этомъ изъ ихъ шайки перебѣжалъ къ намъ одинъ персіанинъ-рабъ. Отъ него узнали, что начальникъ шайки былъ *Садыкъ* (извѣстный агитаторъ и наѣздникъ, игравшій видную роль во время послѣдняго киргизскаго бунта, а потомъ убѣжавшій въ Хиву) и еще какой то хивинскій *тюря* (господинъ или сановникъ.) Въ шайкѣ было около 300 киргизовъ и хивинцевъ и столько же туркменъ. Этотъ же персіанинъ сообщилъ первыя достовѣрныя свѣденія о разстояніи до Аму-Дарьи, которое по его словамъ было около 60 верстъ отъ Адамъ-Кирылгана.

Въ тотъ же день вечеромъ воротился и нашъ

Digitized by Google

киргизъ съ Аму-Дарьи, привезшій вѣтку свѣжаго камыша въ удостовѣреніе того, что онъ былъ на рѣкѣ. Эта вѣтка была намъ также дорога, какъ Ною масличная вѣтвь, принесенная голубемъ, только не суша намъ нужна была, а вода, вода и вода, камышъ въ данномъ случаѣ былъ символомъ ея. Нечего говорить, что молодецъ киргизъ былъ щедро награжденъ. По его словамъ, до Аму-Дарьи отъ Алты-кудука было отъ тридцати до сорока верстъ. На самой рѣкѣ, отдѣленной отъ степи невысокимъ кряжомъ холмовъ Учь-чучакъ, онъ не былъ, потому что тамъ на этихъ выемкахъ расположилось хивинское войско въ значительныхъ силахъ; но онъ проникъ лѣвѣе къ озеру Сардаба-нуло, составляющему заливъ Аму-Дарьи, гдѣ напился самъ, напоилъ лошадь и сорвалъ вѣтку камыша. Всѣ какъ будто ожили, повеселѣли. Изчезла всякая мысль о возможности гибели въ степи. На Адамъ-Кирылганъ послано было приказаніе набрать воды и приходить съ верблюдами на Алты-Кудуки. Кавалерія оставлена тамъ и должна была въ одинъ переходъ пройти все пространство до Аму-Дарьи, разсчитавъ свое движеніе такъ, чтобы подоспѣть къ отряду, когда онъ станетъ приближаться къ рѣкѣ.

Когда пришли верблюды, оказалось, что и еще надо бросить нѣкоторую часть тяжестей на Алты-

Digitized by Google

Кудуки. Поэтому, здѣсь оставлена была часть боевыхъ снарядовъ, артиллеріи и провіанта подъ прикрытіемъ двухъ или трехъ ротъ стрѣлковъ. Остальные двинулись въ путь въ 4 часа вечера 9-го мая. Мѣстность сохраняла все тотъ-же слишкомъ знакомый намъ характеръ бугристыхъ песковъ. Въ этотъ день мы прошли всего верстъ десять, на протяженіи которыхъ легло подъ вьюками до 150 верблюдовъ, и остановились на ночлегъ. Брошенные вьюки велѣно было сжигать, чтобы въ нихъ не было. По дорогѣ валялись разныя вещи, мѣшки съ ячменемъ и сухарями. Чтобы дать людямъ отдыхъ, тревогу велѣно было бить только въ крайности, въ случаѣ дѣйствительнаго и горячаго нападенія. Ночью небольшая шайка подобралась было къ лагерю, но три-четыре выстрѣла, сдѣланные въ цѣпи, прогнали ее и ночь прошла покойно.

Рано утромъ отрядъ двинулся въ дальнѣйшій путь, на которомъ пришлось побросать не мало тяжестей; часовъ въ десять остановились на привалъ, и отдохнувъ часовъ до двухъ, отрядъ пошелъ дальше. Отойдя версты три-четыре отъ привала, замѣтили на горизонтѣ кучку всадниковъ. По мѣрѣ того, какъ мы шли впередъ, эта кучка росла въ числѣ и появились кое-гдѣ по сторонамъ другія группы конныхъ хивинцевъ. Наконецъ, поднявшись и перейдя

Digitized by Google

нѣсколько высокихъ барановъ, мы замѣтили вдали на горизонтѣ верстахъ въ восьми три высокихъ холма, — это и были желанные холмы *Учь-чучакъ*, расположенные на берегу Аму-Дарьи. Общая радость распространилась въ усталомъ отрядѣ. Между тѣмъ толпы хивинскихъ всадниковъ заняли весь горизонтъ передъ нами, держась однако внѣ выстрѣла, версты на двѣ отъ нашего авангарда, и постоянно отступая передъ нимъ. Часовъ въ шесть приказано было остановиться на ночлегъ. Помимо того, что и мы-то себя чувствовали лучше, избавившись отъ опасности погибнуть въ степи отъ жажды, вечеръ былъ изъ ряда вонъ хорошъ. Въ воздухѣ чувствовалась влага, которой такъ долго не доставало нашимъ легкимъ, степь была гуще покрыта растительностью, придававшей мѣстности зеленоватый колоритъ, отъ котораго давно отвыкъ нашъ глазъ; вечеръ былъ тихій, ясный, не было того ощущенія сухаго зноя, который отягощалъ и разслаблялъ организмъ. Хивинскіе всадники толпами и кучками сновали впереди по барханамъ. Самые храбрые джигиты подскакивали къ намъ на версту, кричали что-то, и выстрѣливъ, быстро ускакивали назадъ. Наши стрѣлки выдвинулись на полверсты впередъ и залегли за кустами и подъ барханами, кучками по три и по пяти человѣкъ, съ цѣлью под-

Digitized by Google

дѣть ловкимъ выстрѣломъ хивинскаго смѣльчака, неосторожно рискнувшаго приблизиться къ лагерю. Это выходило нѣчто въ родѣ охоты. Но всѣ попытки стрѣлковъ, повидимому, были напрасны, и хивинцы, замѣтивъ ихъ, стали осторожнѣе. Передъ закатомъ солнца грянула зоревая пушка, въ первый разъ въ теченіе всего похода.

Громъ ея выстрѣла, какъ оказалось послѣ, произвелъ сильное впечатлѣніе на хивинскую храбрость. Рожки заиграли зорю; раздалось пѣніе вечерней молитвы. Въ это время въ сторонѣ хивинскихъ полчищъ раздался тоже глухой выстрѣлъ, какъ кажется пушечный, но очень слабый. Солнце сѣло, стало смеркаться и хивинцы потѣшили насъ прелестной иллюминаціей. По всей линіи горизонта верстъ на пять въ длину зажгли они рядъ костровъ, видимо желая напугать насъ своею многочисленностью. Выстрѣлы въ цѣпи продолжали раздаваться тамъ и сямъ. Изрѣдка надъ нашими головами жужжали на полетѣ безвредныя уже хивинскія пули. Намъ было не до нихъ; мы весело ужинали и допивали послѣдніе запасы воды въ видѣ горячаго, солоноватаго чая. Ночь и общая усталость скоро угомонили лагерь. Подъ-утро кучка хивинцевъ наткнулась на нашъ секретъ и стрѣлки ссадили одного всадника. Убитый оказался *юзъ-баши* (сотникъ). На немъ былъ

Digitized by Google

темно-красный, бумажный халатъ, черная конусообразная баранья шапка, кривая хивинская сабля и двуствольное плохое тульское ружье. Въ карманѣ у него нашли подзорную трубку.

Рано утромъ, 11-го мая, поднялись мы съ ночлега и въ боевомъ порядкѣ, скучивъ верблюжій транспортъ въ серединѣ, двинулись къ Аму-Дарьѣ. Въ авангардной цѣпи и на правомъ флангѣ стрѣлки открыли пальбу по хивинскимъ всадникамъ, скакавшимъ въ безпорядкѣ впереди и сбоку отряда по барханамъ. Нѣсколько разъ храбрые рыцари собирались въ густыя толпы, кричали: „уръ, уръ“, какъ будто собираясь сдѣлать нападеніе, но сухой отрывистый звукъ выстрѣловъ *бердановъ* и визгъ ихъ пуль скоро охлаждали воинственный пылъ нашихъ противниковъ. Видя неудачу въ авангардѣ, они объѣхали отрядъ справа и хотѣли напасть на аріергардъ, воображая, что дѣло пойдетъ тамъ удачнѣе. Но въ аріергардѣ ихъ встрѣтили линейцы и кромѣ того угостили еще картечными гранатами изъ горныхъ орудій. Это окончательно смутило хивинцевъ, и они поспѣшно направились на утекъ, къ Аму-Дарьѣ.

Наконецъ насталъ желанный мигъ, мы выбрались изъ бархановъ; впереди лежала ровная глинистая впадина шириной версты въ три, на лѣво въ ней

Digitized by Google

синѣло, въ зеленой рамкѣ камышей, озеро Сардаба-Куль; прямо передъ нами невдалекѣ отъ озера стояло полуразвалившееся каменное зданіе—*рабатъ* или караванъ—сарай, построенный давно, по приказанію одного благочестиваго бухарскаго эмира Абдулла-Хана, для богомольцевъ, путниковъ и караванъ.

За лощиной поднимался ровный, отлогій склонъ холмовъ Учь-Чучака. Аму-Дарьи не было видно за нимъ. По всему склону разсыпано было хивинское воинство. Тутъ была и пѣхота, которая до того не показывалась намъ еще на глаза, да и теперь она, очевидно, не имѣла претензіи вступить въ бой, а скорехонько убиралась вверхъ по склону и исчезла въ безпорядкѣ за переваломъ. Около рабата по лощинѣ сновали толпы всадниковъ. Многіе изъ нихъ подскакивали къ озеру, наскоро поили лошадей и быстро уносились къ рабату. Авангардъ отряда остановился съ цѣлью дать подтянуться транспорту и арьергарду. Стрѣлки, выдвинувшись цѣпью впередъ, открыли огонь изъ берданокъ. Всадники, заслышавъ непріятный визгъ пуль, убрались отъ рабата и остановились густой кучей на склонѣ Учь-Чучака. Наши выдвинули два орудія впередъ, зарядили картечными гранатами и пустили ихъ одну за другой въ толпу. Дѣйствіе гранатъ было эффектно въ выс-

Digitized by Google

шей степени. Первая граната лопнула у самой толпы. Всадники бросились во всѣ стороны, потомъ нѣкоторые вернулись, что-то подняли, и вся толпа вскачь двинулась вверхъ по склону. Вторая граната, лопнувшая сзади ихъ, только прибавила имъ прыти. Не прошло какихъ нибудь 10 минутъ и уже ни однаго живаго существа не было на горизонтѣ. Отрядъ двинулся прямо къ озеру. Трудно было рѣшить кто съ большимъ удовольствіемъ пилъ—люди, лошади или верблюды. На предыдущемъ ночлегѣ догнала насъ кавалерія (казачьи сотни), сдѣлавъ безъ отдыха больше 60 верстъ по пескамъ; въ то время какъ мы отпивались на озерѣ, эти сотни, не успѣвъ даже напоить лошадей, были посланы преслѣдовать бѣгущихъ хивинцевъ, и на рысяхъ сдѣлали еще верстъ двадцать.

Напоивъ лошадей, мы поѣхали вслѣдъ за кавалеріей вверхъ по склону Учь-Чучака. Когда взобрались на гребень, передъ нами открылась чудная картина великой рѣки пустыни—Аму-Дарьи. Ширина ея была отъ 300—до 400 сажень, теченіе довольно быстро, а вода мутна и желто-бураго цвѣта. Богатая зеленая растительность обрамляла ее берега и вмѣстѣ съ широкой лентой воды представляла рѣзкій контрастъ съ окружавшей пустыней, желтой, сожженной солнцемъ, съ рѣдкими кустиками

Digitized by Google

бѣдной степной растительности. Проѣхавъ версты три, мы спустились по противоположному склону холмовъ на *шугай* (заливной лугъ), лежавшій на правомъ берегу рѣки. Здѣсь, у самой рѣки, расположенъ былъ обширный лагерь, который только что оставили хивинскія войска. Повидимому они не на одинъ день останавливались здѣсь и давно уже ждали насъ. Весь *шугай* были покрытъ шалашами, сплетенными изъ вѣтвей рѣчныхъ кустарниковъ, прикрытыми камышевыми циновками (чіи, по мѣстному названію). Около шалашей разбросаны были остатки одежды, туфли, валялись головки лука, зерна *джугары* (сорго, которымъ кормятъ тамъ лошадей) и риса. Около одного шалаша нашли мы головку и крылья фазана. Посидѣвъ въ лагерѣ, мы двинулись дальше, къ тому мѣсту, гдѣ казаки настигли переправлявшихся на лѣвый берегъ хивинцевъ. Тѣ уже успѣли ускользнуть и лодки ихъ ушли внизъ по рѣкѣ. Только одинъ *каюкъ* *), съ людьми и скотомъ, застрялъ по серединѣ рѣки на мели. Выстрѣлы, сдѣланные по немъ, не попали въ цѣль, такъ какъ разстояніе было болѣе 1000 шаговъ. Тогда вызвали охотниковъ добраться вплавь до *каюка*. Подувшій передъ тѣмъ вѣтеръ поднялъ сильную волну на рѣкѣ и предпри-

*) Лодка.

Digitized by Google

ятіе было тѣмъ опаснѣе, что плыть приходилось противъ вѣтра и волнъ. Однакоже изъ уральцевъ-казаковъ выискалось 14 охотниковъ, къ которымъ присоединился прапорщикъ Каменецкій (послѣ зарубленный въ бою съ туркменами-іомудами 15 іюля). Удальцы поднялись берегомъ вверхъ по рѣкѣ версты на двѣ: разсѣдлали лошадей, раздѣлись сами и бросились вплавь, держась правой рукой за шеи лошадей. У четверыхъ усталыя лошади не въ силахъ были плыть и они вернулись, остальные бодро плыли впередъ, то окунаясь съ лошадью въ воду совсѣмъ, то снова показываясь надъ волнами. Наконецъ чей то сѣрый конь, все время плывшій впереди, вынесъ съ собой казака на отмель. За нимъ по одиночкѣ выбрались туда остальные, и отдохнувъ пошли по отмели къ *каюку*. Замѣтивъ ихъ, хивинцы бросились вонъ изъ каюка и вплавь пустились на утекъ, на противоположный берегъ. Двое вытащили изъ *каюка* корову и ухватившись, одинъ за рога, другой за хвостъ, стали переправляться, при помощи этого живаго поплавка, вслѣдъ за товарищами. Уральцы стащили *каюкъ* съ мели и пригнали его къ нашему берегу. Это была первая военная добыча нашего отряда. Въ *каюкѣ* оказалось нѣсколько халатовъ, въ которые еще на рѣкѣ одѣлись озябшіе казаки, двухствольное ружье, ране-

Digitized by Google

ная лошадь, корова и съ десятокъ овецъ. Въ награду за свой подвигъ казаки получили сто руб. Послѣ того мы воротились въ бывшій хивинскій лагерь и расположились тамъ на ночлегъ и дневку. Послѣ двухмѣсячныхъ странствованій по сухимъ раскаленнымъ песчанымъ степямъ, мы добрались наконецъ до Аму-Дарьи. Кончились самые трудные дни Туркестанскаго отряда, грозившіе не разъ намъ всѣмъ тяжелой, мучительной смертью отъ жажды. Прошла наша сухая бѣда—и теперь, на берегахъ Аму-Дарьи, не страшило насъ будущее.

М. Богдановъ.

1874 г. 5-го мая.

Digitized by Google

Девять дней между Европой и Африкой.

Зимой, въ 1867—68-мъ году, мы жили въ Ниццѣ. Какъ ни хорошъ климатъ южной Франціи, но въ его прохладныхъ сырыхъ вечерахъ, въ пронзительномъ вѣтеркѣ, который почти всегда ощущаешь въ тѣни, еще слышится близость сѣвера. Невольно хотѣлось далѣе, на югъ. Да и какъ было не воспользоваться случаемъ заглянуть въ другую часть свѣта, до которой изъ Ниццы чрезъ Марсель чуть не рукой подать. Я рѣшился съѣздить въ Алжиръ. Думалъ сначала отправиться туда съ семьей, но это несостоялось,—къ счастію. Сколько разъ потомъ я радовался, что одному мнѣ, безъ семьи, пришлось испытать невзгоды плаванія!

Говорятъ, что путешествуя вдвоемъ видишь вдвое

Digitized by Google

болѣе. Въ этомъ не мало правды—и, между многочисленными наѣзжими гостями Ниццы, я постарался отыскать себѣ спутника. Выборъ оказался далекъ отъ удачнаго, и мнѣ пришлось узнать потомъ, что путешествуя вдвоемъ, терпишь вдвое—за себя и другихъ.

Во время моихъ сборовъ, меня часто пугали опасностями плаванія, но опасенія казались мнѣ напрасными. И теперь, разсуждая хладнокровно, я нахожу себя правымъ. Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ установилось правильное пароходное сообщеніе между Марселемъ и Алжиромъ; еженедѣльно нѣсколько пароходовъ совершаютъ здѣсь правильные рейсы, и во все время было только 2—3 несчастныхъ случая. За все время только одинъ пароходъ „Атласъ“ погибъ совершенно,—пропалъ безъ вѣсти и безъ остатка. Неужели—думалось мнѣ—на долю туриста, въ кои-то вѣки, одинъ разъ, собравшагося посѣтить Африку, выпадетъ дурной жребій? Ѣздятъ же люди по желѣзнымъ дорогамъ и не боятся, не думаютъ объ опасности, а вѣдь и тутъ бываетъ несчастій немногимъ меньше, чѣмъ на морѣ. Соображенія эти были основательны, но онѣ не помѣшали Средиземному морю сшутить надо мной злую шутку: оно приготовило мнѣ именно то, что казалось такъ мало возможнымъ. А сколько разъ еще прежде, въ

Digitized by Google

Ниццѣ, я любовался имъ, наслаждался съ берега его прихотливыми перемѣнами. Море всегда имѣло для меня особенную прелесть. Я понимаю, что можно любить его просторъ, его безконечное разнообразіе. То розовое, съ нѣжными лиловыми оттѣнками при свѣтѣ вечерней зари,—то прозрачно-голубое, въ яркій солнечный тихій день,—то черно-синее и пѣнящееся, волна за волной, сердитымъ прибоемъ бросающее свои воды на берегъ—оно всегда привлекало меня къ себѣ. Мои прогулки почти всегда оканчивались на морскомъ берегу; главная цѣль ихъ большей частью была—взглянуть на море. Каюсь, что по возвращеніи изъ Алжира мое влеченіе къ морю остыло на время: я познакомился съ нимъ съ новой для меня не совсѣмъ пріятной стороны.

По пріѣздѣ въ Алжиръ я набросалъ, подъ стоящимъ выше заглавіемъ, эпизоды и свѣжія впечатлѣнія моего плаванія. Передаю ихъ здѣсь почти безъ измѣненій. Читая ихъ, вѣроятно вспомнятъ поговорку: „кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался“. Самъ я вполнѣ сознаю ея справедливость и глубокій смыслъ.

Алжиръ, $\frac{\text{Февраля 7-е}}{\text{Января 26-е}}$ 1863 г. Пятница.

Сегодня въ первый разъ, со времени пріѣзда въ Алжиръ, я проснулся съ болѣе свѣтлымъ, болѣе

Digitized by Google

полнымъ сознаніемъ своего существованія и меньшимъ головокруженіемъ, а все еще чувствуется усталость: съ прогулки довольно отдаленной, по горамъ, я пришелъ совсѣмъ измученный. Нормальное состояніе еще не совсѣмъ возвратилось,хотя уже шестой день какъ мы ступили на твердую землю. Видно девяти дней на землѣ будетъ едва достаточно для того, чтобы отдохнуть послѣ девятидневнаго плаванія. Вчера, въ два часа, минуло двѣ недѣли какъ мы снялись съ якоря въ Марсели, а завтра, въ 8-мъ часу вечера, будетъ недѣля какъ ступили на африканскій берегъ.

Утро въ день нашего отъѣзда изъ Марсели, 23-го (11) января, обѣщало хорошую погоду: солнце свѣтило и грѣло по южному, мистраль, дувшій въ два предыдущіе дня, затихъ,—но это была тишина передъ бурей. Пріѣхавъ на пароходъ „Алжиръ“, мы еще не застали тутъ капитана, но онъ не замедлилъ явиться. Пасажировъ въ первомъ классѣ было только трое: я, мой спутникъ N и приземистый красноличый французъ съ веселымъ расположеніемъ духа, почти не измѣнявшимъ ему, къ счастію, и послѣ. Съ этимъ господиномъ я заговорилъ на ютѣ; онъ оказался давнимъ обитателемъ Алжира, разбогатѣвшимъ тамъ и выѣхавшимъ потомъ въ Авиньонъ. Этотъ товарищъ нашего плаванія былъ давно и

Digitized by Google

хорошо знакомъ съ капитаномъ. Только ступивъ на пароходъ, мы увидѣли, что погода обманула насъ: на югѣ закладывались тучи и вѣтеръ усиливался. „Придется намъ попрыгать“—говорилъ намъ французъ и, не смущаясь, приготовлялся захворать, объявивъ, что онъ будетъ навѣрно одной изъ первыхъ жертвъ морской болѣзни. Дѣйствительно, по выходѣ въ море, онъ легъ почти тотчасъ, но и со мной было не лучше. Лишь только я вошелъ въ каюту, какъ меня охватили то безсиліе и апатія, которыми начинается морская болѣзнь. Пришлось лечь и ожидать дальнѣйшихъ непріятныхъ послѣдствій. Качка усиливалась и припадки не замедлили. Мной овладѣла тяжелая дремота и въ ней прошли вечеръ и начало ночи. Отъ обѣда, къ которому не упустилъ пригласить меня Бертранъ (служитель нашего класса), я, разумѣется, отказался. N хотя въ первый разъ былъ на морѣ, но хворалъ менѣе меня и имѣлъ достаточно духа, чтобы обѣдать вдвоемъ съ капитаномъ. Помощника капитана за обѣдомъ не было; видно ужъ и тутъ вѣтеръ былъ на столько сердитъ, что палубу нельзя было оставить обоимъ начальникамъ вмѣстѣ.—Не знаю въ которомъ часу проснулся я ночью и услышалъ, кромѣ раздирающаго скрипа перегородокъ, близкій плескъ воды и возню Бертрана. Качка была сильнѣе прежняго. Бертранъ

Digitized by Google

ведромъ ловилъ воду на полу каюты и носилъ вонъ. Въ окнахъ еще не было свѣта и каюта тускло освѣщалась ночникомъ. Признаюсь, я почувствовалъ себя не совсѣмъ ловко отъ близости соленыхъ брызгъ и отъ поясненія Бертрана, что вода льется въ каюту съ палубы, чрезъ дверь. Я еще не зналъ тогда, что дверь каюты отдѣлялась отъ палубы порогомъ, вершка въ 3 вышиной, и приписалъ дурному устройству, отсутствію порога, то, что̀ объяснялось огромной массой воды на палубѣ. Незнаніе это помѣшало мнѣ испугаться; вода на палубѣ не рѣдкость въ морѣ,—и я задремалъ по прежнему. Въ слѣдующія пробужденія не видѣлось ничего новаго, и такъ шло до совершеннаго разсвѣта. О томъ, что волненіе было страшно сильное—я могъ судить не только по огромнымъ размахамъ парохода, но и по движенію винта. „Алжиръ“, сильно нагруженный, глубоко сидѣлъ въ водѣ, и не смотря на то корма его по временамъ совсѣмъ поднималась надъ волнами. Винтъ, сначала мѣрно ворочавшійся подъ нашей каютой, выходилъ изъ воды поминутно, и, не встрѣчая сопротивленія, вдругъ начиналъ вращаться чрезвычайно быстро, съ визгомъ, а потомъ, зарываясь снова въ воду, казалось былъ готовъ почти остановиться. Тяжелая дремота моя еще продолжалась, какъ вдругъ, часу въ 8-мъ утра, я мгновенно про-

Digitized by Google

снулся отъ страшнаго потрясенія и услышалъ, что машина остановилась. Первое чувство мое будетъ понятно каждому, кому случалось пробуждаться отъ остановки машины на нашихъ рѣчныхъ пароходахъ; это не испугъ, а непріятная неизвѣстность происшедшаго. Въ самомъ дѣлѣ, я не могу сказать, чтобъ испугался въ первое мгновеніе. Мнѣ кажется, я не успѣлъ испугаться,— не успѣлъ сообразить всего, и довольно хладнокровно началъ собираться, чтобъ идти на палубу. N успѣлъ между тѣмъ выглянуть въ дверь, и тотчасъ возвратился ко мнѣ съ восклицаніемъ: „Мы погибли!“ Я не повѣрилъ ему въ эту минуту,—а выйдя на палубу, не повѣрилъ своимъ глазамъ. Все тогда видѣнное казалось тяжелымъ сномъ—въ настоящемъ. Теперь оно кажется мнѣ тоже тяжелымъ сномъ, но—сномъ въ прошедшемъ, сномъ послѣ пробужденія. Какъ проснувшійся отъ дурнаго сновидѣнія радуется, что все видѣнное не случилось на яву, и не вполнѣ, не вдругъ, чувствуетъ возвратъ къ дѣйствительности, такъ и я еще не совсѣмъ освободился отъ прошлаго кошемара, но радостно сознаю свое избавленіе и глубоко чувствую надежду опять обнять своихъ.

Перемѣна, происшедшая на палубѣ, меня поразила: всѣ ряды бочекъ и коробокъ, которыми вчера были завалены ея бока теперь исчезли; сорвавшія-

Digitized by Google

ся съ петель двери отъ кухни и разныя вещи валялись въ безпорядкѣ; стеклянная крышка надъ машиннымъ люкомъ не существовала болѣе; вездѣ по палубѣ текла вода, хлеставшая чрезъ борта и и свободно попадавшая въ машинное отдѣленіе. Взглядъ на море заставилъ меня забыть палубу. Не видавъ, не представишь себѣ ничего подобнаго:—борта парохода, прежде высоко стоявшіе надъ водою, теперь, казалось, были наравнѣ съ ней, а немножко подальше, и справа, и слѣва, поднимались водяныя черно-синія горы, всѣ испещренныя бѣлыми пѣнистыми гребнями. Пароходъ, казалось, былъ ими сжатъ. Еще мгновеніе—и одна изъ нихъ обрушилась чрезъ лѣвый бортъ; цѣлый водопадъ пролился въ машинный люкъ. Почти безсознательно вскочилъ я на веревочную лѣстницу правой стороны, поближе къ шлюпкѣ, висѣвшей на рострахъ и уже разбитой ударами волнъ. Не замѣчая этого, я видѣлъ въ ней надежду на спасенье. Но потоки воды на минуту перестали литься чрезъ бортъ; я сошелъ на палубу, и съ нея, оборотясь къ кормѣ, опять увидѣлъ воду черезъ ютъ. Ютъ аршина на три возвышался надъ палубою, и надъ нимъ, за кормою парохода, вдругъ поднялась водяная гора, вершина которой виднѣлась на высотѣ вдвое большей высоты ютa. На мгновеніе я закрылъ глаза, ожидая потопленья; па-

Digitized by Google

роходъ прыгалъ, страшно качался, но не каждый разъ черпалъ воду бортами. Немного ободрившись, я бросился съ вопросами къ морякамъ. Одинъ изъ кочегаровъ, весь блѣдный мокрый и дрожащій, на мои вопросы отвѣчалъ словами: „Моя жена, мои дѣти“! Второй капитанъ стоялъ у юта. „Боже мой, что это такое?“ говорилъ я. „То, что бываетъ на морѣ“ — отвѣчалъ онъ — „ударъ волнъ“ — (coup de mer).—„Мы погибли?“—„Нѣтъ“.—Люди хлопотали между тѣмъ, чтобы затянуть парусами машинный люкъ и не пускать въ него заливавшуюся безпрестанно чрезъ бортъ воду. Я бросился помогать имъ; N—тоже. Волны хлестали, мѣшая нашей работѣ? „Держитесь, держитесь крѣпче“—закричалъ я своему спутнику и самъ успѣлъ схватиться за веревки у мачты, когда чрезъ правый бортъ хлынула, чрезъ всю ширину парохода, новая массы воды и обдала насъ съ головы до ногъ. Судорожно цѣплялся я за веревку и, къ счастію, удержался. Секунды съ двѣ я былъ совершенно въ водѣ; невольно-открытыми глазами видѣлъ синеву водяной массы; ротъ былъ полонъ воды. Весь мокрый, остался я на своемъ мѣстѣ у мачты, уплыла только безвозвратно новая шляпа, купленная въ Ниццѣ, предъ отъѣздомъ. Совсѣмъ озадаченный, я еще разъ вспрыгнулъ на веревочную лѣстницу къ шлюпкѣ; нашъ сотоварищъ по классу,

Digitized by Google

пассажиръ-французъ, сдѣлалъ тоже, но отсюда легко было быть снесеннымъ волнами и я опять примкнулъ къ людямъ, удвоившимъ усилія, чтобы закрыть машинный люкъ. Это удалось наконецъ; на отверстіе положили весла, на нихъ—парусъ, и все заколотили гвоздями. Послѣ, еще надежнѣе утвердили эту покрышку, спасшую насъ отъ потопленія. Водяныя горы поднимались и рушились между тѣмъ по прежнему. Спустя нѣсколько мгновеній одна изъ нихъ ударила на ютъ, гдѣ находился капитанъ и двое рулевыхъ. Капитанъ поднялъ руки и вскрикнулъ, колесо руля и поперечина оказались изломанными, раздробленными, но люди уцѣлѣли. За минуту предъ тѣмъ капитанъ привязалъ веревками себя и ихъ. Руль поспѣшили какъ-то прикрѣпить и, повернувъ пароходъ на вѣтеръ, предоставили его волѣ бури и волнъ. — Я, N и пассажиръ-французъ взобрались на ютъ. „Погибли мы“? — спрашивалъ меня N и увѣрялъ, что застрѣлится прежде чѣмъ успѣетъ утонуть.„ Еще нѣтъ,—не теряйте надежды“, отвѣчалъ я. „Бѣдная моя жена, мои бѣдныя дѣти!“ шепталъ французъ, сконфуженный, но не потерявшійся.—„И моя,—и мои тоже!“ — думалось мнѣ. Говорю чистосердечно: умирать одному, никого не оставляя, мнѣ какъ-то не было страшно въ эту минуту, на умѣ вертѣлась мысль о необходимости моей жизни для

Digitized by Google

другихъ. Въ то же время и не вѣрилось какъ-то въ возможность умереть такъ быстро, такъ внезапно,— въ возможность отъ полной жизни прямо перейти въ грозныя клокотавшія волны Средиземнаго моря,— и опять все происходившее представлялось тяжелымъ сномъ. Были даже мгновенья, когда величественность ужаснаго зрѣлища, окружавшаго насъ, успѣвала производить на меня впечатлѣніе. Солнце начинало просвѣчивать сквозь тучи и блистало на гребняхъ водяныхъ горъ, поднимавшихся по прежнему; вѣтеръ выл ъ и свисталъ; два паруса на передней мачтѣ, изорванные въ клочки бурей, хлестали своими остатками, хлопая какъ ружейные выстрѣлы. Прозябшій до дрожи,—до той степени, въ которой буквально зубъ на зубъ не попадаетъ, я былъ радъ, что подвернулся служитель съ бутылкой коньяку и стаканомъ въ рукѣ. Я выпилъ около четверти стакана и не безъ удовольствія слушалъ служителя, увѣрявшаго, что мы не погибнемъ. Увѣренія эти или бне ыли чистосердечны, или вызывались хорошей дозой выпитаго коньяку, или происходили отъ трусости. Именно въ эту минуту и во весь этотъ день почти никто изъ моряковъ не былъ увѣренъ въ возможности спасенія, хотя никто не говорилъ этого. Капитанъ увѣрялъ, что не терять надежды, а мы не понимали нашего надъ

Digitized by Google

положенія,--не знали, что̀ дѣлается внизу, въ трюмѣ, и немножко успокоились. Я отправился въ свою койку и постарался согрѣться, улегшись въ мокромъ своемъ платьѣ и завернувшись въ фланелевое одѣяло.

Начала бури и первыхъ самыхъ страшныхъ волнъ на насъ нахлынувшихъ — я не видѣлъ. Тутъ мгновенно были разорваны въ клочки паруса, разбиты стекло, дерево и металлъ крышки машиннаго люка и машинное отдѣленіе затоплено водой, налившейся сверху до того, что котлы погасли. Этими первыми волнами сброшены въ море 8 человѣкъ, и только одного изъ нихъ видѣлъ помощникъ капитана унесеннаго водой вмѣстѣ съ большой бочкой, стоявшей на палубѣ. Между ними былъ одинъ—и даже чутьли не оба тѣ, которыхъ я видѣлъ, при выходѣ въ море, стоявшими на рулѣ, угрюмо смотрѣвшими въ даль и погруженными въ свою работу. Не мудрено, что потерю людей замѣтили не вдругъ: всякій былъ занятъ собой; почти всѣ были выкупаны, снесены волнами съ своихъ мѣстъ. Въ послѣдующіе дни я узналъ нѣкоторыя подробности катастрофы. Капитанъ былъ сброшенъ волной съ юта; охваченный водою и не находя ничего за что бы можно было удержаться, онъ мысленно тоже прощался съ женой и дѣтьми, когда вторая волна бросила его въ другую сторону. Ошоломленный, съ занявшимъ

Digitized by Google

дыханіемъ, онъ очутился сжатымъ между двумя бочками на палубѣ и не вдругъ смогъ закричать. Машинистъ сброшенъ былъ водою внизъ машинной камеры и ушибся; одинъ изъ матросовъ, унесенный волной, попалъ между трубами парохода и имъ обязанъ своимъ спасеніемъ; другой матросъ былъ сброшенъ въ море около юта, съ кормы, и потомъ принесенъ обратно на носовую часть парохода. Остались сухи только тѣ, которые были въ каютахъ. Одинъ изъ пассажировъ втораго класса, старый морякъ, безпрестанно курившій, болтавшій безъ умолку и ни на минуту не терявшій надежды на спасеніе, разсказывалъ послѣ, что онъ смотрѣлъ на палубу въ дверь каюты, когда поднялась первая страшная волна. Догадавшись, что она покроетъ насъ, онъ успѣлъ броситься по лѣстницѣ назадъ и захлопнуть дверь. Онъ увѣрялъ потомъ, что заставивъ машину работать медленно и больше отдавшись на произволъ вѣтра и волнъ, мы избавились бы отъ страшныхъ ударовъ волнъ. Правъ ли былъ старикъ—пусть судятъ моряки.

Остальная часть страшнаго дня, 24-го (12) января, прошла для меня какъ-то полусознательно. Страхъ и надежда, морская болѣзнь и холодъ отъ мокраго платья—все это чувствовалось въ дремотѣ, въ смѣси и на половину. N былъ на ногахъ боль-

Digitized by Google

ше, чѣмъ я. Онъ приходилъ время отъ времени къ моей койкѣ съ извѣстіемъ, что экипажъ работаетъ помпой, — что вода въ машинѣ убываетъ и что машинистъ надѣется скоро опять затопить котлы. Послѣднее было далеко отъ истины. „Въ это время“ — говорилъ инѣ послѣ машинистъ — „я не имѣлъ надежды на спасеніе, но считалъ долгомъ утѣшать другихъ“.—И онъ, и капитаны наши хорошо дѣлали: незнаніе поддерживало въ пассажирахъ энергію; безъ надежды на спасеніе они не стали бы работать, а безъ усильной работы, безъ отчаянной борьбы съ моремъ не спастись бы никому изъ насъ. Такъ шло время до ночи, когда въ темнотѣ, часовъ въ 11, вдругъ позвали на работу и пассажировъ. Намъ поручено было встать рядомъ—образовать, какъ говорится, цѣпь и отливать воду изъ машиннаго трюма ведрами, передавая ихъ изъ рукъ въ руки. Я сошелъ въ машинное отдѣленіе, тускло освѣщенное ночниками. Желѣзная лѣстница вела на желѣзный полъ верхняго этажа, изъ котораго шла другая такая же лѣстница еще ниже; внизу виднѣлась вода, съ страшнымъ шумомъ колыхавшаяся со стороны на сторону и бившаяся въ бока парохода во время его размаховъ. А размахи эти были такъ сильны, что устоять на мѣстѣ, не держась, не опираясь, не было возможности. Количество воды

Digitized by Google

въ трюмѣ не казалось съ перваго взгляда огромнымъ, и не испугало меня. Я не зналъ глубины, которую вода наполняла, а между тѣмъ ея было около трехъ аршинъ. Только послѣ, когда ужъ мы освободились отъ большей ея части, я понялъ, каковъ былъ ужасъ нашего положенія. Вода покрывала совершенно желѣзный полъ нижняго этажа,—тотъ полъ, на которомъ стоятъ люди, управляющіе машиной, а подъ этимъ поломъ была еще глубина настоящаго трюма. Но если количество воды не пугало непривычнаго, то одного взгляда на лица моряковъ было достаточно, чтобъ испугаться. На лицѣ помощника капитана я прочелъ ясно, въ минуту моего прихода, отсутствіе всякой надежды. Принялись за работу,—часть матросовъ продолжала качать помпу, другая, вмѣстѣ съ пассажирами, черпала воду, передавая ведра отъ одного къ другому по лѣстницамъ до палубы. Въ мокромъ платьѣ пришлось подвергаться плескамъ и брызгамъ изъ ведеръ. Не до осторожности тутъ уже было, и почти не замѣчалось, не чувствовалось, что морская соль ѣстъ руки, израненныя во время утренней отчаянной суматохи. Прошло, быть можетъ, около получаса въ тяжеломъ безнадежномъ томленьи и работѣ, помощникъ капитана заглянулъ внизъ и вдругъ объявилъ, что вода убываетъ. Радостно встрепенулись всѣ при этомъ проблескѣ на-

Digitized by Google

дежды, и работа пошла живѣе, веселѣе. Вода, дѣйствительно, едва замѣтно, медленно убывала, а работа продолжалась безостановочно въ этотъ и слѣдующіе три или четыре дня. Пассажиры и экипажъ парохода шли на смѣну безразлично: послѣ шести часовъ работы, шесть часовъ на ѣду и отдыхъ. То у помпы, то ведрами работали почти всѣ, и я не меньше другихъ, хотя долженъ сознаться, что выбиралъ обязанности болѣе легкія,—передачу пустыхъ ведеръ и т. п. Помпы я избѣгалъ, болѣе четверти часа недоставало силъ работать ею, но за передачей пустыхъ ведеръ я проводилъ долгіе часы, и одинъ разъ работалъ шесть часовъ сряду, съ полуночи до шести часовъ утра, отдохнувъ въ теченіи этого времени не болѣе двадцати минутъ. Не работали, или почти не работали, въ первые дни, мои сотоварищи по классу, да старый морякъ и еще какой то господинъ изъ числа пассажировъ 2-го класса. Изъ пассажировъ перваго класса не работали двое—это было къ счастію. Французъ, своимъ присутствіемъ, избавилъ N отъ самоубійства. Современи начала работы, N совсѣмъ потерялся, сдѣлался почти безумнымъ и собирался то стрѣляться, то рѣзаться, увѣряя, что наша агонія слишкомъ продолжительна и мучительна. Французъ съ капитаномъ должны были отнять у него и спрятать

Digitized by Google

револьверъ, и присматривать за нимъ. Въ одинъ вечеръ шлюпка, висѣвшая надъ окномъ его койки, вдругъ оборвалась однимъ концемъ. На призывъ капитана всѣ бросились на ютъ спасать шлюпку. N былъ испуганъ шумомъ до того, что обезумѣлъ совсѣмъ, дрожалъ, глядя во всѣ глаза, сидѣлъ въ корридорѣ, ведущемъ въ каюту, безумно смотрѣлъ на плески воды на палубѣ и увѣрялъ, что видитъ въ нихъ умершихъ то свою мать, то сестру, которыя зовутъ его. Меня кликнули къ нему, но не скоро удалось успокоить нервный припадокъ. Я далъ ему коньяку, теръ горло, въ которомъ повидимому происходили судорожныя сжатія и намочилъ голову водой. Насилу удалось его уложить; онъ рыдалъ и дрожалъ; руки были холодны какъ ледъ,—взглядъ дикій,—полное отчаяніе и постоянное намѣреніе, по крайней мѣрѣ на словахъ, лишить себя жизни. Не дай Богъ быть въ опасности, а еще хуже быть въ ней съ людьми безъ капли мужества и характера: ихъ вопли отнимаютъ присутствіе духа и у тѣхъ, кто еще сохранилъ его. Къ счастію, нашъ спутникъ-французъ не только не унывалъ, но даже былъ постоянно, по возможности, шутливъ и веселъ. Нельзя было не остаться довольнымъ такимъ товарищемъ.

Какъ прошли тяжелые и утомительные—но уже не отчаянные—пять дней съ субботы 25 (13) ян-

Digitized by Google

варя до четверга 30 (18) января — не припомню въ подробности. Только болѣе крупныя черты происшедшаго отчетливо сохранились у меня въ памяти. То больше, то немного меньше вѣтеръ продолжалъ выть и свистать во все время, заливая волнами палубу парохода „Алжиръ“, постоянно колыхавшагося огромными, тяжелыми боковыми размахами. Кажется въ субботу вечеромъ, когда вода въ трюмѣ убывала уже замѣтно, а вѣтеръ немного притихъ, насъ кликнули всѣхъ съ работы изъ машиннаго отдѣленія для того, чтобы выбросить часть груза въ море. „Мы грузнемъ кормой, живо за работу!“ — кричалъ помощникъ капитана — и снова защемило сердце, снова убыла надежда на спасеніе. Часть груза подняли снизу, изъ полно-наложеннаго трюма, и побросали въ море. Все, что было грузнаго на палубѣ, выбросили еще въ пятницу утромъ при началѣ бури, когда я былъ въ каютѣ. Пароходъ, нѣсколько облегченный нашей работой, лучше сталъ сопротивляться волнамъ, опасность уменьшилась. Въ этотъ вечеръ небо немножко прояснилось; закатъ былъ красенъ, предвѣщая вѣтеръ, насъ несло на юго-востокъ, и за собою вдали увидѣли мы островъ Минорку. Безъ паровъ нельзя было воспользоваться его портомъ; живо чувствовалось и сознавалось безсиліе человѣка предъ разъяренной природой.

Digitized by Google

Въ одинъ день—кажется, въ воскресенье или понедѣльникъ—проработавъ съ утра до полудня, я въ первый разъ почувствовалъ ясно необходимость утолить голодъ. На обѣдъ дали въ этотъ разъ сухарей, хлѣба, сыра и плохого вина съ водой. Все казалось вкуснымъ, при отдаленной, но уже большой надеждѣ на спасенье. Поѣвъ, я прилегъ во 2-мъ классѣ, и едва согрѣлся и заснулъ, какъ одинъ изъ пассажировъ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что вода въ трюмѣ прибываетъ, и звалъ поспѣшить на работу. Извѣстіе это не было справедливо, но оно заставило опять испытать переходъ отъ надежды къ страху смерти, — опять, страдая нравственно, надо было идти передавать ведра, обливаться соленой, ѣдкой водой. Мы однако продолжали освобождаться отъ воды въ трюмѣ; послѣ часовой усердной работы, снова замѣтна стала ея убыль и снова возродилась надежда. Ночь, до 12 часовъ, я провёлъ въ этотъ разъ во 2-мъ классѣ, почти безъ сна; качка была сильна до крайности и вдали сверкала молнія. По ночамъ, при страшномъ волненіи, было бы интересно оставаться на палубѣ, еслибъ можно было, не подвергаясь опасности, наблюдать грозную картину. Надъ правымъ бортомъ безпрестанно поднимались огромныя волны, чернѣе темнаго неба, завернутаго тучами; пѣнистые гребни этихъ волнъ свѣтили фосфоричес-

Digitized by Google

кимъ блескомъ, грозно выростая по мѣрѣ приближенія къ пароходу. Казалось, вода каждый разъ должна бы прокатиться чрезъ палубу, но пароходъ нагибался на бокъ, тяжело приподнимался, и проходившая подъ нимъ волна являлась горой, мгновенно выроставшей уже по другую его сторону. По временамъ, верхушки волнъ били чрезъ бортъ и текли каскадами, разливаясь по палубѣ. Въ темныхъ плескавшихся ручьяхъ воды, блестѣли и двигались въ это время фосфорическія искры. Днемъ волны казались еще страшнѣе, еще опаснѣе съ ихъ прозрачной синевой и бѣлой пѣной, но и мы, не моряки, успѣли къ нимъ попривыкнуть. По палубѣ ходили не иначе, какъ держась за протянутыя веревки, да и тутъ ноги безпрестанно скользили и измѣняли, но волнъ мы уже не боялись, а о морской болѣзни не было помина.

Убѣдясь въ ощутительной убыли воды въ трюмѣ, капитанъ говорилъ, что избавленіе наше теперь — дѣло времени и терпѣнія, и что опасность миновала. Надежда сохранялась у всѣхъ; только N нылъ по прежнему. Признаюсь, однако, что и я старался не совсѣмъ поддаваться надеждѣ и гналъ отъ себя мечты о будущемъ. Это было и не совсѣмъ напрасно. Живя въ одномъ настоящимъ, я могъ теперь даже любоваться картинами моря.

Digitized by Google

Помнится, во вторникъ день былъ теплый и солнце грѣло на столько, что пріятно было помѣститься на сухой носовой части палубы. Платье начинало просыхать и чувствовалось какое-то сладкое возрожденіе. Море между тѣмъ еще сильно бушевало; пароходъ покачивался иной разъ такъ, что на боку приходилось скользить отъ лѣваго борта къ правому, если не удавалось удержаться за веревку, или упереться во что нибудь ногами. Въ это время мы были, говорятъ, на пути кораблей, идущихъ куда-то изъ Сардиніи, и безпрестанно видѣли проходящія парусныя суда. Они несли немного парусовъ и прыгали по волнамъ, то поднимаясь носомъ высоко къ верху, то зарываясь имъ совсѣмъ въ воду и обдаваясь бѣлыми брызгами волнъ. Помощи мы не просили, — не было надобности, наше положеніе казалось сноснымъ, да едва ли и была какая либо возможность сообщенія съ проходившими судами, при сильномъ волненіи, продолжавшемся по прежнему. Этотъ день далъ намъ немного отдыха, вода въ трюмѣ убыла на столько, что ведрами уже не работали, а только помпой; смѣнять работавшихъ приходилось не часто, и мнѣ даже почти не пришлось работать. Съ тѣхъ поръ, какъ главная опасность миновала, нельзя было пожаловаться и на голодъ: утромъ — черный кофе съ морскимъ сухаремъ; часовъ въ 11—

Digitized by Google

не дурной завтракъ и въ 6-мъ часу—обѣдъ. По немногу пріучились мы наливать и ѣсть при качкѣ, и ловко балансировали тарелками съ супомъ и стаканами. Все подаваемое ставилось, разумѣется, между протянутыми по столу веревками, но подъ часъ и это не помогало:—ножи, ложки и вилки начинали двигаться и прыгали со стола на полъ. Трапезы наши не были скучны;—страшная опасность въ близкомъ прошедшемъ и большая надежда выбраться изъ бѣды—оживляли разговоры и были почти всегдашней ихъ темой. Подъ часъ капитаны разсказывали кое-что изъ своей морской жизни. Одинъ изъ нихъ былъ слишкомъ двадцать—, другой слишкомъ тридцать лѣтъ на морѣ, и оба утверждали, что еще не видали такого разъяреннаго моря, какъ въ пятницу, и надѣятся больше не видѣть. Тоже подтверждали и матросы, съ которыми мнѣ случилось говорить. „Попадались мнѣ пассажиры“—разсказывалъ капитанъ—„выражавшіе желаніе видѣть бурю на морѣ. Я всегда отвѣчалъ имъ, что желаніе это безумно и что будетъ съ нихъ и того, что мы называемъ шкваломъ. Кто видитъ настоящую бурю, тотъ живъ не останется“. „А вы“— обратился капитанъ къ намъ—„можете сказать теперь, что видѣли небольшую бурю, не говорю—бурю, въ полномъ смыслѣ слова, потому что

Digitized by Google

мы еще живы.“—Обѣдали мы въ пятеромъ: капитанъ съ помощникомъ и три пассажира. Полуживой N немножко ободрился, но всякая мелочь, всякое новое движенье или плескъ воды на палубѣ заставляли вытягиваться его физіономію, и онъ возвращался къ привычнымъ фразамъ:—„мы погибли!“ Вѣдь мы погибли?“ Въ сильную качку пришлось мнѣ, для его успокоенія, спать двѣ ночи вмѣстѣ съ нимъ на одной койкѣ, но попытки мои пробудить въ нёмъ голосъ разсудка и вмѣстѣ съ нимъ хладнокровно разсчитать наши шансы на спасеніе— удавались плохо. При каждомъ сильномъ ударѣ волнъ, онъ готовъ былъ опять толковать о самоубійствѣ.

Отъ большей части воды въ трюмѣ мы освободились; продолжали еще работать помпой да большимъ ведромъ отливали воду смѣшанную съ углемъ, поднимая ее чрезъ одну изъ воздушныхъ трубъ; но тутъ опять вдругъ нашлась новая работа для всѣхъ. Пароходъ во все время держался не прямо, а наклонившись немного на правый бортъ. Оказалось, что здѣсь болѣе оставалось угля, да притомъ качка и вода, волновавшаяся въ трюмѣ, раздробивъ уголь, заставили его скучиться къ правому борту. Мы опять стали цѣпью и принялись перемѣщать уголь съ правой стороны на лѣвую. Въ особенно-

Digitized by Google

сти помощникъ капитана указывалъ на исполненіе этой работы, какъ на дѣло до крайности важное, и самъ первый работалъ въ потѣ лица; изъ водоливовъ мы превратились въ угольщиковъ. Перемѣщеніе угля было кстати. Вѣтеръ, бывшій въ этотъ день (среду) съ утра довольно сноснымъ, закрѣпчалъ къ вечеру, завылъ и засвисталъ снова и верхушки волнъ стали бить на палубу. Боковая качка усилилась и соединилась съ килевою, по палубѣ снова захлестала вода и размахи парохода сдѣлались огромны. Такъ длилось всю ночь, и ужасъ началъ по неволѣ опять одолѣвать и меня. Вдвоемъ съ N, лежа на одной койкѣ и заложившись доской съ края, чтобы не упасть, мы дремали немного, вскакивая безпрестанно. Спать не было возможности; сжавшись вдвоемъ между стѣной и доской, еще можно было лежать кое-какъ, но одного лежащаго просторно качкой рѣшительно поворачивало съ боку на бокъ. Ночь эта была непріятна до крайности,—все ожидалось чего-то ужаснаго. Капитанъ не спалъ и поминутно заглядывалъ на палубу, стоя въ дверяхъ каюты. Не разъ и я подходилъ постоять вмѣстѣ съ нимъ и спросить его стороной о нашемъ положеніи. N опять нылъ и собирался на тотъ свѣтъ. Видя, что убѣжденія безполезны, я началъ сердиться на него и высказывать свое неудовольствіе. Это помогло немного. Капитанъ

Digitized by Google

продолжалъ, впрочемъ, утверждать, что опасности серьезной нѣтъ; вода въ трюмѣ не прибывала, а парусинная покрышка на машинномъ отдѣленіи держалась хорошо, не допуская воду заливаться въ люкъ. Утромъ стало потише, но волненіе утихало медленно и качка продолжалась. Къ вечеру стало еще спокойнѣе и удалось затопить малый паровикъ, находившійся на палубѣ; при его помощи стали машиной поднимать большое ведро съ водой и уголь изъ трюма и привели въ движеніе малую паровую помпу. Помпа эта засаривалась однакожъ безпрестанно. Уже давно поговаривали о томъ, что скоро можно будетъ затопить машинные котлы, но это было не легко. Хотя вода и не мѣшала, но ея колыханьемъ было набито въ машину столько мелкаго угля и разныхъ нечистотъ, что чистить ее пришлось долѣе сутокъ. Наконецъ, ночь съ четверга на пятницу была тиха; волненіе видимо падало; новый мѣсяцъ свѣтилъ ярко;—должно быть его первой четверти обязаны мы были страшной погодой, продолжавшейся ровно недѣлю. Часу въ 11-мъ вечера пріятно было оставаться на палубѣ; пароходъ еще порядочно покачивало; волны подчасъ еще захлестывали чрезъ бортъ, но уже не было возможности сравнивать все это съ прошлымъ. Передъ отходомъ ко сну я любовался фосфоричностью моря и,

Digitized by Google

навязавъ бутылку на веревочку, ухитрялся ловить свѣтящихся букашекъ. Ухищренія мои чистосердечно смѣшили Бертрана, и N, пріободрившись, тоже началъ посмѣиваться. Улегшись съ сладкими и, казалось, довольно вѣрными надеждами на окончаніе приключеній, я заснулъ покойнѣе прежнихъ ночей; качка не мѣшала сну. Часу въ 5-мъ утра—смотрю—капитанъ входитъ въ нашу каюту; я заговорилъ съ нимъ, спросилъ который часъ и на его отвѣтъ замѣтилъ, что еще можно спать. „Спите“ отвѣчалъ онъ. Далекъ до крайности былъ я въ эту минуту отъ мысли о томъ пробужденіи, какое меня ожидало! Солнце только-что взошло, какъ вдругъ къ намъ сонным почти прибѣжалъ капитанъ: „Опять для всѣхъ есть работа въ трюмѣ. Поскорѣе!“ N къ счастію не слыхалъ этого приглашенія и остался спать. Мы съ французомъ вскочили и бросились на палубу съ стѣсненнымъ сердцемъ. Море было почти совсѣмъ покойно и ярко освѣщено; солнце пригрѣвало, и въ эту минуту менѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни, вѣрилось въ возможность потопленія, но приглашеніе къ общей работѣ грозило чѣмъ-то зловѣщимъ. На палубѣ всѣ были испуганы не на шутку, всѣ на ногахъ и въ хлопотахъ; даже помощникъ капитана казался встревоженнымъ. Въ трюмѣ машинной камеры снова появилась вода, лившаяся

Digitized by Google

туда изъ трюма носовой части. Говорили, что въ переднемъ трюмѣ много воды. Его открыли и принялись выкладывать грузъ на палубу. Главную часть его, лежавшую сверху, составляли мѣшки съ алебастромъ и ихъ порѣшили бросать въ море. Освободили трюмъ на столько, что можно было проникнуть до помпы, проходившей, въ его низъ и оказавшейся негодной, недѣйствующей, еще съ самаго начала нашихъ бѣдъ. Помощникъ капитана принялся за нее собственными руками, съ твердой рѣшимостью привести ее въ дѣйствіе. Клапанъ помпы онъ дѣйствительно исправилъ, но нижняя часть трубы осталась засоренной и помпа не пошла въ ходъ. Вода въ переднемъ трюмѣ повидимому сильно занимала помощника капитана, и онъ. кажется, готовъ былъ думать, что въ пароходѣ открылась течь. Мы съ французомъ старались разсуждать хладнокровно и приходили къ заключенію, что течи быть не можетъ, — что она не могла явиться теперь, въ тихую погоду, тогда какъ ея не было въ прошлую бурную ночь; мы объяснили новое появленіе воды въ машинномъ трюмѣ тѣмъ, что теперь, послѣ его очистки, сообщеніе между нимъ и трюмомъ носовой части, прерванное на время скопившимся углемъ и соромъ—возстановилось и вода, набравшаяся въ пароходъ во все несчастное время, начала течь изъ

Digitized by Google

передняго трюма въ машинный. Капитанъ соглашался съ нами. и такъ оно было въ дѣйствительности, но въ глубину сердца—что ни говори—опять закрадывалось безпокойство. Чувство безопасности, только-что посѣтившее насъ, снова поколебалось. Завтракъ, для котораго на одинъ часъ прервали работу, не былъ веселъ. N, спавшій и не слыхавшій ничего, узнавъ теперь о новыхъ происшествіяхъ, опять сидѣлъ съ вытянутой физіономіей и почти не ѣлъ. Послѣ завтрака принялись еще разъ за переноску угля, и на этотъ разъ уже съ цѣлью топить машину. Между тѣмъ, помпа и работа большаго ведра шли своимъ чередомъ, и опять скоро оказалась убыль воды. Это всѣхъ ободрило. Машину все чистили и чистили, большіе котлы затопили и обѣщали часа черезъ два давленіе пара достаточное для ея движенія. Всѣ нетерпѣливо, со страхомъ и надеждой, поглядывали на трубу,—всѣ знали, что первый поворотъ винта давалъ намъ уже твердую надежду на спасеніе. Большой течи въ пароходѣ не было навѣрно, такъ какъ ручная помпа и ведра убавляли воду, а вмѣстѣ съ движеніемъ машины, начиналась работа большой помпы, которая навѣрно и быстро могла освободить насъ отъ воды въ трюмѣ—отъ воды, присутствіе которой цѣлую недѣлю висѣло угрозой надъ нашими головами и

Digitized by Google

которой прибыль была бы неустранимымъ приговоромъ къ продолжительной медленной агоніи и къ потопленію. Не разъ въ эти дни вспоминали о пароходѣ „Атласъ“, который, около трехъ лѣтъ тому назадъ, пропалъ безъ вѣсти, не оставивъ слѣда. Всѣ многочисленные розыски были тогда напрасны и никакихъ остатковъ „Атласа“ не удалось открыть. Кто знаетъ не такъ ли погибъ онъ, какъ гибнемъ мы? Не суждено ли намъ подвергнуться участи „Атласа“? Вопросъ этотъ находилъ теперь отвѣтъ; первое движеніе машины значило—нѣтъ, мы выйдетъ побѣдителями изъ нашей борьбы съ моремъ, борьбы на жизнь и смерть.

Большая труба наконецъ задымилась, потомъ и изъ паровой трубы показался паръ, означавшій достаточное давленіе, но машина все еще стояла и стояла. Она не двигалась еще долгихъ 3—4 часа,—не скоро удалось справиться съ очисткой ея. Только предъ закатомъ солнца, въ пятницу, повернулась она. „Идемъ! идемъ!“—словъ болѣе радостныхъ не существовало для насъ въ эту минуту. Мы дѣйствительно шли съ полчаса, но вдругъ опять остановились. Явилось новое волненіе, новыя опасенія, новыя догадки со стороны пассажировъ. Тѣ, которые прежде работали самоотверженно, обнаруживали теперь тѣмъ болѣе нетерпѣнія. Фраза „мы погибли“

Digitized by Google

опять явилась на губахъ N. Я понималъ, впрочемъ, что безпокоится было не о чемъ; машина можетъ работать, а это главное; пустить ее въ ходъ не вдругъ, вычищая засоренное,—дать ей, что называется, обойтись исподоволь—требовало благоразуміе. Еще съ часъ простояли мы, и двинулись наконецъ окончательно. Къ рулю, устроенному какъ-то посредствомъ канатовъ, стали становиться матросы, правильно смѣняясь,—все приняло болѣе нормальный, болѣе радостный видъ. Между тѣмъ, хотя и смеркалось, но нѣкоторые изъ пассажировъ успѣли замѣтить землю. Капитанъ, поглядѣвъ въ зрительную трубу, потвердилъ это извѣстіе. Мы были у береговъ Африки, пройдя около 65 лье на юго-востокъ. несомые вѣтромъ. Въ этотъ вечеръ обѣдъ былъ веселъ вполнѣ, да и качка уже вовсе прекратилась, намъ неприходилось балансировать, а посудѣ—прыгать. До разсвѣта мы двигались тихимъ ходомъ, не зная мѣста, гдѣ именно находимся. Въ эту ночь спалось покойно. Утромъ, прежде чѣмъ я проснулся, машина была уже въ полномъ ходу. Берегъ былъ узнанъ; мы находились недалеко отъ Бужіи, часовъ на 14 хода восточнѣе Алжира. Часу въ 7-мъ, вскорѣ по восходѣ солнца. молодой симпатичный французъ-докторъ, пассажиръ 2-го класса, прибѣжалъ будить меня и звать на верхъ смотрѣть его родину, Аф-

Digitized by Google

рику. Радостно было это утро: море совсѣмъ тихое, неузнаваемое въ сравненіе съ тѣмъ, какимъ видѣли мы его; слѣва тянулись цѣпи лиловыхъ горъ и за ними, мѣстами, выглядывали покрытыя снѣгомъ вершины. Около парохода вились безпрестанно чайки, которыхъ мы видали до сихъ поръ лишъ изрѣдка и только въ послѣдніе дни; вскорѣ и стая дельфиновъ пустилась за нами, выпрыгивая изъ воды и перегоняя одинъ другаго. Плаваніе наше вдоль гористыхъ африканскихъ береговъ, по тихой водѣ, напомнило мнѣ родную Волгу во время ея разлива, и радостно сознавалось избавленіе, живо и полно чувствовались надежды.....

Около 8-ми часовъ вечера мы были въ Алжирѣ, только-что засвѣтившемъ свои газовые огоньки, и едва добрались до отеля разучившись ходить по твердой землѣ—и на берегу все чудилась намъ сильная качка.—Почти 10 дней не смѣняли мы большую часть платья, которое не разъ было смочено морской водой и высыхало на тѣлѣ. Ноги были у меня похожи на ноги настоящаго угольщика.

За однимъ изъ нашихъ обѣдовъ на пароходѣ, когда неминучая опасность уже прошла, капитанъ говорилъ намъ: „Погодите, теперь вы еще находитесь подъ обаяніемъ грозныхъ происшествій; все это будетъ производить на васъ послѣ впечатлѣніе

Digitized by Google

болѣе сильное".—И это правда,—сегодня, 3-е февраля, я чувствую себя почти нормально, но долженъ сознаться, что не безъ ужаса думаю о прошедшемъ,—не безъ опасенія о будущемъ, предстоящемъ возвратномъ плаваніи.

Понимаю, что морякъ не связанный семействомъ, можетъ любить море и его опасности, но тотъ, чья жизнь еще нужна для другихъ,—кому есть что терять, пусть лучше остается на сушѣ. Капитанъ нашъ сказывалъ, что бываютъ люди остающіеся жить въ Индіи потому, что не могутъ рѣшиться еще разъ обогнуть мысъ Доброй Надежды, напугавшій ихъ своими бурями. Теперь и я готовъ понимать это,—если не разсудкомъ, то чувствами.

Алжиръ. $\frac{\text{8 Февраля.}}{\text{27 Января.}}$ 1868 г. Суббота.

Нашъ приходъ въ Алжиръ былъ радостнымъ событіемъ не для однихъ насъ, но и для всего города. Пока мы бѣдствовали въ морѣ, другіе пароходы успѣли сдѣлать рейсы изъ Марселя въ Алжиръ и обратно. Тутъ и тамъ насъ уже считали погибшими. Огромная толпа собралась на берегу привѣтствовать насъ. Не для всѣхъ однакоже встрѣча была радостна. Лишь только вошли мы на рейдъ,

Digitized by Google

къ намъ на пароходъ явился одинъ изъ алжирскихъ лоцмановъ, братъ котораго былъ въ числѣ нашихъ матросовъ; вмѣсто радостнаго свиданія ждала его печальная вѣсть, — ему не суждено было встрѣтить брата вмѣстѣ съ спасшими пароходъ: этотъ братъ спалъ вѣчнымъ сномъ въ средиземныхъ глубинахъ, — онъ былъ одинъ изъ числа восьми человѣкъ смытыхъ волнами съ палубы.

Всѣ алжирцы относились къ намъ съ самымъ теплымъ участіемъ; подъ именемъ „потерпѣвшихъ крушеніе“ насъ вездѣ встрѣчали съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ.

Двухнедѣльное пребываніе въ Африкѣ оставило мнѣ не мало пріятныхъ воспоминаній; особенно интересны были частыя прогулки въ алжирскій ботаническій садъ, лежащій не далеко отъ города. Цѣлыя аллеи пальмъ и бамбуковъ, — не тощихъ и полустрадающихъ, какъ на югѣ Франціи, но сильныхъ, роскошно раскидывающихъ свои перистыя или вѣерныя листья, — свидѣтельствовали здѣсь о другомъ мягкомъ южномъ климатѣ; плантаціи банановъ стояли съ висящими гроздами плодовъ. Многое изъ того, что̀ привыкли мы видѣть у себя въ тепличной искуственной холѣ, росло здѣсь въ клумбахъ, массами, на открытомъ воздухѣ.

Во время бѣдствія, нѣкоторые изъ нашихъ мо-

Digitized by Google

ряковъ дали обѣтъ, въ случаѣ спасенія, отправиться благодарить Бога въ церковь Африканской Богоматери, стоящую на горѣ, надъ моремъ, близъ Алжира. Въ назначенный день, рано утромъ, собрались и отправились наши пилигримы. Я примкнулъ къ нимъ. Во время обѣдни явился самъ алжирскій архіепископъ. Сказывали, что незадолго до того и ему, при переходѣ изъ Марселя въ Алжиръ, пришлось вытерпѣть порядочную бурю, и это заставляло его особенно живо сочувствовать нашему положенію. По окончаніи обѣдни и благодарственнаго молебствія, архіепископъ съ причтомъ вышелъ изъ церкви на край горы. Здѣсь, надъ моремъ, была отслужена панихида по нашимъ погибшимъ товарищамъ и, въ краткой теплой рѣчи, архіепископъ напомнилъ слушателямъ о ничтожествѣ человѣческихъ силъ выступающемъ такъ ярко въ борьбѣ съ разъяренной стихіей. Съ высоты горы было дано послѣднее благословеніе погибшимъ. Большинство присутствовавшихъ было растрогано до глубины души. Давно ли многіе изъ нихъ находились между страхомъ и надеждой, незная, увидятъ ли они африканскій берегъ или и имъ назначена водная могила? А солнце яркимъ свѣтомъ обливало въ этотъ день и горы съ едва пробившейся сочной зеленью молодой травой, и лазурное тихое, едва колышащееся море. Оно ярко

Digitized by Google

блистало теперь переливчатымъ свѣтомъ; тамъ и сямъ виднѣлись бѣлые паруса рыбачьихъ лодокъ, и нелегко было узнать въ этомъ красивомъ спокойствіи тѣ водяныя горы, которыя грозили поглотить насъ.

Обратное плаваніе мое изъ Алжира въ Марсель было вполнѣ благополучно и продолжалось по обыкновенію около 2-хъ сутокъ. Подъ свѣжими впечатлѣніями недавняго прошлаго мнѣ трудно было тогда не поддаваться опасеніямъ, но прошли годы—и я опять по прежнему отношусь къ морю и морскимъ путешествіямъ.

А. Бутлеровъ.

С.-Петербургъ.
Марта 15-го, 1874 г.

Digitized by Google

У моря.

(Посвящается А. Н. Якоби.)

Былъ ясный день. Въ нѣмомъ покоѣ
Земля пригрѣтая спала.
Какъ будто зеркало стальное,
Морская гладь была свѣтла.
Спокойнымъ сномъ дремало море
Въ новозмутимой тишинѣ,—
Такъ только дѣти на просторѣ
Спятъ, разметавшись въ сладкомъ снѣ.
Порою чайка одиноко,
Почти не шевеля крыломъ,
Завидѣвъ рыбу издалека,
Плыла въ пространствѣ голубомъ.
Вдали, бездѣйствуя, стояли
И ждали вѣтра корабли

Digitized by Google

И только кое-гдѣ мелькали
Однѣ рыбацкія ладьи.
На берегу, играя, дѣти
Вязали сорванный тростникъ,
Чинилъ разорванныя сѣти
На солнцѣ грѣвшійся старикъ,
И, наклонясь къ своей работѣ,
О чемъ то пѣлъ беззвучно онъ,
Какъ будто въ сладостной дремотѣ
Предъ нимъ носился свѣтлый сонъ.
Ему, казалось, расточала
Жизнь только счастье безъ конца
И никогда не омрачала
Печалью этого лица.
Меня онъ встрѣтилъ яснымъ взглядомъ,
(Какъ смотрятъ дѣти послѣ сна),
Когда спросилъ я, сѣвъ съ нимъ рядомъ:
„Ну, какъ живется, старина?“
—„Живемъ, покуда кормитъ море.
Ишь, нынче дни-то—благодать!“
И съ дѣтской ласкою во взорѣ
Взглянулъ онъ на морскую гладь.
„А дѣти?“— „Слава Богу, живы!
Дочь дома, въ морѣ зять, а внукъ
Такой-то выросъ шаловливый,
У дѣда выбился отъ рукъ.“

Digitized by Google

Онъ говорилъ, а взоръ былъ свѣтелъ,
Когда, закрывшись отъ лучей,
Онъ внука-баловня замѣтилъ
Въ толпѣ рѣзвившихся дѣтей.

—

„А сынъ?“. Старикъ съ нѣмой тоскою
На море спавшее взглянулъ
И прошепталъ, махнувъ рукою:
—„Сынъ пятый годъ какъ утонулъ!“
Онъ смолкъ, въ пространство голубое
Вперивъ потухшіе глаза,
А на лице его худое
Катилась за слезой слеза.
Казалось, страшныя картины
Предъ нимъ носились въ этотъ мигъ;
Ночная буря, ревъ пучины,
Раскаты въ тучахъ грозовыхъ,
Костеръ сигнальный въ тьмѣ глубокой,
Рыданья женщинъ и дѣтей
И крикъ—и смутный, и далекій,
Все становившійся слабѣй.
Припомнивъ ужасы былые,
Шепталъ рыбакъ, какъ бы сквозь сонъ:
—„Сынишку тоже взялъ впервые
Въ тотъ день съ собой на ловлю онъ...

Digitized by Google

Погибли оба... Утромъ рано
Съ весломъ обломаннымъ въ рукѣ
Лежало тѣло мальчугана
Вонъ тамъ на этомъ островкѣ...
Невѣстка какъ припала къ сыну,
Такъ и застыла... Могъ унять
Одинъ Господь ея кручину,
А людямъ не утѣшить мать...“

—

Онъ снова замолчалъ уныло,
И показалось море мнѣ
Одной гигантскою могилой,
Зіявшей грозно въ тишинѣ.
И долго мы молчали оба.
Его не могъ я утѣшать
И размышлялъ: какая злоба
На эту тишь, на эту гладь,
На это дремлющее море
Должна кипѣть въ душѣ отца
За все испытанное горе,
За смерть любимца-первенца!
Но вотъ отъ тягостной дремоты
Очнулся старый рыболовъ
И, наклонившись надъ работой,
Промолвилъ:—„Нынче славный ловъ.

Digitized by Google

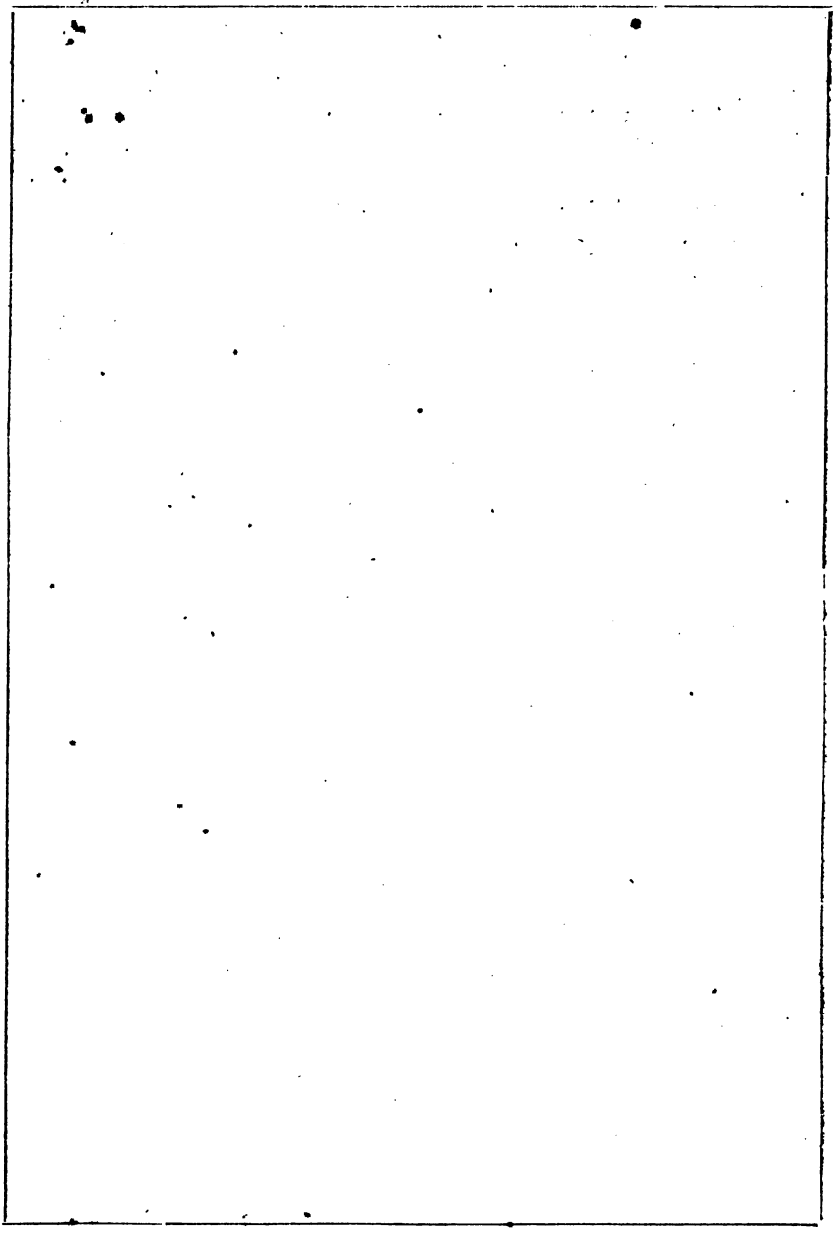
Не будетъ долго непогоды,—
Работай смѣло день и ночь.
Эхъ, старость! Если-бы не годы
И я-бы зятю могъ помочь.
А то челна весломъ не сдвинешь,
Вотъ и сидишь тутъ день деньской,
Какъ баба,—неводъ старый чинишь,
Да балагуришь съ мелкотой.
А прежде? Прежде-то, бывало.
По лѣту баба-то моя
Двухъ сутокъ кряду не видала
Меня въ избенкѣ у себя.
Куда насъ море не носило!
Теперь не справиться съ нимъ мнѣ.
А встарь: оно-то звѣремъ выло,
А я пускался въ путь въ челнѣ!
Я зналъ, гдѣ камень есть подводный,
Гдѣ мель наносится волной,
Гдѣ островокъ растетъ безплодный,
Гдѣ рыба водится весной...
И вспомнивъ вновь былые годы,
Онъ только свѣтлыя черты
Мнѣ рисовалъ. „А за невзоды
Простилъ, должно быть, море ты?“
Воскликнулъ я почти съ укоромъ,—
А онъ оставилъ неводъ свой

Digitized by Google

И мнѣ въ лице спокойнымъ взоромъ
Взглянулъ, качая головой:
—„Чего мнѣ злобиться на море?
И всякій трудъ—не ровенъ часъ!—
Даетъ то радости, то горе,—
За то вѣдь онъ и кормитъ насъ.“

А. Михайловъ.

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Цѣна 1 р. 50 коп.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

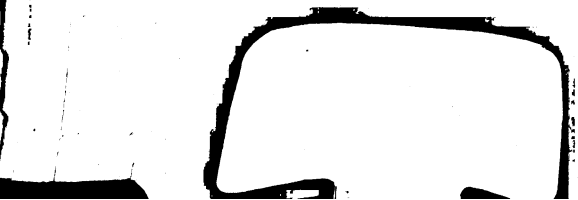
Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

Digitized by Google


Digitized by Google

Digitized by Google